

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

РУАЛ АМУНДСЕН

Annotation

Герой книги - выдающийся полярник Руал Амундсен. Он единственный побывал на обоих полюсах Земли и совершил кругосветное плавание в водах Ледовитого океана. Прошел Северным морским путем вдоль берегов Евразии и первым одолел Северо-Западный проход у побережья Северной Америки. Блестящий организатор, на пути к Южному полюсу безошибочно выбрал собачьи упряжки и уложился в сжатые сроки, пока трудности не ослабили участников похода. Фигура исторического масштаба, опыт которого используют полярники до сего дня.

- [Руал Амундсен](#)
  -
  - [Море зовёт](#)
  - [«Ты будешь доктором»](#)
  - [«Приключения Джона Франклина»](#)
  - [Все — к одной цели](#)
  - [Человек сильной воли](#)
  - [«На лыжах через Гренландию»](#)
  - [Перелом](#)
  - [Первое испытание](#)
  - [На волосок от смерти](#)
  - [Их не узнают](#)
  - [Матрос](#)
  - [К магнитному полюсу](#)
  - [Дорога на юг](#)
  - [В ловушке](#)
  - [Амундсен — начальник](#)
  - [Доктор Кук — спаситель](#)
  - [К великим целям](#)
  - [Плавание на «Йоа»](#)
  - [Путь, полный опасностей](#)
  - [Две зимовки](#)
  - [Эскимосы — соседи](#)
  - [Дальше на запад](#)
  - [Смелые замыслы](#)
  - [К Южному полюсу](#)

- [К цели](#)
  - [В новый поход](#)
  - [Три зимовки](#)
  - [Тяжёлые годы](#)
  - [На самолётах к полюсу](#)
  - [Борьба за жизнь](#)
  - [На дирижабле через Северный полюс](#)
  - [Славная смерть](#)
  - [Послесловие](#)
  - [Основные даты жизни и деятельности Руала Амундсена](#)
  - [Краткая библиография](#)
  -
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
-

Руал Амундсен

Море зовёт

По узким мосткам школьники прошли на пароход и сели цепочкой вдоль борта. Помощник учителя Кнутсен внимательно оглядел каждого мальчика. У всех в руках или за плечами были сумки с едой. Последним на пароход поднялся учитель Нордаль.

Палуба парохода была открыта со всех сторон; брезентовая крыша защищала пассажиров от дождя и солнца.

Город только просыпался. Солнце выходило из-за дальних гор. В долине под Нурмаркеном ещё лежали синие тени. Вода у набережной казалась маслянистой и неподвижной. С пронзительными криками носились над водой чайки.

Пароход дал свисток. Под палубой зашипел пар. Два матроса убрали мостки, сняли чалки, и полоса воды меж берегом и пароходом стала расширяться. Мальчики встали со своих мест и звонко запели:

Да, мы любим эти скалы...

Громче и задорнее всех пел мальчик в зелёной куртке и зелёной шляпе. Кнутсен кивал мальчику головой в такт песне и, когда песня окончилась, сказал улыбаясь:

— У тебя, Руал, самый сильный голос.

— И самый неприятный, — тотчас же откликнулся насмешливый сосед Руала, белокурый мальчуган Фалькенберг.

Мальчики громко рассмеялись и заговорили, перебивая друг друга:

— У Руала в горле петух сидит.

— Какой там петух... Морж! Ишь, как ревёт!

Кнутсен унял шутников:

— Ну, не обижайте его. Смотрите, как хорошо кругом!

Отойдя от пристани, пароход прибавил ходу, и город стал удаляться. Тёмная зелень под горами постепенно синела. Белые дома на фоне зелени были похожи на птиц, присевших отдохнуть. Из-за дальней горы шёл к городу поезд. Длинным хвостом тянулся над ним белый пар. Мальчики во все глаза глядели на развёртывавшуюся перед ними панораму. Многие из ребят впервые ехали по этому фиорду к дальнему городу, лежащему у самого моря.

Пароход быстро шёл мимо берегов, где на обрывах белели красивые дома. Впереди показался низкий каменный остров. Вот он ближе, ближе, уже видны толстые каменные стены и жерла пушек. Учитель Нордаль протянул руку к острову:

— Эта крепость защищает подступы к нашей столице. Смотрите, как грозны эти стены и орудия.

Мальчики присмирели, молча рассматривая укрепления.

Миновав крепость, пароход вошёл в узкий канал, извилистый, как ползущая змея. Высоко над каналом висел мост. По мосту двигались повозки, экипажи, люди. И когда пароход прошёл под мостом, вдали показалось море, ещё не ясное, спрятанное в утреннем тумане. Мальчики запели снова.

Песня стала громче, как только открылась широкая гладь фиорда, сливающаяся с туманным морем. Три шхуны с косыми белыми парусами плыли под гористым берегом, а самой серединой фиорда шёл океанский пароход: и он и шхуны направлялись к маленькому городку, расположенному на правом берегу.

Судно, на котором ехали мальчики, только подходило к городской пристани, а океанский пароход уже швартовался у соседнего мола. Среди рыбачьих шхун и маленьких парходиков океанский гость казался великаном. Шумной толпой школьники высыпали на набережную и построились в ряды. Впереди шёл учитель Нордаль в тёмной шляпе, а позади всех Кнутсен. Они шли неторопливо, разглядывая чистенькие городские дома, набережную, корабли.

— Итак, друзья мои, мы в Тонсберге, самом старом городе Норвегии, — сказал Нордаль торжественно. — Этот город основан задолго до рождения нашей столицы Христиании. Смотрите, сколько здесь кораблей! Они приходят сюда с рыбных и китобойных промыслов. Мы обойдём с вами всю набережную, а потом посмотрим, что делается на этих судах.

Набережная уже была полна народу. Вдоль неё в несколько рядов стояли остроносые суда с высокими бортами. На мачтах и реях висели свёрнутые паруса. Просмоленные верёвочные лестницы и снасти походили на чёрную паутину. У всех парусников на верхушке передней мачты были укреплены бочки. Эти бочки больше всего занимали мальчиков.

— Зачем они там?

— Вы не знаете, для чего бочки на мачтах? — спросил учитель. — Матросы называют эти бочки «вороньими гнёздами». Когда корабль входит во льды, капитан поднимается в это «гнездо» и в подзорную трубу осматривает горизонт: не видно ли где морского зверя, не покажется ли фонтан кита. Чем выше мачта, тем выше «гнездо», тем дальше видно.

Руал не отставал от учителя ни на шаг. Он ловил каждое его слово. В этом городе Руал был впервые, но море, корабли... с ними он сжился давно. Во время летних и зимних каникул Руал уезжал из Христиании в Бorge, городок близ Сарпсборга-на-Гломме — самой большой реке Норвегии. Там, на берегу Гломмы, была отцовская судовой верфь — Вервен. Зимой на приколе у берега реки стояли десятки судов, вот таких же, как эти. Руал знал даже, как строятся эти суда. Вместе с братьями он часто бывал на верфи.

Старший судостроитель Свэн Ульсен встречал мальчиков ласково, отвечал на сотни их вопросов, объяснял, для чего служит та или иная часть корабля, и разрешал им самим кое-что мастерить. Владелец верфи капитан Амундсен был доволен, что его мальчики с детства приучаются владеть

пилой, топором, молотком, рубанком. Он не любил белоручек.

— Приучайтесь работать не только головой, но и руками, — говорил он им. — Ваш дед был рыбак, он не мог дать мне образования, но приучил меня работать не покладая рук. И я стал капитаном. Дети должны знать и уметь больше, чем их родители, иначе жизнь остановится.

Руал не хуже учителя мог сейчас объяснить, для чего служит та или иная часть судна, и всё-таки с жадностью слушал объяснения. Каждое судно было для него увлекательной сказкой. Ведь на этих судах смелые люди ходят в далёкие океаны бить китов, моржей, тюленей, ловить рыбу. Они не боятся ни штормов, ни бурь, ни морозов.

— А где же матросы? — наивно спросил учителя белокурый Фалькенберг.

— Вот они, матросы. — И, указав на трёх мужчин, кативших по узким мосткам большую бочку, Нордаль спросил удивлённо. — Разве ты не видел матросов раньше?

Мальчуган слегка покраснел.

— Я впервые в Тонсберге, — пробормотал он.

Руал живо повернулся к Фалькенбергу:

— Ты думаешь, матросы это какие-то богатыри?

Мальчик, не отвечая, смотрел на матросов; на них были засаленные рубахи с открытыми воротами, кожаные брюки и высокие неуклюжие сапоги. Обветренные, обожжённые морозами лица... Красные, усталые

глаза...

— Разве это матросы?.. — разочарованно протянул Фалькенберг.

— Ну, конечно, матросы.

— Откуда они пришли... такие?

Матросы в это время выкатили бочку на каменную набережную, установили её рядом с другими бочками под деревянным навесом и пошли назад, к мосткам.

— Что разгружаете? — спросил у них Нордаль.

— Китовый жир, — сказал матрос, прикоснувшись рукой к фуражке.

— Далеко были?

— На Шпицбергене, — вежливо ответил матрос и побежал по мосткам навстречу толстенькому человечку, медленно сходявшему с судна.

— Слышал? — обратился учитель к Фалькенбергу. — Этот корабль охотился на китов у Шпицбергена. А вот и сам капитан.

Толстенький бритый человечек мало чем отличался от матросов. Только его куртка была, пожалуй, немного чище да на рукаве желтела узкая золотая ленточка.

— А я думал... — пробормотал мальчуган.

Учитель наклонился к нему:

— Что ты думал?

Но тут вмешался Руал:

— Он думал, что капитан высокого роста, силач, а матросы — богатыри.

Учитель и мальчики рассмеялись.

— Нет, мой друг, — ласково сказал Нордаль, — матросы и капитаны не похожи на древних викингов, каких ты встречал в книжках. Теперь ты видишь — это самые обыкновенные люди.

Руал взял Фалькенберга под руку. Он понимал его разочарование. Он и сам ещё недавно представлял себе матросов и капитанов людьми особенными. Но это было ещё до того, как он познакомился с ними на отцовской верфи.

Громко перекликаясь, школьники шли по набережной. Всюду была суета: по мосткам ползли тачки с кипами тюленьих шкур, с грохотом катились тяжёлые бочки, обитые железными обручами. Гавань была полна волнующими запахами. Пахло смолой, солёным морем. Множество чаек с пронзительным криком пролетало меж мачтами кораблей, над набережной, над водой, покрытой маслянистыми пятнами. С моря шли маленькие волны, и ветер тихо гудел в реях, будто звал куда-то вдаль, на простор.

Руал, задумавшись, шёл позади товарищей. Он то и дело

останавливался у каждого корабля и будто прилипал к нему глазами.

С набережной пошли в город.

— Позвольте мне остаться в порту, — попросил Руал учителя. — Я хочу посмотреть, как здесь работают.

— И я, и я хочу остаться! — раздалось несколько голосов.

Учитель переглянулся со своим помощником:

— Вы, может быть, останетесь с ними, Кнутсен? Мы пойдём в музей, а к полудню встретимся в главной школе.

Школьники разделились. Большинство ушло с Нордалем, а несколько мальчиков с Кнутсеном осталось на набережной, где стоял пароходик, на котором они приехали из Христиании.

Теперь уже нечего было торопиться, и мальчики подолгу разглядывали каждое судно, которое их занимало и казалось необыкновенным.

После ухода учителя Руал стал объяснять товарищам, как управляют судами, как охотятся в далёких северных морях. Он заметно гордился своими знаниями, рассказывал оживлённо, с задором. Было видно, что море для него — родная стихия.

И Кнутсен, с удовольствием слушая мальчика, спросил невольно:

— Ты кем же будешь, Руал, когда кончишь школу?

Руал посмотрел прямо в лицо Кнутсену и ответил решительно:

— Я буду моряком.

«Ты будешь доктором»

Дверь в комнату тихо отворилась. Мать подняла от шитья голову: на пороге стоял Руал. Его глаза светились. Он радостно улыбался матери, но вдруг смутился, заметив в её глазах слёзы. Улыбка мгновенно погасла, лицо стало хмурым.

— Ты опять плакала, мама?

Мать склонила голову к шитью. Ей совсем не хотелось, чтобы сын видел её слёзы. Не поднимая глаз, она спросила глухим голосом:

— Проводил?

— Проводил, — ответил Руал. — Дождик накрапывает. Леон испугался, что испортит свою новую шляпу, и побежал... как заяц по огороду.

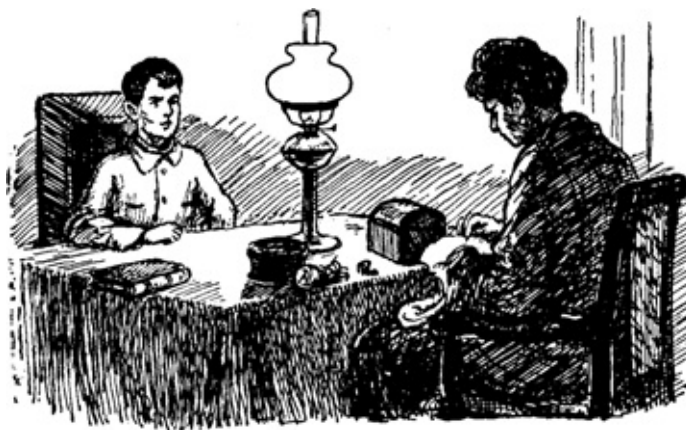
Руал хотел шуткой развеселить мать, но она ещё ниже склонилась к шитью, и мальчик услышал приглушённый всхлип.

— Ну, мама, не плачь же! — сказал он. — Всё время слёзы да слёзы.

— Я не хочу плакать... Что ж! Раз так надо, пусть уходит. Все сыновья ушли скитаться по свету. Как они будут жить?

Голос у матери дрожал, и Руал видел, что она пытается подавить рыдания.

— Хорошо будут жить, мама. Не бойся. Будут работать, служить. Я тоже скоро начну работать. Ведь мне уже четырнадцать.

Мать покачала головой:

— Нет, ты ещё не скоро будешь работать. Ты должен много учиться, чтобы стать доктором.

Мальчик сел за стол, положил руки на скатерть и внимательно посмотрел в лицо матери.

— Но, мама, я же тебе говорил, что я буду моряком.

— Нет, ты будешь доктором. Я не хочу, чтобы и ты покинул меня. У меня уже никого не осталось. Только ты один... — Она помолчала немного и сказала тихо, с мольбой: — Неужели и ты меня оставишь?

По лицу мальчика пробежала тень. Он хотел что-то сказать, но промолчал. Прежде он всегда спорил с матерью. Два года подряд он упрямо твердил: «Буду моряком, буду!» Но с тех пор, как умер отец, — а это случилось год назад, — Руал решил не огорчать её. Она теперь часто плакала, вспоминая покойного мужа. Плакала оттого, что большая семья начала распадаться... Вот сегодня ушёл и Леон. И у неё остался только Руал.

Да, мальчик прав. Слезами себе не поможешь. Она успокоилась, подняла голову от шитья и, пристально глядя на сына, сказала тихо, но твердо:

— Так-то, мой мальчик: ты будешь доктором. Пройдет ещё лет шесть или семь, ты окончишь университет, мы поселимся с тобой где-нибудь на тихой улице... а может быть, уедем из Христиании в Борге... и заживём мирной, спокойной жизнью.

Мальчик откинулся на спинку стула и, полужакрыв глаза, слушал мать.

«Доктор?» Руал представил себе их соседа, доктора Леви, седого, вечно кашляющего старика, с рыжеватой бородой, угрюмого, скучного. Он всегда ходит в чёрном сюртуке, и глаза у него такие, будто он недоволен всем миром. Неужели и ему, Руалу, придётся стать таким же, как этот Леви?

И он так же будет ходить, опираясь на палку, зимой и летом по одной и той же улице и только менять летнюю шляпу на зимнюю шапку и чёрный сюртук на шубу с мохнатым воротником, как меняет их доктор Леви?

«Нет, доктором я не буду», — решил он про себя.

А мать говорила о том, как хорошо они будут жить в Борге.

— Ведь Борге твой родной город. Мы увезли тебя оттуда трёхмесячным ребёнком. Там нам было хорошо. Но твой отец всегда хотел жить в столице. И вот мы переехали в Христианию. Правда, и здесь мы жили неплохо, пока не умер твой отец.

Руал закрыл глаза, думая о своём. В чёрные окна убаюкивающе барабанил дождь. Мать взглянула на сына, на его закрытые глаза:

— Ты спать хочешь? Иди ложись.

Руал стряхнул с себя сон, поднялся с места и, пожелав матери спокойной ночи, пошёл к себе.

Маленькая комната его походила на каюту. Не зажигая света, он подошёл к окну. Дождь всё ещё стучал в стекла. Однообразно шумели деревья, и где-то недалеко за стеной слышался глухой звон. То били башенные часы: раз, два, три... пять... десять... В соседнем дворе, у доктора Леви, залаяла собака: так она лает всякий раз, когда доктора приходят звать к больному. Руал живо представил себе, как поздно вечером доктор вернулся домой, лёг спать, и вот сейчас его будят, кому-то понадобился доктор Леви. Вот сейчас он, наверное, ворчит, кашляет и в глухую ночь, в дождь пойдёт по тёмной улице туда, куда его позвали.

Нет, Руал не будет доктором! Вот уж сколько лет он думает только о море. Даже по ночам оно не оставляет Руала. Ему снятся океаны, моря, киты, моржи и тюлени, — он едет далеко на охоту. И вот сейчас... он засыпает с мыслью о море... Это не дождь шумит, это плещет море... «Нет, доктором я не буду!» Катятся холодные зелёные волны, и тихо поёт ветер, будто зовёт куда-то вдаль.

«Приключения Джона Франклина»

Был праздник. Руал не выходил из своей комнаты, хотя было уже двенадцать часов дня. Мать подошла к двери, постучала:

— Руал, ты спишь?

Бодрый голос ответил из-за двери:

— Нет, мама, я читаю.

— Иди же завтракать!

Руал появился на пороге столовой с толстой книгой в руках. Глаза его были широко открыты, он смотрел на мать, на накрытый стол с таким видом, словно не мог понять, как он сюда попал. Волосы его растрепались, ворот рубашки расстегнулся.

— Ну посмотри, Руал, на кого ты похож! — с укором сказала мать.

Руал машинально застегнул ворот, пригладил ладонью волосы и сел за стол, положив перед собою книгу. Мать пододвинула ему кофе. Не глядя, он взялся за стакан и упёрся глазами в недочитанную страницу.

— Перестань читать! — возмущенно сказала мать. — Сначала позавтракай.

— Я сейчас, мама, вот только полстранички... Сейчас...

Его глаза бежали по строчкам.

Мать сама закрыла книгу. Руал торопливо пил кофе. Он спешил вернуться к книге.

— Что это за книга?

— «Приключения Джона Франклина».

— Опять моряки?

— Да, мама.

— Ох, эти моряки! Они вскружили тебе голову. Ты только о них и думаешь. А ведь уже не маленький. Пора бы тебе подумать о будущем. Ты же не моряком будешь, а доктором.

Руал исподлобья посмотрел на мать, — ему не хотелось спорить, и некогда было. Он допил стакан и бросился в свою комнату, на ходу отыскивая нужную страницу:

«Третью неделю шла борьба корабля со льдами. В тёмную ночь, когда свирепствовала буря, корабль вдруг затрещал, сдавленный льдами. Точно ружейные выстрелы раздавались внутри корабля: то лопались переборки и бимсы. Вода хлынула в трюм, и люди уже были бессильны спасти корабль. На палубе и в трюме раздались крики:

— Спасайтесь!

Множество ног затопало в темноте. При свете факелов люди начали сгружать с корабля прямо на лёд лодки, ящики и бочонки со съестными припасами, кипы одежды».

Руал затаив дыхание читал дальше:

«Всю ночь бушевала буря, и всю ночь трещали льды. Когда настало утро, люди увидели, что от их корабля остались только раздробленные брёвна да валявшиеся на льду мачты со спутанными вантами. Но вдали, к счастью, виднелись чёрные берега, покрытые на вершинах синим льдом и снегами. Люди потащили на себе лодки и продовольствие к берегу через взломанный лёд. Дрожа от холода, они сгибались от усилий так, что почти касались грудью льда.

Два дня им понадобилось, для того чтобы добраться до берега.

На этом тяжком пути четыре человека провалились под лёд. Товарищи не успели им помочь, и льды сомкнулись над головами несчастных.

Мало радости ждало путешественников на суше. На тысячу километров здесь не было человеческого жилья: только оледенелый камень и ледяная пустыня. Где-то далеко к югу, на громадном расстоянии отсюда, были фактории американцев. Чтобы добраться до них, нужны недели и месяцы, а продовольствия было мало. Но силен человеческий дух, и сильна воля. Джон Франклин убедил своих спутников идти вперёд. Он сказал, что надо, не останавливаясь, двигаться к югу, скорей, скорей, пока есть ещё силы, пока не наступила глухая полярная ночь.

И, ободрённые его словами, люди пошли к югу. Они тащили на себе лодки, поставленные на самодельные сани. В лодках лежали скудные запасы пищи и оружие. Дни становились короче и короче, с севера дул ветер с колючим снегом, пронизывая путников до костей. Вечером люди устраивали стоянку, прятались от ветра под лодки, а на рассвете снова пускались в путь.

К концу второй недели иссякли запасы продовольствия. В ночь с пятницы на субботу умерли от голода и холода два матроса, и это привело всех в отчаяние. Всем захотелось лечь, не вставать и ждать смерти. Но пришло утро, и Джон Франклин, как обычно, поднял всех на ноги, и отряд снова двинулся к югу. В понедельник увидели хижину, сделанную из брёвен, выброшенных морем. Все приободрились. А вдруг в этой хижине живут люди? Ещё немного, и можно будет найти тёплый приют и пищу. Они побежали, напрягая последние силы. Вот, наконец, и хижина... Дверь открыта, окно выломано. Летом здесь, должно быть, жили индейцы. По всему было видно, что они уже давно ушли на юг. Ни пищи, ни дров. Только у одной стены валялся скелет белого медведя с присохшими к костям кусочками мяса. Люди жадно кинулись к скелету, но Джон Франклин остановил их, соскоблил остатки мяса и разделил его между всеми поровну.

Эту ночь несчастные путешественники переночевали в хижине, а утром опять пошли дальше. К исходу второго дня у них не осталось ни крошки пищи. На каждой стоянке умирали матросы, умирали без ропота, без жалоб. Но Джон Франклин шёл впереди всех, ободряя людей, обещая им скорое избавление.

На одной из стоянок матрос Джеймс снял сапоги с умершего товарища, отрезал от голенища длинный ремень и стал его жевать. Глядя на него, другие матросы тоже отрезали куски кожи от своих сапог и жевали её. Сам Франклин сделал то же самое. Нужно было хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь утолить нестерпимый голод...»

Руал поднял голову от книги. Как? Сапоги, свои сапоги люди ели? Он посмотрел под кровать, где у него стояла пара крепких кожаных башмаков. Может быть, у этих людей была такая же кожаная обувь... Он взволнованно

поднялся со стула, прошёлся по комнате. Шесть шагов в одну сторону, шесть шагов в другую.

Он ясно представил себе, как люди идут по тёмной ледяной пустыне навстречу свирепому ветру. Ветер хлещет им в лицо, сбивает с ног. Они падают от усталости и истощения, умирают на стоянках... Что привело их сюда? Жажда знать и видеть, что находится далеко за Полярным кругом. Во имя науки пошли они на все невзгоды...

Руал взволнованно остановился перед окном. Сад был залит солнцем. Небо сияло, глубокое, как море. Джон Франклин ушёл вот из такого же города, и матросы также ушли из городов, где светит ласковое солнышко, ушли к вечным полярным льдам, где ждали их страшные муки и, может быть, гибель... Но они хотели всё знать, всё видеть... Они погибали... Но что может быть почётнее смерти во имя науки?

— Я буду полярным исследователем, таким, как Франклин! — вслух сказал Руал и выпрямился, сияющий, будто нашёл, наконец, то, что долго искал.

Все — к одной цели

Книга Джона Франклина была перечитана множество раз. Руал знал наизусть те места, где говорилось об ужасных страданиях и гибели славной экспедиции. И странно — страдания эти не пугали его, и он всё твёрже укреплялся в своём решении стать полярным исследователем.

И только мысль о матери беспокоила его. Что она скажет, когда узнает, что её Руал будет не только моряком, но и полярным исследователем? Моряк — ещё куда ни шло. Правда, жизнь у моряков беспокойная, опасная, многие моряки погибают в бескрайних просторах морей и океанов. Но ведь немало моряков доживает и до глубокой старости, мирно проводя свои последние дни где-нибудь в тихом городке в кругу семьи. Может быть, рано или поздно мать и примирилась бы с тем, что Руал будет моряком...

Но никогда не примирится она с мыслью, что её сын будет полярным исследователем. Она сама читала книги о полярных экспедициях. Люди, отправлявшиеся за Полярный круг, часто исчезали бесследно...

«Не надо ничего говорить ей до поры до времени, — решил Руал. — Вот когда я вырасту, стану самостоятельным... Сейчас пусть думает, что я буду доктором. А самому необходимо готовиться».

Так на два русла разделилась жизнь юного Руала Амундсена.

По-прежнему он учился, как и все мальчишки: аккуратно ходил в школу и не всегда получал хорошие отметки, хотя мать и учителя считали Руала прилежным учеником. Но он отдавал ученью только самое необходимое время. А исподволь готовился к опасным путешествиям по неизведанным полярным странам.

Генрик Петерсен, верный и преданный товарищ по школе, мечтал

вместе с Руалом о том, как они сделаются моряками. В первые дни, когда Руал решил стать полярным исследователем, он очень хотел поговорить об этом с Генриком. Но Генрик часто бывал у них, он мог забыться, заговорить при матери о тайных планах Руала. Всё открылось бы, и мать снова начала бы волноваться и плакать. Нет, лучше молчать. Не говорить никому! Недаром есть норвежская пословица: «Настоящее большое дело делается втайне».

Итак — тайна! Он сам в одиночку будет готовиться к великим завоеваниям. Он поставит себе цель, ясную цель, и будет к ней стремиться.

Книга о путешествии Джона Франклина стала любимой книгой Руала. Он не расставался с нею и всегда носил её в ранце между учебниками. Но книга библиотечная. Её пришлось вернуть. Тогда он купил себе такую же, чтобы она всегда была с ним. Руал вырезал из книги портрет Франклина, вставил его в рамку и повесил у себя над столом, чтобы великий путешественник, погибший во льдах, всегда был перед его глазами.

Дни шли за днями, недели за неделями. Руал с головой погрузился в книги о путешествиях.

Тысячелетия прошли, как люди начали плавать по морям и океанам. А всё-таки Земля и до сих пор ещё мало исследована. Никто не знает, что находится на Северном и Южном полюсах, никто не знает, можно ли пройти на корабле вдоль северных берегов Америки из Атлантического океана до Берингова пролива или вдоль северных берегов Европы и Азии от Белого моря до того же Берингова пролива. На географической карте всё, что лежит за Полярным кругом, обозначено белыми пятнами.

Да и вообще совсем-совсем недавно почти весь земной шар был сплошным белым пятном.

Только четыреста лет назад каравеллы Христофора Колумба впервые пересекли Атлантический океан.

Несколько лет спустя Васко да Гама ощупью прошёл вокруг Африки, а другой путешественник, Америго Веспуччи, первым из европейцев описал берега Америки.

А таинственные области вечных льдов на севере и юге долго ещё были скрыты покровом неизвестности.

Два века назад корабли Кабота, Баренца, Гудзона и многих других путешественников робко приблизились к кромке вечных льдов и отступили, чувствуя себя бессильными.

И лишь в XVIII и в первой половине XIX века, отыскивая новые торговые пути и неудержимо стремясь к знаниям, люди начали проникать всё дальше и дальше в область вечных льдов.

Много труда на освоение Севера положили русские. Уже с XVII века русские рыбаки и зверобои промышляли на Шпицбергене, известном у них под именем Груманта. В XVIII веке русские прожили на острове несколько лет, построили там избу, которая сохранилась до сих пор. На острове поставлено несколько крестов — знаки их пребывания. Ещё раньше русские освоили остров Новую Землю, где промышляли не только летом, но и не раз зимовали. Много сил отдали они также изучению северных берегов Сибири и прилегающих островов.

Выполняя завет беспокойного царя Петра Первого, лелеявшего мечту о «дороге через Ледовитое море в Китай и Индию», вела работу Великая Северная экспедиция. Она исследовала всё побережье Полярного океана и нанесла на карту границы России на огромном протяжении, от Белого моря до устья Колымы.

Так постепенно моряки-исследователи и моряки-промышленники проникают в полярные страны. Они терпят лишения, многие из них гибнут, но мало-помалу срывается таинственная завеса с таинственных стран.

И, погружаясь в книги, Руал Амундсен узнавал всё ближе и ближе этих отважных людей.

Кто они? Чем они отличаются от других?

Они смелы. Они решительны. Они выносливы и неприхотливы. У них железное здоровье. Они не боятся лишений, голода и даже смерти. Их воля крепка как сталь. И невольно Руал сравнивал себя с ними.

Что он собою представляет? Он изнежен, боится холода. Здоровье? Где у него здоровье? Он такой же, как все мальчики, которые хотят стать докторами, адвокатами, бухгалтерами. Даже глаза у него побаливают от постоянного чтения по ночам.

Воля? Нет у него воли: сегодня он решает одно, а при первом же препятствии отступает.

Знания? Нет у него и знаний, чтобы по-настоящему работать. А все великие путешественники — он это теперь знал — были и большими учёными.

Здоровье, воля, знания!.. Руал всё взвешивал, обсуждал. Да, много надо работать, чтобы приготовить себя к будущим трудам и лишениям. Мало-помалу мальчик представлял себе тот образ, на который он, Руал, должен был походить, чтобы называться полярным исследователем. А им он будет. Он станет полярным путешественником и откроет тайны Севера.

Человек сильной воли

Всё как будто шло по-старому. Каждое утро с сумкой, набитой учебниками, Руал ходил в школу, отвечал уроки учителям, старался всегда быть ровным и спокойным. Только во время перемен он уже никогда не оставался в душном классе, а бежал на широкий двор и там возился с товарищами. Прежде он не любил футбол, а теперь пристрастился к нему и хоть пять минут, хоть десять, а играл напористо, с увлечением. Футбол лучше всякой другой игры укрепляет мускулы ног, а крепкие ноги особенно нужны полярному путешественнику.

По-прежнему он много читал. Но и читал не так, как раньше. Он завёл особую тетрадь и заносил в неё всё, что полярные исследователи писали об экспедициях: об одежде, обуви, снаряжении, необходимом при походах через льды. У Руала было записано, чем питались путешественники, на чём везли своё снаряжение, как вели научные наблюдения.

Кропотливые записи росли строчка за строчкой. Эта тетрадь стала самой большой ценностью Руала.

Между тем наступила зима. В усердных занятиях Руал почти не замечал, как бежало быстроногое время.

Время тянется долго только для ленивых и нетерпеливых.

С конца ноября горы вокруг Христиании покрылись снегом.

За окном своей комнаты, на раму с наружной стороны, Руал приделал термометр. Морозы стояли небольшие — в пять-шесть градусов. Лишь однажды термометр показал двенадцать градусов. «Ого, сегодня холодно, — решил Руал, увидав, как упала ртуть в градуснике, — надо одеться потеплее». И тут у него мелькнула мысль: «Это же совсем пустяковый

мороз против тех, что там, за Полярным кругом. Какой же я полярник, если боюсь двенадцатиградусного мороза? Я должен приучить себя переносить такой мороз незаметно».

И с этого утра Руал начал приучать себя к морозам.

Всю зиму он ходил в школу в лёгкой куртке и без перчаток. Утром и вечером обливался холодной водой со снегом. Он должен был сделать своё тело сильным и выносливым.

Как-то ночью, готовясь ко сну, он подошёл к своей постели, снял одеяло, поправил простыню и подушку. «А как придётся спать *там*? — мелькнула у него мысль. — *Там* ведь не будет ни подушек, ни матраца, ни простыни. Я привык спать в тепле и с удобствами».

Он тихо вышел в переднюю, чтобы не разбудить мать, снял с вешалки своё тёплое пальто и положил его поверх одеяла. Потом он открыл окно — холод хлынул в комнату. Руал торопливо потушил лампу, разделся и юркнул под одеяло. «Вот так... хоть сколько-нибудь похоже на *те* ночёвки». Из-под одеяла торчал только его нос.

Так с открытым окном проспал он первую ночь.

Рано утром мать постучала к нему.

— Руал! Почему так дует из-под твоей двери?

Руал быстро вскочил с кровати, и холод тотчас пронизал его до костей.

— У меня открыто окно, мама.

— Затвори сейчас же. Что это за выдумки! Вся квартира выстыла.

Захлопнув окно, Руал стал одеваться, дрожа от холода. «Я не имею

права мёрзнуть. Я не должен мёрзнуть. Мне тепло!» — убеждал он себя, стараясь побороть дрожь.

За завтраком мать, кутаясь в тёплый платок, сердито выговаривала ему, что нельзя так вымораживать квартиру. Руал, улыбаясь, отмалчивался. А вечером, перед сном, прежде чем отворить окно, он положил под дверь коврики, свёрнутый трубкой, чтобы холод не проходил в другие комнаты.

Утром мать опять заметила: из комнаты Руала дуло, как со двора.

— Почему ты отворяешь окно на ночь?

— Я хочу привыкнуть к холоду. Холод укрепляет.

— Ты же простудишься!

— Нет, я хочу закалить себя.

Мать сердилась, уговаривала его прекратить "чужачества". Но Руал стоял на своём: всю зиму его окно открывалось на ночь. Он стал замечать, что ему уже не так холодно, как в первые ночи.

«А как передвигаются *там* путешественники? — пришло ему однажды в голову. — Конечно, только на лыжах». А разве он не сможет научиться хорошо ходить на лыжах?

И Руал решил сделаться лучшим лыжником в Христиании.

На первые же деньги, полученные им от матери, он купил лыжи, и началась увлекательная работа. Для Руала это был не спорт, а именно работа.

Неуклюже ходил он первые дни, лыжи не слушались его, Руал падал, ушибался. Но чего не сделает человек, если захочет!

Он пользовался каждым свободным часом. И скоро заметил, что лыжи начинают ему покоряться. Он стал ходить уверенней, присматривался, как двигаются опытные лыжники, как опираются палками, как легко, будто без всяких усилий, бегут по снежной равнине, взбираются на холмы, летят с гор, как птицы.

В свободные дни, с мешочком за плечами, он с утра отправлялся на лыжах в горы и возвращался только поздно вечером, уставший, но довольный своими успехами.

К апрелю Руал уже был настоящим лыжником. Он мог пройти без отдыха два десятка километров.

«На лыжах через Гренландию»

В конце зимы 1888 года Руал зашёл в библиотеку, чтобы прочитать в журналах новости о путешествиях, и вдруг увидел статью «На лыжах через Гренландию».

У Руала задрожали руки. «Гренландия? Лыжи?» Вот куда бы он отправился с восторгом! С волнением принялся он читать статью. Молодой учёный Фритьоф Нансен собирался пройти на лыжах через ледники Гренландии! На корабле он дойдёт до восточного берега этого мёртвого острова, на лодке пройдёт через плавающие льды, что окружают берег, поднимется на ледник и на лыжах пройдёт через всю Гренландию до местечка Готгаб на западном берегу.

Несколько минут Руал сидел ошеломлённый.

Вот это путешествие! Пока он, Руал, мечтает о дальних краях, его земляк Нансен уже готовится к походу через недоступную, неизведанную Гренландию.

Кто такой Нансен?

В статье о нём не было ни слова.

Руал подошёл к библиотекарю.

— Скажите, пожалуйста, где можно прочесть о Нансене?

Библиотекарь взглянул на Руала и улыбнулся.

— Ага, и вас захватило? Вы тоже не прочь отправиться с ним в поход?

Руал вспыхнул от смущения: библиотекарь будто прочёл его сокровенные мысли.

— К сожалению, я ещё не вырос, чтобы пуститься в такой путь, — скромно сказал он.

— Жалеть нечего. Нансен затеял безумное предприятие. Прочтите-ка вот это.

И библиотекарь подал Руалу тоненький юмористический журнал, услужливо развернув нужную страницу.

Руал прочёл:

«В июне нынешнего года лаборантом Нансеном будет дано замечательное представление: бег на лыжах по материковому льду Гренландии. Места для публики устроены в трещинах ледников. Брать обратные билеты излишне».

Тут же была картинка: среди ледяных гор лежит длинноногий человек с привязанными к ногам лыжами. Он замёрз, его заносит снегом.

Руал нахмурился. Насмешка его обидела.

— Я хотел бы прочесть что-нибудь более серьёзное, — сказал он, возвращая журнал.

— Вам, я вижу, это не нравится, — рассмеялся библиотекарь. — Но в самом деле затея Нансена похожа на безумие. Мало кто пишет об этом деле серьёзно. Впрочем, можете прочесть вот эти газеты.

В газетах сообщалось, что молодой учёный Нансен живёт в Бергене... Ага, он уже подбирает себе спутников! Ему нужны три человека, привыкшие к полярным путешествиям. «А что, если я напишу ему?» — подумал Руал, и от одной этой мысли у него похолодели руки.

Но тотчас же он прикинул: ему ещё не было шестнадцати лет (он родился в 1872 году, 16 июля), он никогда не путешествовал не только по полярным странам, а даже просто по океану.

В тот памятный вечер он просидел в библиотеке до её закрытия, перечитывая газеты и журналы, в которых говорилось о Нансене. Руал увидел, что большинство авторов не верит в затею Нансена — называет её вздорной, и сердился на них. Но в двух-трёх статьях планы Нансена хвалили и одобряли.

С этого дня Руал напряжённо следил за всеми приготовлениями к походу. Газеты сообщали: поход, очевидно, состоится — Нансен нашёл трёх спутников. Спутники Нансена — норвежцы: капитан Свердруп, лейтенант Дитрихсен и молодой крестьянин Тран. Кроме них, поедут ещё два лапландца.

В яркий апрельский день Христиания провожала Нансена и его друзей. Вся набережная была запружена нарядными толпами. Суда в порту украсились разноцветными флагами. Наконец показался Нансен. Он шёл с непокрытой головой сквозь толпу.

Руал стоял возле самых мостков. Жадными глазами смотрел он на

отважного путешественника, кричал «ура» и размахивал шляпой. Когда пароход, на котором уезжал Нансен, отошёл от пристани, во всём порту загудели гудки судов и на всех мачтах взвились флаги: «Счастливого пути!» С крепостных стен прогремел пушечный салют. Огромная толпа на набережной запела гимн: «Да, мы любим эти скалы».

Пароход миновал старые стены крепости, висячий мост и скрылся за поворотом канала. Толпа начала расходиться. Руал ушёл с набережной последним.

Теперь его утро начиналось с газеты: «Нет ли вестей о Нансене?»

А вести были скупы. Нансен прибыл к Копенгаген, Нансен выехал в Шотландию, Нансен едет в Исландию, чтобы сесть на корабль «Язон», который доставит путешественника к восточному берегу Гренландии. В начале июня промелькнула последняя короткая заметка: «Нансен и его спутники сели на «Язон» и отправились в океан».

А затем начались мучительные дни. Два месяца в газетах не было никаких сведений о Нансене. Руал напряжённо ждал вестей. Газеты молчали. Наконец, уже в сентябре, появилось короткое сообщение: «В середине июля Нансен и его спутники в двух лодках отправились с «Язона» на берег Гренландии через плавучие льды».

И снова потянулись дни ожидания.

Месяц спустя пришла новая весть: «Экспедиция Нансена благополучно перешла на лыжах через ледяные пустыни Гренландии и осталась зимовать на западном берегу, в местечке Готгабе, куда корабли ходят только летом».

Это известие Руал прочёл в газете утром по пути в школу. Он хотел бежать назад, домой, чтобы немедленно сообщить матери об этом величайшем событии. Но вернуться домой — значит опоздать на уроки. Нет, этого делать нельзя. Он побежал в школу. Размахивая газетой, он ворвался в класс:

— Нансен перешёл Гренландию! Ур-ра!..

Во всех норвежских газетах и журналах появились восторженные статьи о Нансене. Руал каждый вечер приходил в библиотеку. Тот же библиотекарь, который недавно ещё посмеивался над Нансеном, теперь говорил льстиво:

— Нансен? О, да! Фритьоф Нансен — наш герой.

И газеты, ругавшие и поносившие сумасбродные «затеи» Нансена, сейчас пели ему гимны.

В журналах появились портреты Нансена, его отца и матери, снимки домика, в котором он жил, училища, в котором учился. Вот Нансен-

мальчик. Белокурые подстриженные волосы, такая же курточка, какую носил в детстве и Руал. Нансен увлекается охотой, он любит рыбную ловлю. Газеты наперебой сообщали различные события из жизни Нансена. «Однажды маленький Фритьоф пошёл ловить рыбу. Клёв был богатый, и скоро в корзине-садке плескалось десять больших рыб. Фритьоф заторопился и, закидывая удочку, взмахнул леской так неудачно, что крючок впился в его верхнюю губу. Нестерпимая боль заставила его ухватиться обеими руками за крючок. Он попробовал вытащить его. Крючок держался крепко. Тогда Фритьоф с крючком в губе побежал домой. Кровь заливала его куртку. Мать встретила его испуганным криком:

— Что с тобой?

— У меня в губе крючок, — стараясь быть спокойным, ответил Фритьоф.

Мать попыталась вытащить крючок. Он не вылезал. Тогда она взяла острый нож, разрежала кожу на губе и вытащила крючок. Фритьоф не кричал, не плакал и как будто даже не волновался».

«А если бы со мной это случилось? Заплакал бы я? — спросил себя Руал. — Пожалуй, заплакал бы. А мама?.. Она, наверное, кричала б от страха».

Ещё писали газеты: в детстве и юности Нансен увлекался лыжным спортом. Сейчас он ходит на лыжах так, что немногие сумеют его перегнать. Издавна готовясь к далёким путешествиям, он закалял себя постоянными упряжностями.

Это обрадовало Руала. И он делал как раз то же самое, что и Нансен. Значит, путь его правильный. Когда-нибудь и он также совершит большое путешествие в полярные страны. И вся Норвегия будет так же гордиться им, как сейчас гордится Нансеном.

Приближался май 1889 года. Страна готовилась встречать Нансена. Зиму Нансен провёл в Готгабе и в апреле выехал на родину. Его ожидали тридцатого мая. Вся Христиiania с утра вышла его встречать. Берега фиорда, стены старой крепости, висячий мост через канал — всё было усеяно народом. Сотни судов и тысячи лодок отправились навстречу пароходу, который вёз Нансена и его спутников.

Руал и три его товарища вышли в лодке далеко в море. Их опередили только пароходы и большие ёлы. Но вот вдаль забелел пароход. На всех паровых судах загудели гудки, и на мачтах взвились разноцветные флаги: «Добро пожаловать!» Руал впился глазами в пароход. Там, на баке, возле сигнального колокола, стояла небольшая группа людей: четверо высоких и двое маленьких.

Лодка с мальчиками встала на пути парохода. Забыв обо всём, они бросили вёсла, неистово закричали и замахали шляпами.

Нансен, — Руал сразу узнал его, — поднял над головой шляпу и ответил на горячее приветствие.

— С ними женщины, — сказал Петерсен, сидевший у руля, и показал на маленьких спутников Нансена.

— Это не женщины. Это лапландцы Балто и Равно, — объяснил Руал (из газет и журналов он знал по имени каждого участника экспедиции).

Пароход медленно шёл к пристани. Длинным хвостом тянулись за ним лодки и ёлы. Со стен крепости загрохотали пушки — приветственный салют отважным путешественникам. Толпа на берегу пела песни, кричала «ура».

Руал, изо всех сил работая вёслами, старался не отставать от парохода. Он грёб, кричал, пел, и глаза его светились счастьем.

До поздней ночи тысячи людей толпились у дома, где остановился Нансен. Руал, конечно, был в этой толпе и не мог уйти. Время от времени Нансен выходил на улицу. Его встречали громогласным «ура». Он был истинным народным героем.

Перелом

Неторопливо потянулись студенческие годы Руала Амундсена. По настоянию матери он изучал медицину. Но тайно по-прежнему готовился к полярным исследованиям. Он пользовался каждым свободным часом, чтобы ходить на лыжах. Зима в Норвегии длинная — она тянется с ноября по апрель. Молодой Амундсен стал опытным лыжником. Его успехи были не совсем обыкновенны..

Он свободно проходил за день пятьдесят километров, мог легко взбираться на горы и в беге на лыжах завоевал первенство. Летом Амундсен увлекался греблей и футболом. Это был верный путь к укреплению здоровья. А ночью Руал читал книги, изучал языки. Он научился говорить по-немецки, по-французски, по-английски.

Так прошло два года его студенческой жизни. Оставалось ещё три года до окончания университета. Он мечтал о том дне, когда получит диплом доктора, и тогда... тогда он скажет матери правду. Зачем её тревожить сейчас? Ведь не завтра же поедет он в полярные страны. Время ещё терпит.

Вот если бы ему стать таким, как Нансен! Но он будет таким же.

В эту зиму все норвежские газеты опять заговорили о Нансене. Он собирался в новую экспедицию — к Северному полюсу.

К полюсу! К полюсу! Сердце Амундсена сжалось. Ведь это то, о чём он тайно мечтал. А газеты трубили вовсю. Теперь ни одна из них не осмеливалась сомневаться в Нансене, никто не пытался критиковать его замыслы.

Нансен строит корабль небывалой формы. У корабля нет киля, днище у него полукруглое, как половина яйца. Если его сожмут полярные льды, он

поднимется вверх, а не будет раздавлен, как знаменитая «Жаннета».

Руал уже читал о трагической судьбе «Жаннеты» и её командира де Лонга. Корабль затёрло льдами у берегов Восточной Сибири. Экипаж покинул его. Льды потащили «Жаннету» к полюсу, раздавили её, и обломки корабля были найдены на берегах Гренландии пять лет спустя.

Нансен недаром думал о «Жаннете», когда строил свой корабль. Гибель «Жаннеты» и дрейф её обломков подтверждали многочисленные наблюдения полярных путешественников. Они не раз встречали у восточных берегов Гренландии вмёрзшие в лёд сибирские сосны, ели, лиственницы. Их вынесли в холодный океан сибирские реки — Обь, Енисей, Лена. Деревья были захвачены ледовым течением и вместе со льдами пришли в Гренландию.

Значит, льды не стоят на месте, а движутся. Очевидно, на полюсе нет земли, там вечно движущееся ледяное поле. А может быть, и открытая вода.

И Нансен решил на своём корабле повторить путь сибирских сосен, лиственниц и обломков «Жаннеты». На своём корабле он вмёрзнет в лёд и вместе с ним проплывёт через полюс к берегам Гренландии.

Смелый план Нансена потряс Руала. Вот как надо работать и мыслить! Смелость, широта взгляда, остроумие! Тысячи людей знали о том, что льды приносят сибирские деревья к берегам Гренландии, знали, что обломки «Жаннеты» сделали тот же путь, что и деревья; знал об этом и сам Руал, но только Нансену пришла в голову великая мысль проплыть со льдами через полюс.

Осенью корабль был закончен и спущен на воду. Имя ему дали «Фрам», что по-норвежски значит: вперёд!

Имя было под стать творцу корабля. Оно хорошо сочеталось с именем человека, ставшего национальным героем Норвегии. Вперёд! К полюсу!

В конце 1892 года Нансен поехал в Англию. Ему надо было узнать мнение специалистов о плане его экспедиции. Руал мысленно был с ним. Нансен сделал доклад в Лондоне в Географическом обществе в присутствии многих полярных путешественников. И... план Нансена был отвергнут. Известный путешественник Мак-Клинток заявил, что никогда в Географическом обществе не обсуждалось столь безрассудного по своей смелости плана.

— Судно будет неизбежно раздавлено льдами! — заявили специалисты.

Адмирал Нерс сказал просто:

— Северного полюса достичь нельзя!

Руал возмущался. Ведь всё так ясно, просто, остроумно. Может, англичане говорят так из зависти?

Он страдал, должно быть, больше, чем сам Нансен. Он боялся, что Нансен отступит... откажется от своего плана. Тогда... Что тогда? Тогда сам Руал возьмётся осуществить его. Как это прекрасно: пройти через полюс на корабле!

Но Амундсен волновался напрасно. Приём в Лондонском географическом обществе не смутил Нансена. Вернувшись в Норвегию, он с новой энергией принялся за подготовку экспедиции. Он решил довести свой план до конца.

Отплытие «Фрама» было назначено на Иванов день — 24 июня 1893 года. Этот день считается в Норвегии народным праздником. Ещё накануне Руал приехал из дому к бухте Люзакер, где стоял «Фрам». Одинокó бродил он по набережной, издали посматривая на корабль. Как жаль, что он не мог поехать с Нансеном! Он молод... неопытен... Нет, он уже не был бы обузой для экспедиции. Он многому научился, многое знает. Но мать... Что сказала бы она?

В ночь на 24 июня начался праздник: на горах загорелись костры, повсюду зазвучали песни. Молодые и старые плясали и пели. А Руал печально бродил среди веселящихся людей. Да, он завидовал. Завидовал Нансену, завидовал тем, кто завтра поедет на «Фраме» к полюсу.

Так прошла бессонная ночь и наступил день. С утра накрапывал дождь. Но все набережные у бухты Люзакер были полны народу. Нансен вышел из дверей своего дома. Его провожали жена с маленькой дочкой на руках и тысячи восторженных людей. Они верили Нансену, верили в успех экспедиции. Нансен простился с провожающими, сел в маленький катер и понёсся по бухте к «Фраму». Вслед кричали «ура», гремела музыка. Вот катер остановился возле «Фрама», и Нансен поднялся на палубу. Корабль расцвел флагами и двинулся из бухты к морю. Вскоре сетка мелкого дождя скрыла корабль. Но Руал Амундсен ещё долго всматривался в серую, неясную даль.

Сколько же ему ещё ждать? Два года, три, четыре? Он возвращался домой угрюмый, угнетённый. Ему почему-то долго не открывали дверь. Он звонил, ждал... Вот сейчас загремит засов, покажется бледное лицо матери — она всегда встречала его сама. Но дверь открыла пожилая женщина, соседка Марта.

— А где мама? — удивлённо спросил он.

Марта смутилась, голос её был едва слышен:

— Она лежит... заболела.

Руал торопливо разделся, побежал в комнату матери. Она лежала с закрытыми глазами. Лицо её пылало. У изголовья сидел старый доктор Леви. Он поднял руку, требуя тишины, и Руал послушно спросил шёпотом:

— Что с ней?

Старик ничего не ответил, тяжело поднялся с места, взяв Руала за руку, увёл в соседнюю комнату.

— Вероятно, она больна уже давно... но перемогалась. Болезнь подкосила её сразу.

Когда они вернулись к больной, хмурый доктор Леви наклонился над ней, тронул её веки, искоса взглянул на Руала и покачал головой, будто хотел сказать: «Дело совсем плохо». Руал сел у ног матери. Он глядел на неё, не мигая, не понимая, что происходит. В комнату тихо входили какие-то женщины — наверное, это были соседки, услышавшие печальную весть. Он никого не узнавал, не слышал их шёпота, вздохов, всхлипывания. Доктор Леви вышел в соседнюю комнату и поманил за собой Руала. Здесь уже стояли брат Леон, его жена, тётка Улава Кристенсен, какие-то люди. Они молча здоровались с Руалом, говорили шёпотом.

Руал подошел к окну. Летняя ночь была полна тревожной тишины, будто и она трепетно ждала: умрёт или не умрёт мать Руала Амундсена...

Мать умерла к утру.

Первое испытание

Смерть матери ошеломила Руала. Недели две после её похорон он не находил себе места, тяжёлая тоска сдавливала его сердце. Он ощущал вокруг себя пустоту, которую ничем нельзя было заполнить. Из его жизни ушёл человек, который нежно любил его, заботился о нём... И вот теперь он остался один.

Его угнетало одиночество, пустые, безжизненные комнаты, могильная тишина в доме. Всё валилось из рук. Но надо было ходить в университет, слушать лекции...

Для чего это ему сейчас? Ведь он же никогда не будет доктором. После недолгого раздумья Амундсен подал заявление, где писал о том, что прекращает занятия.

Он знал, что вслед за этим последует обязательная воинская повинность. Пока он был студентом, ему полагалась отсрочка. Однако Амундсену самому хотелось поскорей попасть в армию, тем более, что военная служба длилась тогда недолго — всего лишь несколько недель. Она не могла оторвать его от намеченных целей.

С готовностью, но и с некоторым страхом пошёл он в призывную комиссию. Примут ли его, или скажут «не годен»? У него было слабое зрение. Он читал ночами напролёт, испортил глаза, и врач предписал ему носить очки.

Амундсен отказался от очков в надежде, что зрение исправится. Ведь у путешественника должно быть острое зрение.

Но при тщательном осмотре близорукость откроется, и его могут забраковать. С бьющимся сердцем Амундсен подошёл к столу главного врача воинского управления. Сейчас решится его участь: годен или не

годен?

Рядом с ним стояли его сверстники, раздетые догола.

Врач, окинув Амундсена с головы до ног быстрым взглядом, вдруг поднялся, подошёл к нему и сказал:

— Повернитесь-ка, молодой человек!

Амундсен повиновался.

— Прекрасно, прекрасно, молодой человек! Великолепная мускулатура. Отличное сложение!

Он пощупал руки и ноги Руала: они были тверды, как железо. Доктор несколько раз обошёл вокруг него, любуясь его фигурой. Наконец он спросил:

— Как это вам удалось развить такую мускулатуру? Передо мной каждый год проходят тысячи новобранцев, но я ни разу не видел такой великолепной фигуры.

— Я занимаюсь физическими упражнениями, — ответил Амундсен.

— И давно?

— Уже шесть лет.

— А какими именно?

— Лыжи, футбол, гребля, бег, ходьба.

Доктор подошёл к двери, ведущей в соседнюю комнату, и крикнул:

— Пожалуйте-ка сюда, господа, полюбуйте новым чудом.

В приёмную вошли офицеры, члены комиссии.

— Вот вам образец человека, который сам сделал себя богатырём, — сказал доктор.

Офицеры осмотрели Амундсена и тоже рассыпались в похвалах. Восхищённый доктор забыл даже освидетельствовать зрение новобранца, и Руал был принят на военную службу.

С рвением занимался Амундсен военным строем и гимнастикой, стоял на часах, совершал переходы по горам. И здесь впервые понял, как далеко опередил он своих товарищей. Он был сильнее всех в роте, выносливее и легко переносил все солдатские тяготы.

На рождество молодые солдаты были отпущены домой. Военная служба не представляла для Амундсена серьёзного испытания. Он надеялся, что она будет более тяжёлой, он хотел испытать такие трудности, которые хоть немного походили бы на те, что переживали полярные путешественники.

Зима в том году была суровая, с вьюгами и морозами. Амундсен был рад такой зиме: она напоминала ему о вьюгах и морозах, которые были там, в полярных пустынных странах.

«А что, если побывать в эту зиму где-нибудь в ледяной пустыне? Как я буду там себя чувствовать?»

Время у него есть. Он мог бы уехать куда-нибудь на две недели. Но где в Норвегии найдёшь ледяную пустыню? Ба! А Хардангерское плоскогорье? Чем не пустыня? Если его пересечь с востока на запад, это будет Гренландия, только, конечно, раз в тридцать-сорок поменьше.

Амундсен припомнил всё, что слышал и читал об этом плоскогорье.

Оно лежит высоко над уровнем моря. На плоскогорье постоянно дуют холодные ветры. Зимой там никто не бывает, лишь летом иногда заходят пастухи и охотники. Да, зимой у плоскогорья было много общего с полярными странами. Перейти через плоскогорье — значит узнать в какой-то мере, какие трудности переносят полярные путешественники. Только одному пуститься в такой путь нельзя. Для этого похода нужен верный товарищ. Мало ли что может случиться! А кого же взять? Он перебрал в памяти всех друзей. Приглашал одного, другого. Никто не решался идти в такое трудное и опасное путешествие. Наконец Руал обратился к старшему брату Леону, лейтенанту запаса, и тот согласился.

Братья готовились к этому путешествию так тщательно, будто это был настоящий полярный поход. Руал впервые использовал на практике накопленные им книжные знания. Они начали свой путь прямо из Христиании, откуда вышли на лыжах ранним утром и к вечеру второго дня добрались до маленькой усадьбы Муген, лежавшей на восточной стороне плоскогорья. Усадьба представляла собой небольшой домик со службами. Прямо за домиком шёл подъём на плоскогорье, а внизу простиралась долина, разукрашенная синеватыми узорами лесов.

Молодых путешественников встретил старик, владелец усадьбы Муген. Он повёл их к дому. Два сына старика, их жены и жена хозяина удивлённо смотрели на незнакомых молодых людей. Зачем они сюда пожаловали, да ещё в такую пору, когда к усадьбе нет ни прохода, ни проезда? Приход их вызвал подозрения — с добром ли они явились?

Братья попросили разрешения переночевать. Хозяин колебался мгновение, но пригласил их в дом. Скоро на очаге закипел кофе, стол был накрыт, и все сели за ужин. Старому хозяину, его сыновьям и особенно женщинам хотелось поскорей узнать, зачем пришли к ним эти люди.

— Куда же вы направляетесь? — осторожно спросил старик.

Руал ответил просто:

— Мы хотим пройти к усадьбе Гарен. Вы знаете такую усадьбу? Она лежит на восточной стороне плоскогорья.

Старик и его сыновья засмеялись: они думали, что Руал шутит.

— Как можно пройти по ледяным горам зимой, когда там даже летом никто не проходит? Нет, вы скажите правду: зачем пришли сюда?

— Я говорю правду, — нахмурился Руал.

Старик испытующе посмотрел на него и покачал головой.

— Вам что же, жить надоело? Вы там заблудитесь, замёрзнете, попадете в пропасть. Мы-то знаем эти места вдоль и поперёк: там ходить опасно.

— Всё-таки мы пойдём.

— Сколько же времени вы намерены там пробывать?

— Думаю, мы пройдем через все плоскогорье в два дня. От вашей усадьбы до усадьбы Гарен всего сто километров. Этот путь мы легко осилим.

— А где вы переночуете?

— В снегу. У нас есть спальные мешки.

Старик покачал головой.

— Рискованное дело. Конечно, желаю, чтобы вы благополучно дошли, только что-то плохо этому верю. А в снегу я вам ночевать не советую. Как раз на полдороге стоит пастушья хижина. Найдите её и в ней переночуйте. Там есть дрова. По крайней мере не замёрзнете.

Сыновья старика и женщины слушали этот разговор с испугом: они считали братьев безумцами. Трудно было понять, зачем они, образованные, здоровые, молодые люди, идут на явную смерть.

После ужина все улеглись спать. Гостям отвели место у камина — самое тёплое и почётное: «пусть поспят... перед смертью».

Братья решили выйти как можно раньше. Но ещё до рассвета началась метель. Снег крутился вихрем — в двух метрах ничего не было видно. Идти в такую метель было рискованно и опасно. Путешественники решили переждать. Однако прошёл день, два, три, пять, а метель не прекращалась. Только в ночь на девятые сутки ветер, наконец, утих, и братья тронулись в путь. Старик и два его сына пошли проводить их вверх по долине до того места, где начинался подъём на плоскогорье. По дороге они ещё раз пытались отговорить путешественников от безумной затеи.

— Вот видите, восемь дней дула метель. Она может повториться, вы заблудитесь и погибнете.

— Не погибнем! — бодро ответил Руал.

Старик покачал головой. Он указал на едва заметную, занесённую снегом выемку, что извивалась между оледенелыми скалами.

— Идите здесь, это самый лучший подъём. А наверху придётся идти уже по компасу: там никаких дорог нет.

Путешественники сердечно простились с гостеприимными хозяевами и пошли по тропке. Подъём был крут. Они двигались медленно. Старик и его сыновья махали им снизу шапками, желая счастливого пути. Голоса их становились всё глуше и слабее. Целых два часа братья одолевали «самый лучший подъём» и, наконец, осилили его.

Открылся великолепный вид на долину. Далеко внизу лежали синие пятна леса и селений. Низко над горами висели белесые зимние облака. Руал развернул карту, вынул из кармана компас, показал брату:

— Сейчас мы вот здесь, а идти нам надо так. Вот тут приблизительно будет и хижина. Главное — не сбиваться с пути, не терять времени, идти прямо к хижине.

Они вскипятили на спиртовке кофе, позавтракали и двинулись в путь. У каждого за спиной висел спальный мешок из оленьих шкур, сумка с провизией и маленькая спиртовая лампа. Съестные запасы состояли из галет, плиток шоколада, небольшого количества масла и бутербродов.

Окинув взглядом долину, братья повернулись и, оттолкнувшись палками, заскользили по снегу. Он плотно укрывал небольшие однообразные холмы Хардангерского плоскогорья. Руал шёл впереди, время от времени проверяя путь по компасу. Путники то поднимались на холмы, то спускались вниз, в небольшие долинки. Снег мягко скрипел под лыжами, братья быстро продвигались вперед. Но зимний день короток, близились сумерки, а кругом были всё те же однообразные холмы, те же долины, и низко висели белесые облака.

Старший брат затревожился:

— Найдём ли хижину?

— Найдём, — твёрдо отвечал Руал. — Компас доведёт.

Вот уже и совсем стемнело, а хижины всё не видно. Только глубокой ночью путешественники наткнулись на неё. Братья радостно прокричали «ура». Но попасть в хижину оказалось не легко: она была занесена со всех сторон снегом, а окна и дверь забиты досками. Леон поднялся на крышу, пытаясь пробраться в хижину через трубу. Однако труба, также заложённая тяжёлыми досками, была очень узка. Поднялся ветер, путники замерзли. С большим трудом, лыжами и палками, они отрыли снег от двери, а затем ножами вырвали из досок гвозди и вошли в хижину. За этой работой оба они отморозили пальцы.

В хижине лежали заготовленные дрова. Руал поднялся на крышу, убрал доски, закрывавшие дымоход. Леон развёл в очаге огонь. Но дым валил в хижину, ел глаза.

Около двух часов ушло на то, чтобы растопить печь. Путешественники вконец устали, и только яркий огонь ободрил и развеселил их. Они вскипятили кофе, согрелись и, закутавшись в спальные мешки, улеглись около очага.

Утром, едва забрезжил свет, они встали, полагая, что теперь их

мытарства кончились, — им остаётся пройти только половину пути. К вечеру они доберутся до усадьбы Гарен. Братья не сомневались, что найдут её, — ведь нашли же они эту одинокую хижину!

Но не радостно было утро: на дворе бушевала метель.

— Что же нам делать? — растерялся Леон.

— Делать нечего, — сказал Руал. — Будем сидеть и ждать, когда прекратится метель. Полярные путешественники должны быть терпеливыми.

Они обшарили всю хижину, заглянули под лавки и нашли в углу маленький мешок с ржаной мукой.

— Вот это пока и будет нашей пищей, — сказал Руал, — а запасы побережём для дороги.

Они растопили в котелке снег и сделали из муки жидкую кашу. Невкусна была эта каша, но полярный путешественник должен привыкать ко всему. Ели же спутники Франклина свои сапоги!

Два дня бушевала метель, и два дня братья сидели в хижине. На третий день метель утихла, и они пошли дальше.

С западной стороны плоскогорья есть только два удобных спуска: один спуск рядом с усадьбой Гарен, а другой — в пятидесяти милях от неё. Нужно было внимательно следить по компасу и по карте, чтобы точно выйти к намеченному пункту, — иначе собьёшься с дороги, попадёшь в пропасть, погибнешь. Руал поминутно развёртывал карту и справлялся по компасу. Не успели они пройти и десяти километров, как повалил густой влажный снег. Карта размокла. Руал пытался сложить её и спрятать, но она расползлась под руками. Пришлось её бросить и ориентироваться только по компасу.

Сквозь пелену снега они смутно видели всё те же невысокие холмы и всё те же долины. А где-то за ними, далеко у обрыва плоскогорья, стояла усадьба Гарен.

На волосок от смерти

Шесть часов шли они не останавливаясь. Стало смеркаться. Дальние холмы слились с небом. Надвинулась ночь. Ветер засвистал сильнее, снег плотной завесой падал со всех сторон — за три шага впереди ничего не было видно. Братья шли рядом, боясь потерять друг друга. Леон совсем выбился из сил, у него болели руки, отмороженные в тот вечер, когда они пытались открыть дверь хижины.

— Не могу больше идти, — в изнеможении сказал он.

— Что ж, будем ночевать здесь, в снегу, — предложил Руал.

Братья сняли лыжи, вытоптали маленькую площадку, поели немного галет и бутербродов, забрались в спальные мешки, не стряхнув снега с одежды, и закрылись с головой. Сумки с провизией они положили у ног и воткнули возле них лыжные палки.

А вьюга продолжала бушевать. Ночью снег на их одежде стал таять, и мешки промокли изнутри.

Среди ночи ударил мороз: мешки начали промерзать, холод дал себя почувствовать. Первым проснулся Руал. В темноте он заворочался и вдруг понял, что совсем окоченел и не может разогнуться. С трудом повернулся он с боку на бок. «Так, пожалуй, я замёрзну, — подумал он. — Не выпить ли спирту из лампы? Авось согреюсь». Лампа лежала у него в сумке с провиантом. Он вылез из спального мешка, нащупал лыжные палки, как раз возле них была положена и сумка. Руал вырыл одну ямку, другую, третью — его сумки не было. Он встревожился и разбудил брата.

— Послушай, где твоя сумка?

Леон вылез из спального мешка. Сумки его также не было. Целый час

братья ползали в сугробах, разрывая снег руками. Холодный ветер пронизывал их до костей, и метель не прекращалась.

— Отыщем утром, когда рассветет.

Измученные, они опять забрались в мешки и без сна пролежали до рассвета. На рассвете они перерыли лыжами и палками всю площадку. Однако обе сумки с провиантом исчезли бесследно. Должно быть, их утащили лисицы.

— Ну что ж искать напрасно, — сказал Руал. — Пойдём так.

Братья переглянулись. Они понимали всю серьёзность положения: если им не удастся выйти к жилью, они погибнут от голода и холода. Нельзя терять времени, надо идти немедленно, пока ещё есть силы. Быстро собравшись, они встали на лыжи и, сверясь с компасом, пошли на запад, к усадьбе Гарен. Не прошли они и километра, как снова повалил густой снег. Они ничего не могли разглядеть впереди себя даже за несколько шагов.

«Куда мы идём? Может быть, мы уже подошли к спуску? Так можно слететь в пропасть и погибнуть», — думал каждый про себя.

— Послушай, Руал, — сказал Леон, — вернёмся! Мы найдём хижину, отдохнём и пойдём назад, к усадьбе Муген.

Руал молчал. «В самом деле, спуск с плоскогорья в такую погоду найти невозможно. Возвращаться — обидно. Но идти вперёд — безумие».

И он сказал коротко:

— Хорошо, вернёмся.

Они повернули назад, в сторону хижины. Ночь была уже близка. А снег продолжал идти непрерывно. Воздух потеплел. Это испугало Руала — он знал, что предвещает это тепло: снег таял, едва коснувшись земли, и одежда их сразу промокла. В полной темноте они добрались до небольшой скалы и здесь укрылись от ветра.

— Давай выроем в снегу ямы, — предложил Руал, стараясь не терять бодрости. — В снегу будет теплее.

— Не могу, — простонал Леон. — У меня нет сил.

Он кое-как забрался в мешок и почти потерял сознание от слабости. А Руал лыжами и палками вырыл глубокую яму и улёгся туда в спальном мешке. Он читал, что путешественники в полярных странах не раз спасались так от мороза и метелей. И в самом деле, он довольно быстро согрелся и заснул, измученный дневным переходом.

Мокрый снег толстым слоем укрыл яму. Под утро ударил сильный мороз и сковал весь снег. Когда Руал проснулся, то почувствовал, что не может пошевелиться. Тело его окоченело. Руал сделал усилие, и промёрзший спальный мешок затрещал.

«Что это? Я, кажется, вмёрз в ледяную глыбу?» — подумал Руал, цепenea от ужаса. Он отчаянно пытался освободиться и не мог. Тогда он стал звать брата. Однако голос его был едва слышен, он угасал где-то рядом, возле рта. Так, вероятно, кричит в гробу заживо погребённый.

«Мы погибли», — решил Амундсен.

Ему представилось, что Леон тоже вмёрз в снег и не может освободиться. От волнения он потерял сознание. Очнувшись, он мысленно приказал себе: «Прежде всего спокойствие. Не надо волноваться!» Он старался спокойно обдумать, как спастись, и тут услышал отдалённый крик: «Руал! Руал!» То кричал Леон. Руал пытался откликнуться, но брат не слышал его и кружил где-то около. Вдруг Леон заметил на снегу тёмное пятнышко — это были волоски шерсти от наружной поверхности спального мешка Руала. Леон копнул палкой и обнаружил, что под снегом действительно лежит Руал.

Смёрзшийся за ночь снег был твёрд как лёд. Откопать и вытащить брата было не легко. Целых три часа понадобилось на то, чтобы освободить его из ледяной могилы.

Их не узнают

Когда Руал вылез из своей ямы, он едва держался на ногах от слабости. Леон сидел на снегу без шапки, без рукавиц, от него валил пар. Дул резкий ветер, и мела позёмка.

Было ещё рано, небо прояснилось, и в нём мерцали поздние звёзды.

Братья понимали, что если они попробуют заснуть снова, то больше уж не проснутся.

— Пойдём! — решительно сказал Руал.

— Пойдём, — откликнулся Леон сквозь зубы.

Он был зол на брата за то, что тот втянул его в такую авантюру.

Они встали на лыжи, закинули за плечи спальные мешки и вышли из-за скалы. Стоя спиной к ветру, Руал зажёл фонарь, сверился с компасом.

— Будем идти по звёздам, — сказал он.

Молча они двинулись в путь. Ветер утих. Небо на востоке начало белеть. Леон шёл впереди, шагах в тридцати. Руал отчётливо видел его. Вдруг брат мгновенно исчез, будто провалился сквозь землю.

Резко затормозив лыжи, Руал повалился на бок, ползком пробрался к краю обрыва и услышал глухой голос:

— Руал! Осторожней! Я свалился!

Далеко внизу виднелось чёрное пятно. Это был Леон.

— Ты жив? — крикнул Руал.

— Жив и невредим. Я упал на спину, на спальный мешок.

Руал долго искал, где можно было бы спуститься вниз. С трудом он добрался к брату и помог ему вскарабкаться вверх.

— Будем ждать рассвета, иначе можно сломать головы.

Они прижались друг к другу спинами и сели на краю обрыва. Их мучил жестокий голод. Уже четыре дня прошло с тех пор, как они в последний раз обедали в усадьбе Муген, и два дня, как они поели мучной кашицы. Силы их убывали. Чтобы хоть немного утолить голод, они то и дело пили воду — на плоскогорье было много небольших озёр, и вода пробивалась из-под льда ручьями.

С рассветом они двинулись дальше. Они шли весь день. Вокруг была та же пустыня, укрытая льдом и снегом.

Уже начало вечереть. С беспокойством глядели они по сторонам: неужели им, промёрзшим и голодным, придётся и эту ночь провести под открытым небом? Но на их счастье в сумраке зачернело какое-то строение. Они прибавили ходу и скоро увидели небольшой каменный сарай, полный сена. Вокруг сарая виднелись лыжные следы. Руал радостно закричал:

— Ну, мы спасены! Переночуем здесь, отдохнем, а утром пойдём по лыжным следам.

Они сняли лыжи, вошли в сарай, глубоко зарылись в сено и заснули как убитые.

Первым проснулся Руал. Он вылез из сарая, надел лыжи и позвал брата:

— Вставай, Леон! Уже утро.

Но брат ответил мрачно:

— Я не могу двигаться, я измотался.

— Ну, тогда ты подожди, я пойду по лыжным следам.

Руал обогнул холм и увидел вдали человека. Человек шёл куда-то в сторону. «Должно быть, охотник, — решил Руал. — Он идёт осматривать свои ловушки и капканы». Он крикнул, но крик его был похож на хрип. Тогда он побежал к человеку, замахал шапкой. Человек остановился, удивленно всматриваясь в Амундсена, потом вдруг повернулся и со всех ног пустился наутёк, вообразив, что перед ним не живое существо, а дух, бродящий по ледяному плоскогорью. Руал бросился за ним.

Так они бежали по снеговой равнине. Руал кричал, чувствуя, что силы его иссякают:

— Подожди, подожди, друг! Стой!

В голосе его было столько отчаяния, что человек, наконец, остановился и пошёл к Руалу навстречу. Ещё издали он спросил:

— Кто ты такой?

— Мы заблудились. Мой брат умирает от истощения... Он в том сарае... Далеко ли отсюда до жилья?

— До жилья недалеко! Вон там, под горой, усадьба Муген.

— Я пойду за братом, — сказал Руал и вздохнул. Целых четыре дня они бродили по снеговой пустыне и пришли туда же, откуда вышли.

Когда он пришёл к сарайчику, Леон беспомощно сидел у стены.

— Живо собирайся! — закричал Руал.

Леон собрал последние силы, встал на лыжи, но привязать их уже не мог: пальцы на обеих руках у него были отморожены. Руал привязал ему лыжи, и путники пошли по лыжным следам. Скоро они узнали местность — вот холмы, которые они уже видели, вот и знакомая долина. Они спустились с обрыва без особых трудностей. Маленький домик усадьбы Муген был на этот раз занесён выше крыши, только с одной стороны хозяева очистили снег от стен, от окон и от крыльца.

Руал постучал в дверь. На стук вышел хозяин, осмотрел путников с головы до ног и нехотя пригласил их зайти.

Братья вошли в дом. Три женщины пряли шерсть. Сыновья старика вырезали что-то из дерева. Пристально и недружелюбно смотрели они на непрошенных гостей. Руал удивился. Ведь эти же самые люди пять дней тому назад так сердечно попрощались с ними, а теперь смотрели на них с недоверием и явной неприязнью.

— Вы нас не узнаете? — спросил Руал.

Старик криво усмехнулся:

— Трудновато узнать людей, когда видишь их впервые.

— Как впервые? Мы же были у вас пять дней тому назад. Вы сами

проводжали нас до подъёма на гору.

— Неужели это вы? — спросил старик недоверчиво.

Все осматривали гостей с головы до ног.

— Это они, отец! — крикнул молодой крестьянин. — В самом деле, это вы и есть. Я помню, куртка мне ваша понравилась.

— Да... теперь я узнаю. Но что с вами случилось? Поглядите на себя.

Руал подошёл к маленькому зеркальцу, висевшему в простенке. Заросший клочковатой бородой, с ввалившимися щёками, пожелтевший, он походил на мертвеца.

— Мы едва не погибли, — сказал Руал. — И вот уже два дня ничего не ели.

— Ага, я вам говорил, а вы меня не хотели слушать, — сказал старик торжествующе. — Ну, мать, скорей давай им есть.

Женщины захлопотали вокруг очага.

Три дня братья прожили в усадьбе. На четвёртый день они вернулись в Христианию.

А три года спустя Амундсен случайно узнал о том, как хозяин усадьбы Гарен на западной стороне Хардангерского плоскогорья, выйдя однажды утром из дома, увидел в нескольких шагах от своих дверей лыжные следы. Они шли откуда-то с востока. А оттуда в это время года никто никогда к усадьбе не подходил. Удивлённый крестьянин долго шёл по лыжным следам, ведущим далеко за холмы. Было видно, что здесь прошли два человека. Значит, братья Амундсен добрались до самых дверей усадьбы, но не заметили её в темноте, да и выюга тогда кружила страшная.

Матрос

Военная служба окончилась. Руал Амундсен был совершенно свободен и мог целиком отдаться осуществлению своих планов.

Изучая книги о полярных путешествиях, он заметил одну странность: начальники полярных экспедиций, отправляясь в плавание, почти всегда нанимали чужое судно, так что на корабле было две власти — капитана и начальника экспедиции. Капитаны не всегда подчинялись начальникам экспедиций, часто не хотели идти туда, куда им приказывали, в долгие полярные зимы происходили стычки, ссоры, и в конце концов из-за такого двоевластия экспедиции погибали.

Амундсен решил стать капитаном, чтобы в будущем самому вести корабль. Но капитан обязан пройти всю морскую службу, начиная с матроса.

«Что делать? Жаль терять время. Однако это необходимо. А если необходимо, тогда и раздумывать не следует», — рассудил Амундсен и в ту же весну решил поступить матросом на парусное судно.

Он поехал в Тонсберг, откуда в Ледовитый океан отправлялось множество судов на тюленьи и рыбные промыслы, и несколько дней ходил по гавани, пока не высмотрел самое лучшее, как ему казалось, судно. У дальнего мола стояла большая шхуна «Магдалена». Амундсен много раз уходил от неё и вновь возвращался. Вдруг он увидел, что от «Магдалены» отвалила шлюпка с тремя матросами. Когда матросы вышли на набережную, Руал подошёл к ним, поздоровался и спросил:

— Далеко идёт «Магдалена»?

— На Шпицберген, за тюленьями.

«На Шпицберген? Для меня это подходит», — подумал Амундсен и

спросил:

— А где капитан?

— Во-он в том кабачке.

И матрос показал на синюю вывеску с нарисованной на ней пенящейся кружкой пива.

— Мы идём туда же, — доверительно сказал матрос. — А для чего тебе понадобился капитан?

— Я хотел бы поступить к вам на шхуну. Вам матрос нужен? — спросил Руал.

Матросы осмотрели его с головы до ног. Их смутил городской костюм Руала.

— Если не шутишь, пойдём. Мы познакомим тебя с капитаном.

В кабачке, за столиком у окна, сидел толстенький рыжий моряк. Матросы подвели к нему Руала.

— Капитан, этот человек желает наняться к нам матросом.

— Матросом? — недоверчиво спросил капитан, испытующе глядя на Руала. — Вы когда-нибудь плавали?

— Нет, не плавал.

— А что ж вы делали до сих пор?

— Учился в университете.

— Вот как?.. — удивлённо протянул капитан. — И хотите поступить матросом?

— Да, я хочу изучить морскую службу, чтобы потом сдать экзамен на

штурмана.

— А-а, тогда дело другое, — обрадовался капитан. — Это подойдёт. Такого матроса я возьму охотно.

Руал и матросы уселись за столик капитана, и в десять минут всё было решено. Руал завтра же переселяется на судно, а через четыре дня «Магдалена» пойдёт в Ледовитый океан бить зверя.

Вечером того же дня Амундсен пришёл на судно со всеми своими пожитками, уложенными в небольшой сундучок. В тесном кубрике ему отвели точно такую же койку, как и у других матросов. В кубрике было темно и душно, но со всеми этими неудобствами он сразу примирился. «Если это путь к великой цели, то его всё равно надо пройти. И чем он будет трудней, тем лучше».

Спустя четыре дня на рассвете «Магдалена» подняла якорь и, держа курс вдоль берегов Норвегии, направилась в Ледовитый океан.

Новый матрос работал усерднее всех. Вначале товарищи посмеивались над «студентом», как они его прозвали. Прежде всего ему поручили вымыть палубу и камбуз. Амундсен сделал работу быстро и так хорошо, что даже боцман — старый суровый человек — промышчал нечто одобрительное. Ни одной минуты Руал не оставался без дела. Он хотел всё знать, всё уметь и главное — не терять времени.

Миновав мыс Нордкап, самую северную точку Норвегии, судно вышло в открытый океан. Дул восточный ветер. Волны длиной в целый километр и вышиной метров в пятнадцать швыряли «Магдалену» так, что казалось, она вот-вот опрокинется. Потоки пенистой воды хлестали через борт, переливались по палубе, били в наглухо закрытые люки, в стенки рубки и камбуза. Ветер всё усиливался. Капитан, закутанный в брезентовый плащ, не сходил с мостика. В такие ответственные часы он никому не мог доверить управление судном.

А море свирепело час от часу. «Магдалена» зарывалась в воду, будто хотела нырнуть на дно. Капитан пронзительно засвистел. Матросы выскочили на палубу.

— Убрать парус! — приказал капитан.

Матросы, как кошки, бросились к бортам, ослабили блоки, и парус медленно пополз вниз. Амундсен работал у борта. Волны окатывали его с головы до пят, но он держался цепко и старательно разматывал трос. Убрав парус, матросы побежали в кубрик.

— Ну как, студент, понравился тебе ветерок? Должно быть, душа в пятках? — пошутил кто-то из матросов.

— Ничего, привыкну! — бодро ответил Амундсен.

— Привыкай, привыкай! Трудно только первые десять лет, потом ничего.

Амундсен забрался на свою койку. Всё кругом скрипело и качалось. Тошнота подступала к горлу. Он закрыл глаза, старался думать о земле, о горах — там, не качает; он хотел силой воли победить морскую болезнь. А «Магдалена» качалась сильнее и сильнее. Волны, как выстрелы, били в борт. Вдруг наверху, на баке, колокол прозвонил смену вахт.

— Амундсен! На вахту! — крикнул боцман.

Амундсен торопливо накинул на себя плащ, завязал у шеи шнурок и взбежал наверх. Океан кипел. Брызги волн долетали до верхушек мачт. Низко над волнами неслись разорванные облака. Цепляясь за поручни, Амундсен пошёл к штурвальной будке.

Сорок восемь часов ветер трепал судно. Для Амундсена это были мучительные часы. Хотя и закалено было его тело, но оно ещё не привыкло к такой трепке. Приходилось собирать всю силу воли, чтобы заставить себя спокойно переносить бурю.

Только в начале третьих суток ветер стих, волны смирились, в воздухе похолодало, и боцман сказал весело:

— Ну, студент, радуйся, скоро будет кромка. Конец твоим мукам. Но ты молодец: впервые на море, а держался как надо.

Амундсен рассмеялся про себя: знал бы боцман про его переживания, не хвалил бы!

Уже двое суток не заходило солнце. В полночь оно стояло высоко над горизонтом. И в этот же час вдали показалась белая блестящая полоска. Кто-то крикнул:

— Лёд!

Амундсен побежал на нос судна, поднялся на бак, приложил к глазам бинокль. Весь горизонт светился. Вправо и влево далеко-далеко тянулась долгожданная кромка. Это был лёд — вечный плавучий лёд Северного Ледовитого океана.

Часа через три на пути «Магдалены» стали попадаться отдельные льдины. Появились чайки. Стайками летели они за шхуной.

Боцман полез по вантам в бочку, укреплённую на передней мачте. Едва он устроился в бочке так, что видны были лишь плечи да голова, едва он приложил к глазам подзорную трубу, как тотчас же крикнул:

— Есть!

Капитан, стоявший на мостике, спросил:

— Много?

— Как будто много. Держите на северо-восток!

— Тюлени! Тюлени! Боцман видит много тюленей, — заговорили на судне.

Все заволновались. Стрелки побежали в кубрик одеваться, матросы подошли к шлюпкам. Каждый знал, что ему надо делать. Руал тащил два мешка с хлебом и салом к шлюпке номер первый, — он должен был ехать на этой шлюпке. Стрелки один за другим выходили на палубу и здесь проверяли свои винтовки.

«Магдалена» медленно подошла к кромке льда. Тысячи мелких льдин качались на волнах. Они ударялись одна о другую и распадались на куски. Шхуна своими бортами отбрасывала их с пути. На льдинах сидели чайки и кайры. А вдали на большом ледяном поле виднелись чёрные пятна: это были тюлени. Вдруг перед самым носом корабля высунулась из воды тюленья голова, похожая на мокрую голову собаки, и тотчас скрылась.

Капитан крикнул с мостика:

— Приготовить шлюпки! Занять места!

Стрелки и матросы разделились на партии и сели в три шлюпки. Шхуна уменьшила ход, остановилась среди льда. С мостика раздалась новая команда:

— Шлюпки на воду!

Затрещали блоки, взвизгнули тросы, шлюпки с людьми медленно спустились на воду.

Всюду на льдинах лежали тюлени. Тихий ветер дул с востока. Одна за другой шлюпки поплыли влево, в сторону от «Магдалены». Они ловко обходили льдины. Амундсен грёб изо всех сил. Вполголоса он спросил у соседа по веслу:

— Зачем мы уходим так далеко?

— Нужно подплыть с подветренной стороны. Иначе тюлень почует человека и уйдёт, — тихо ответил матрос.

Шлюпки прошли далеко в лёд и разделились. Рулевой первой шлюпки скомандовал:

— Стоп!

Шлюпка пристала к большой льдине, и стрелки один за другим вылезли прямо на лёд. Их было пятеро. Крепкие и ловкие, они быстро побежали по льдинам. Тюлени беспокойно поднимали головы. Один заворочался и пополз к краю льдины. Он полз медленно, то и дело останавливаясь и вытягивая шею. За ним пополз другой, третий, четвёртый. Вот-вот они нырнут в воду. Вдруг стрелки и матросы дико заревели. Удивлённые рёвом, тюлени остановились. Но эта остановка стоила им жизни. Стрелки бежали прямо к ним. Грохнул выстрел, и крайний тюлень уронил голову на лёд. Тотчас затрещали ещё выстрелы, тюлени заметались, поползли в разные стороны. Меткие выстрелы укладывали их на месте. Матросы вылезли на лёд, чтобы подобрать убитых зверей. Руал привязывал к ластам верёвку и волоком тащил добычу к шлюпке. Через два часа шлюпка была так полна, что её борта поднимались над водой едва лишь на четверть фута.

Промысел начался удачно.

Шхуна продвигалась всё дальше и дальше к востоку вдоль кромки льда, выискивая новые лёжбища тюленей. Круглые сутки стоял ясный день. Бесконечные ледяные поля простирались за горизонт. Лёд всё время двигался. Глыбы льда громоздились по краям полей, падали, опять вздымались, а отдельные льдины, оторвавшиеся от полей, уносились по вольной воде вдаль к западу и югу. Они были похожи на лебедей, важно и неторопливо плывущих по морю. И, глядя на эти льдины, Амундсен вспоминал, что где-то в этих же широтах такие льдины удивили Баренца.

«Мы видим бесконечные стада белых лебедей», — записал в своём дневнике Баренц.

Тысячи чаек и кайр носились над бело-зелёными волнами. Иногда пролетал чёрный поморник — северный морской разбойник, отнимающий

у чаек их добычу. Шхуна уходила всё дальше и дальше к востоку.

Время от времени на её пути встречались громадные ледяные горы — айсберги. У них были изумительно причудливые формы: один айсберг был похож на дворец, другой — на храм, третий — на гигантского белого льва... Вода и солнце вырыли в айсбергах пещеры. Их наполнял нежный синий свет. А сам айсберг сверкал золотыми, голубыми, зелёными огнями.

Сказочная картина! Вот он, волшебный полярный край, о котором так долго мечтал Амундсен. Придёт время — он пустится на завоевание этого края. По льдам он пройдёт далеко-далеко в высокие широты и... может быть, побывает на полюсе.

А сейчас он матрос. Он ещё только проходит начальную морскую грамоту и как новичок выполняет самую чёрную работу: он обязан был убирать каюты, помогать коку в камбузе, мыть палубу, чистить гальюн.

Он всё делал старательно, как можно лучше.

Для него не существовало различия между чёрной и белой работой. Любое дело он считал важным, раз оно необходимо.

Скоро все на шхуне убедились, что Амундсен становится мастером на все руки. Он, как и опытные охотники-зверобои, быстро научился ходить по плавучим льдинам, хорошо стрелял, умело снимал шкуры и сало с убитых тюленей, отлично работал на вёслах.

После трёх месяцев охоты «Магдалена», перегруженная добычей, вернулась в Норвегию. Амундсен решил перейти на другое судно — на барк «Вальборг», уходивший в Канаду. Капитан «Магдалены» убеждал Амундсена остаться на шхуне. Но Руала тянуло в новые страны, к новым морям. Ему хотелось поучиться работать также у других капитанов.

На барк «Вальборг» он пришёл уже как настоящий матрос. Ему поручили выпечку хлеба для всей команды. С обычным усердием и внимательностью Амундсен принялся за изучение новой для него профессии пекаря.

До этого он никогда не имел дела с кухней, не умел даже сварить себе кофе, а сейчас стал помощником кока. На первый взгляд кажется странным, что человек, поставивший перед собой такие великие задачи, радовался, что ему поручили печь хлеб и помогать коку. Но Амундсен думал о том, что кулинарные знания ему пригодятся в будущем, когда он отправится в полярное плавание или будет жить на зимовке.

«Всякое ремесло полезно человеку» — эта старинная поговорка стала законом для Амундсена.

За несколько месяцев работы на «Вальборге» он отлично научился печь хлеб, булки и крендели. А много лет спустя, в годы своих великих

путешествий, он угощал в праздничные дни своих спутников великолепными булочками, печеньем и тортами.

Весной 1895 года Амундсен покинул «Вальборг» и на деньги, полученные при расчёте, отправился в путешествие по Франции, чтобы посмотреть страну и лучше изучить французский язык. Он уже убедился, что знание иностранных языков очень важно для путешественника.

Амундсен проехал всю Францию с севера на юг на велосипеде, ночуя в гостиницах маленьких городков, завтракая и обедая в придорожных кабачках. Общение с народом Франции обогатило его новыми знаниями.

Из Франции он поехал в Испанию и здесь нанялся на норвежский барк «Оскар». Капитаном его был старый знакомый Юст Скрадер, служивший некогда на верфи у отца Амундсена. Барк шёл на остров Святого Фомы, а затем в порт Пенсаколу. Там, в Мексиканском заливе, «Оскар» должен был взять большой груз для Англии. Капитан Скрадер охотно принял сына покойного Амундсена в свою команду, однако платить ему жалованье не мог. Амундсен согласился работать «за стол» — так хотелось ему скорее научиться управлять парусником.

Капитану Скрадеру было известно, что Амундсен учился в университете. И вскоре все на барке узнали об этом. Само собой, команду интересовало, как будет вести себя молодой Амундсен в должности матроса, работающего только «за стол». Но очень скоро и капитан, и штурман, и матросы убедились, что новый матрос усердно исполнял свои обязанности, во время авралов первый являлся на отведённое ему место, работал, не жалея сил и не щадя себя. А после вахты, чуть отдохнув, уже сидел за книгами, изучал иностранные языки или теорию судоходства.

Книги о полярных путешествиях продолжали оставаться любимыми его книгами. Знание языков давало ему возможность читать обширную литературу о полярниках Англии, Франции, Америки, Германии и других стран.

На «Оскаре» Амундсен побывал в Мексике, потом в Англии и затем вернулся в Норвегию. Один из его братьев — Густав — в это время был уже штурманом на большом пароходе «Хюльдра». Зная, что Руал готовится к экзамену на штурмана, Густав решил помочь брату. Он взял его к себе на пароход матросом, а в свободное от вахт время занимался с ним всеми теми науками, которые Руал должен был сдавать на экзаменах в морское училище.

Однажды в каком-то порту на пароход попали свежие газеты, и в одной из них Амундсен прочёл:

«Лейтенант бельгийского флота де Герлах организует научно-

исследовательскую экспедицию в Антарктику, к магнитному полюсу».

Сообщение взволновало Руала.

— Как бы я хотел попасть в эту экспедицию! — сказал он брату.

— Так в чём же дело? Попытайся, — засмеялся Густав.

— А как это сделать?

— Узнай, кто такой де Герлах, съезди к нему, поговори. Теперь ты мог бы пойти на корабль не только матросом, но и штурманом.

Густав вызвался помочь брату попасть в экспедицию де Герлаха. Оказалось, де Герлах был достаточно известен в Норвегии. Судно для своей антарктической экспедиции он купил на норвежской верфи в Саннефиорде. Это была трёхмачтовая зверобойная шхуна водоизмещением в двести пятьдесят тонн, рассчитанная на плавание во льдах. Она называлась «Патриа», но де Герлах дал ей новое имя — «Бельгика». Шхуна стояла ещё в Саннефиорде, де Герлах жил в Бельгии, а на верфи находился его представитель. Руал и Густав побывали у него и попросили написать рекомендательное письмо к де Герлаху. Наведённые о братьях справки были благоприятные: все знали Амундсенов как отличных работников.

Захватив с собой письмо к де Герлаху, братья тут же уехали в Антверпен, где жил владелец «Бельгики».

Де Герлах отнесся к Руалу очень благосклонно.

— У меня нет штурмана, и я буду рад, если вы займёте это место. В экспедицию мы пойдём через год, — надеюсь, вы к этому времени сдадите экзамен.

Он дал слово, что место штурмана останется за Амундсеном.

Для Руала это было исполнением заветной мечты. Вот наконец-то он пойдёт в полярные страны!

С новым рвением готовился он к экзамену. Во время разговора с де Герлахом он заметил, что французский язык даётся ему всё же с некоторым трудом. Ему недоставало практики, и, чтобы в совершенстве овладеть живым французским языком, он поступил матросом в команду французского барка «Рона». На этом судне Руал ходил в Африку.

Для экзамена на штурмана надо было иметь трёхлетний стаж плавания на различных судах. Когда Амундсен вернулся из Африки, ему не хватало нескольких месяцев до полного стажа. Тогда он нанялся на зверобойное судно «Язон» и недостающий срок провёл на нём в Ледовитом океане на тюленьих промыслах. Это было то самое судно, на котором когда-то Нансен отправился в своё знаменитое путешествие через Гренландию.

В этой экспедиции Амундсен выполнял уже обязанности шкипера. Он знал каждую мелочь в управлении кораблём.

На «Язоне» было несколько матросов, плававших ещё в то время, когда судно перешло Атлантический океан и высадило Нансена и его пятерых спутников на лёд у берегов Гренландии. Они нередко вспоминали смелого земляка-полярника, три года назад ушедшего на «Фраме» к Северному полюсу. С тех пор о Нансене не было никаких известий и многие считали, что Нансен погиб со всеми своими спутниками, так же как погибла когда-то знаменитая «Жаннета» де Лонга. Вероятно, и «Фрам» тоже раздавлен льдами.

Но разговоры и слухи о гибели Нансена не пугали Амундсена. Скорей бы и ему отправиться в такое же опасное и такое интересное путешествие!

Осенью 1896 года Амундсен вернулся в Христианию и блестяще сдал экзамен на штурмана. Первая ступень была пройдена. Теперь он мог быть штурманом «Бельгики».

«Если человек сильно захочет, то добьётся своего...»

Ему было тогда двадцать четыре года.

К магнитному полюсу

В июне 1897 года молодой штурман Амундсен вошёл в состав команды «Бельгики».

Шхуна находилась ещё в Саннефиорде, где снаряжалась в дальнейшее плавание.

Амундсен энергично взялся за работу. Вот где он, наконец, сможет применить свои знания и свой опыт!

«Бельгика» была построена на славу; рангоут (деревянные части вооружения судна, реи, бушприт, мачты), такелаж (верёвочные снасти на судне), паруса, сейзны (снасти, которыми подвязываются паруса) — всё было прекрасного качества. О лучшем судне и мечтать было невозможно. Стоила «Бельгика» пятьдесят тысяч крон — деньги по тем временам очень большие.

И как раз в эти же дни, когда заканчивалось снаряжение «Бельгики», в Норвегии произошло крупное событие: из полярного плавания вернулся сначала Нансен со своим спутником Иогансеном, а затем и «Фрам» под командой Свердруп. Их возвращение праздновала не только Норвегия, но и многие другие страны. Амундсен с огромным вниманием читал всё то, что писалось о великом подвиге Нансена и его спутников.

«Фрам», как и рассчитывал Нансен, продрейфовал со льдами от берегов Сибири до открытого моря севернее Шпицбергена. Но льды протащили его на значительном расстоянии от полюса. На 84° северной широты Нансен покинул судно, надеясь достичь полюса пешком. С ним пошёл его молодой спутник лейтенант Иогансен. У них было два каяка, поставленных на двое саней в собачьей упряжке. Нансен достиг 86°@15' северной широты. До полюса оставалось ещё около четырёхсот

километров. Но близилась зима, провизия почти вся вышла, дорога была чрезвычайно тяжёлая. Нансен решил повернуть назад, к югу. С огромным трудом достигли они Земли Франца Иосифа и перезимовали здесь в каменной пещере, а весной отправились на один из южных островов Земли Франца Иосифа, где встретились с зимовавшим там полярным исследователем Джексонсом. Летом сюда прибыл корабль, доставивший Джексону продовольствие. С этим кораблём Нансен и Иогансен вернулись в Норвегию. А «Фрам» после ухода Нансена продолжал дрейфовать вместе со льдами и, наконец выйдя из ледяного плена, вернулся в Норвегию через несколько дней после приезда Нансена.

Незадолго до отплытия «Бельгики» из Санне-фиорда на судно неожиданно пришли три гостя. Сам де Герлах, приехавший в Норвегию за несколько дней перед этим, встретил гостей у трапа. Амундсен сразу узнал их: это были Фритьоф Нансен — герой его юношеских мечтаний, капитан «Фрама» Свердруп и Иогансен.

Вот они — люди, овеванные великой славой! Вот они поднимаются по трапу на капитанский мостик. Де Герлах представил им штурмана «Бельгики» Амундсена. Нансен спросил молодого штурмана, плавал ли он в полярных льдах.

— Да, плавал — на «Магдалене» и на «Язоне».

— На «Язоне»? — оживлённо спросил Нансен. Видимо, воспоминание о первом походе было для него очень приятно.

— Команда «Язона» гордится тем, что когда-то доставила вас к берегам Гренландии, — сказал Амундсен.

Лицо Нансена потеплело, глаза засветились. Амундсен назвал несколько имён. Нансен помнил их.

Де Герлах пригласил гостей осмотреть «Бельгику». Нансен интересовался снаряжением судна, расспрашивал о задачах, которые поставила перед собой экспедиция. Заметив кое-какие недостатки в снаряжении, он дал совет, как их исправить. Несколько замечаний сделал и молчаливый капитан Свердруп. Амундсен жадно слушал, стараясь не пропустить ни одного слова.

Де Герлах рассказывал Нансену о планах экспедиции: «Бельгика» произведёт научные исследования в районе южного магнитного полюса¹, оставит на зимовку четырёх научных работников, вернётся в Рио-де-Жанейро, а когда наступит весна в южном полушарии, приедет за зимовщиками.

— А кто же останется на зимовку? — спросил Нансен.

— Пока ещё не решено, — сказал де Герлах. — При снаряжении

экспедиции мы приняли это во внимание и закупили для зимовки всё необходимое: специальную одежду, палатки и небольшой домик.

«На зимовку останусь я», — решил было вмешаться Амундсен. Но промолчал. Это успеется. А сейчас его интересовали важные детали: какое должно быть у зимовщиков снаряжение? Какая одежда? Какая обувь? Нансену понравились горячие расспросы молодого штурмана. Он охотно отвечал ему. Эти минуты были началом сближения прославленного уже на весь мир путешественника Нансена и безвестного молодого штурмана Амундсена.

«Бельгика» простояла в Норвегии несколько дней, и почти каждый день Нансен и его два спутника бывали на судне. Нансен подарил карты из своих коллекций, кое-какие книги для судовой библиотеки, сани для образца и приборы для научных исследований.

Наконец «Бельгика» подняла якорь. Провожали её торжественно. Среди провожающих были Нансен, Свердруп, Иогансен и другие члены команды знаменитого «Фрама». На «Бельгике», кроме Амундсена, было ещё пять норвежцев-матросов — опытных, закалённых людей, привыкших к плаваниям во льдах. Ничто, казалось, не могло их испугать.

Амундсен был счастлив: в этот день он делал самый большой шаг на пути к своей цели. Пока «Бельгика» шла из Норвегии в Антверпен, он почти не покидал капитанского мостика. Рейс был лёгким. Летом Северное море обычно тихое. Но Амундсен относился к этому рейсу очень серьёзно: ведь он впервые самостоятельно вёл корабль.

В Антверпене собрались все члены экспедиции: её начальник Андриен де Герлах, его помощник и капитан корабля лейтенант Лекуант, бельгийский учёный Данко, который должен был вести магнитные наблюдения, поляк Арктовский — химик, геолог и метеоролог, румын Раковица — натуралист, поляк Добровольский — метеоролог, два механика и девять матросов, из них четверо — бельгийцы.

«Бельгике» недоставало только врача, но за несколько дней до выхода в море де Герлах получил телеграмму из Америки от известного полярного путешественника доктора Кука с просьбой включить его в экспедицию. Де Герлах тут же телеграфировал Куку выезжать в Рио-де-Жанейро, куда направлялась «Бельгика». Об этой телеграмме, посланной де Герлахом, не знал никто, кроме капитана Лекуанта.

16 августа 1897 года корабль экспедиции под гром пушек покинул Антверпенский порт и, выйдя в Атлантический океан, повернул на юг.

Дорога на юг

Магнитный полюс лежит в Антарктике, к югу от Австралии, и корабль должен был идти мимо Африки и Австралии. Но уже в первый день по выходе в океан для всех стало ясно, что капитан по приказу начальника экспедиции ведёт корабль совсем по иному пути. Они направлялись не на юг, а на юго-запад — к Южной Америке. Это открытие взволновало Амундсена: он мечтал поскорей попасть в Южный Ледовитый океан, а сейчас мечта отодвигалась.

— Куда идёт корабль? — спрашивал он своих спутников, которые недоуменно пожимали плечами.

Каждый день в кают-компании, в кубрике шли тихие разговоры:

— Куда мы идём?

Но никто не мог спросить об этом ни капитана, ни начальника экспедиции. Суровая корабельная дисциплина запрещала такие вопросы. Наконец разговоры эти дошли до де Герлаха. Как-то за обедом в кают-компании он сказал:

— Я заметил, что вас волнует вопрос о маршруте. Мы идём к мысу Горн. У нас достаточно времени для того, чтобы обогнуть Огненную Землю и пройти к магнитному полюсу с востока. Лето в здешних широтах только начинается.

«Плохо дело, — про себя отметил Амундсен. — Пожалуй, мы завязнем!»

По пути «Бельгика» зашла в Рио-де-Жанейро, взяла на борт доктора Кука и в начале декабря — в этих широтах это самый разгар лета — достигла Магелланова пролива.

Пройдя пролив, «Бельгика» повернула к югу, вдоль берегов Огненной Земли. В те годы Огненная Земля была ещё мало исследована, и де Герлах мечтал сделать здесь немало новых открытий. Поэтому он не очень спешил к своей основной цели — к магнитному полюсу.

«Бельгика» медленно шла вдоль берегов Огненной Земли, останавливаясь в каждом заливе. Учёные собирали образцы камней, изучали жизнь птиц и зверей, составляли гербарии, наносили на карту неизвестные острова и вели метеорологические наблюдения. За такой работой прошло много недель. Наконец «Бельгика» миновала Шетландские острова, и вдали на горизонте показалась ледяная полоса, блестящая в лучах незаходящего солнца.

Это и была Антарктическая земля, внутри которой где-то далеко, за льдами и снегами, лежал Южный полюс.

Огромные глетчеры сползали с земли в океан. Прежние исследователи называли эту местность Землёй Грэхэма.

«Бельгика», пройдя вдоль берегов Земли Грэхэма, вошла в широкий пролив. Он тянулся на юго-запад и отделял Землю Грэхэма от ряда больших островов. Корабли заходили сюда очень редко, правильной карты местности не существовало. На некоторых островах ещё никогда не бывали европейцы. Чёрными, мрачными утёсами поднимались острова над холодным океаном, и на вершинах утёсов лежал снег.

Больше двадцати раз «Бельгика» бросала якорь у таких островов, обследуя только их берега.

Амундсену же очень хотелось сделать санную экскурсию в глубину какого-нибудь острова. Геолог Арктовский, доктор Кук и натуралист Раковица соглашались принять участие в такой экспедиции. С разрешения де Герлаха маленькая группа решила провести подробное обследование Брабантского острова. Захватив с собой спальные мешки, шёлковую

палатку, сани, лыжи, примус и провиант на несколько дней, маленькая группа с трудом высадилась на берег.

Погода в этот день была очень бурная. Ветер вздымал тучи снега, гнал по проливу крутые волны, разбивавшиеся об отвесные скалы острова. Снег лежал только в ложбинах, а рёбра скал мрачно чернели. Таща на себе сани, путники стали подниматься по снегу вверх на плато, лежавшее на высоте трёхсот пятидесяти метров. Подъём был очень труден. Сани глубоко уходили в снег.

Четыре часа ушло на преодоление трудного подъёма. Наконец смельчаки добрались до плато, и перед ними открылся необозримый ледяной простор. Ветер здесь был ещё свирепее, чем у берега: он резал лицо, слепил снегом глаза.

Усталые путешественники раскинули палатку под защитой небольшой скалы и тут же легли отдохнуть. Через несколько часов они двинулись в глубь острова.

Это было нелёгким и опасным предприятием: то и дело встречались трещины, покрытые коркой льда и снега. Неосторожный шаг — и можно было провалиться и погибнуть. Как раз опустился густой туман. Идти пришлось ощупью. Время от времени путешественники останавливались, производили магнитные наблюдения, изучали состояние материкового льда и в редких местах, где земля оттаяла и обнажилась, собирали камни и растения.

На третьи сутки, когда все спали, поднялась буря. Палатку разорвало в клочья. Надо было возвращаться на корабль. Обратный путь тоже был нелёгок.

Так Амундсен узнал, какие труды и лишения могут встретиться в путешествиях по полярным странам. Однако это не только не смутило его, а будто придало ему новые силы.

Несколько дней спустя «Бельгика» вышла в Южный Ледовитый океан.

Зима уже приближалась. С Южного полюса дул леденящий ветер. Всё чаще на пути корабля встречались плавающие ледяные горы. Однажды их насчитали более сотни. Птицы стаями летели навстречу «Бельгике» в тёплые страны, а перед экспедицией лежал далёкий путь к магнитному полюсу. Две недели подряд корабль на всех парах шёл вдоль кромки льдов, лавируя меж ледяными горами.

В ловушке

На исходе второй недели, вечером, Амундсен, стоя на вахте, заметил, что с севера, с открытого океана, надвигается буря. Тёмные облака низко неслись над самой водой. Ветер гнал ледяные горы к кромке вечных льдов.

Капитан поднялся на мостик.

— Нам предстоит выдержать хорошую бурю, капитан. Вероятно, будет снег и град, — сказал Амундсен.

— Так что же? Нам не впервые, — буркнул капитан и указал на огромный айсберг, похожий на остров. — Держите к этому айсбергу. За ним, как за стеной, можно идти, спасаясь от ветра и волн.

Все четыре часа своей вахты Амундсен вёл корабль вдоль ледяной горы. За горой ветер был тише, и волны едва покачивали судно.

Но вот на баке пробили склянки. Пришёл новый вахтенный — второй штурман. Амундсен повторил приказание капитана:

— Держите курс вдоль этой горы, чтобы спастись от ветра и волн.

Засыпая, Амундсен слышал, как наверху выл ветер, корабль сильно качало, волны глухо били в борта, но винт корабля работал ритмично.

А утром, проснувшись, Амундсен не услышал ни шума, ни грохота, ни свиста. Стояла мёртвая тишина. Корабль не двигался.

Амундсен быстро оделся и выбежал на палубу. Вокруг корабля высокими стенами поднимались ледяные горы; корабль был заключён между горами, как в тюрьме. Амундсен подошёл ко второму штурману.

— Что случилось?

Штурман смущённо ответил:

— Ночью был такой ветер, что я в темноте не заметил, как нас оторвало от айсберга и бросило вот сюда. Мы спаслись чудом.

Капитан, начальник экспедиции, научные работники, механик, матросы — все молча стояли на палубе. У всех на лицах была тревога. Однако нужно же найти выход из плена! Был дан приказ развести пары, и винт заработал снова. Капитан сам повёл корабль вдоль ледяных гор.

А за горами продолжала бушевать буря. Ледяные горы медленно покачивались, время от времени с них срывались огромные глыбы льда и с грохотом падали в воду. Какая-нибудь глыба могла свалиться на корабль и разбить его в щепки. Вот впереди открылась небольшая щель, и капитан направил в неё судно. Издали щель казалась очень узкой, но когда подошли ближе и примерились, то обнаружилось, что через неё можно пройти.

«Бельгика» благополучно проскользнула между ледяными горами и вышла в открытое море. Страшная опасность миновала. Но океан ещё продолжал бушевать. «Бельгика» шла вдоль кромки на запад. Огромные волны катились с севера и прижимали корабль ко льдам. Амундсен стоял у штурвала. Волны всё сильнее и сильнее били в борт. Ещё удар, и корабль столкнётся с льдиной. Амундсен повернул руль, чтобы уйти дальше от опасных льдин. Этого требовало простое чутьё моряка.

— Зачем меняете курс? — закричал капитан. — Держите вдоль кромки.

— Нас ударит о льдину.

— Будем искать во льдах заводь, зайдём в неё и переждем бурю. Поворачивайте на прежний курс.

Амундсен нахмурился. Он понимал, что капитан ошибается. Если ветер гонит корабль на льды, надо приложить все усилия, чтобы уйти как можно дальше, в открытое море, иначе бешеная волна может поднять корабль и разбить его о лёд. Сколько раз Амундсен читал о таких случаях! Может быть, сказать капитану? Но морская дисциплина велит: «Не спрашивают — не лезь с советами». Амундсен угрюмо стоял у штурвала.

И корабль, подкидываемый волнами, шёл по-прежнему вдоль самой кромки. В одном месте кромка разорвалась, и открылся проход шириной в четверть километра — он вёл прямо к югу, во льды.

— Держать курс в этот проход! — приказал капитан.

Удивлённый этим диким приказом, Амундсен вопросительно взглянул на де Герлаха, но тот кивнул головой в знак согласия с капитаном.

Амундсен повернул руль, и корабль, подгоняемый сильным ветром, понёсся по проходу к югу.

Так он прошёл в течение четырёх часов во льды почти на сто километров и остановился. Волнения здесь уже не было. Справа и слева от корабля простирались необозримые ледяные поля. Все радовались

избавлению от опасности. Не разделял этой радости только один Амундсен. Вскользь он сказал капитану:

— Нас захлопнет, как в ловушке. Льды могут сомкнуться.

— Ничего, — равнодушно ответил капитан. — Постоим несколько дней, переждём бурю и снова пойдём в океан.

Всю ночь Амундсен провёл на палубе. Он слышал, как потрескивали и двигались льды. Но проход не закрывался. Стиснув зубы, Амундсен нервно ходил по палубе. Будь он капитаном и начальником экспедиции, он немедленно вывел бы отсюда корабль. Пока же... Пока приходилось молчать и ждать. Перед рассветом он ушёл в свою каюту и не успел прилечь, как услышал наверху топот и крики. Он снова поднялся наверх. Да, всё вышло так, как и предполагал Амундсен: льды сжали корабль. От прохода не осталось и следа. «Бельгика» плотно засела во льдах.

Это случилось 3 марта 1898 года. Зима только начиналась — страшная полярная зима с многомесячной тёмной ночью.

В течение первых двух недель Амундсен каждый день спускался на лёд и ходил на лыжах вдоль закрывшейся трещины, надеясь отыскать проход для корабля. Трудно было примириться с тем, что придётся зимовать среди плавучих льдов. Он понимал, в какое опасное положение попали люди и корабль. Только у четырёх человек была тёплая одежда. Ведь первоначально предполагалось, что на зимовку останутся только четверо: Раковица, Артковский, Добровольский и Амундсен. Давняя мечта Амундсена осуществилась. Но он не предполагал, что всему экипажу придётся зимовать без мехового платья, без достаточного запаса пищи и даже без ламп для освещения кают.

Амундсен исходил много километров, отыскивая открытую воду, но всё кругом было заковано льдом. С юга дул холодный ветер, каждый день гуляли метели, — ясно было, что зимовка неизбежна.

В последний раз он прошёл по льдам больше десяти километров и со стеснённым сердцем вернулся на корабль.

— Прохода нет! — глухо сказал он, глядя на унылые лица матросов и растерянное лицо капитана.

Вечером весь экипаж собрался в кают-компании. Все молчали, хотя каждый в душе обвинял капитана в оплошности, — ведь это по его вине «Бельгика» была затерта льдами. Долго длилось молчание. Наконец доктор Кук заговорил:

— Итак, друзья мои, нам придётся зимовать. Это теперь ясно. Приготовимся к зиме, долгой и трудной.

Он остановился, будто не зная, что можно сказать ещё.

— Первый раз в истории человечества люди остались на зимовку в Антарктике, — сказал вдруг Раковица.

И, словно в ответ на эти слова, из полутёмного угла раздались рыдания. Все повернулись туда. Там, прислонив голову к стене, плакал матрос Вильямс. Он уже давно, до того как корабль застрял во льдах, беспокойно посматривал на море и вслух раскаивался в том, что пошёл в эту ужасную экспедицию. Доктор Кук быстро подошёл к нему:

— Нельзя плакать, Вильямс, слезами горю не поможешь. Мужайся!

— Мы все погибнем, все погибнем! — сквозь слёзы повторял Вильямс.

Кто-то простонал, кто-то выругался сквозь зубы, — в кают-компании стало душно, как в могиле. Начальник экспедиции пробормотал:

— Ну, сейчас не время совещаться. Поговорим после.

Он поспешно вышел из кают-компании и заперся у себя. За ним тут же ушёл капитан. Вильямс не сдержался и погрозил ему вслед кулаком:

— Вот кто виноват! Вот через кого погибаем! — крикнул он.

Амундсен крепко сжал Вильямсу руку:

— Перестань! Разве ты не знал, на что мы идём? Будем верить, что найдём выход.

Бормоча проклятия, Вильямс ушёл из кают-компании. Скоро все разошлись по своим местам. На корабле стало тихо. Только часто слышались вздохи да сердитые бормотанья.

Амундсен долго ходил по верхней палубе. Надвинулась ночь. Далеко к югу, на горизонте, засветилось белое пятнышко, — вот оно выросло, и вдруг огненные столбы поднялись высоко над головой и заиграли, задвигались. Это было полярное сияние. Амундсен не раз видел его далеко за Северным полярным кругом и теперь видит здесь. И сколько ещё раз он увидит это южное сияние в длинную и страшную ночь?

Что ждет их? Спасенье? Гибель?

И память подсказала ему все те случаи страшных смертей и лишений, о которых читал он в книгах о полярных зимовках.

Кто погибал? Прежде других — малодушные. У них опускались руки, и люди теряли силы.

Холод вдруг пробежал у него по спине. Неужели он боится? Нет. «Я знал, на что шёл, — подумал он вслух. — Мне не страшны никакие лишения». Но кто будет ему верным товарищем в трудные недели и месяцы? Жить одному среди отчаявшихся, малодушных людей трудно. Нужен товарищ. Он перебрал в памяти всех матросов, научных работников, подумал о капитане. Нет, это не то. Он видел, как они ведут себя сейчас. А

ведь самое страшное впереди. Доктор Кук? Да, этот не дрогнет. Это, пожалуй, самый крепкий из всего экипажа человек.

Амундсен спустился с палубы и подошёл к каюте доктора.

Доктор Кук, сидя за столом, что-то писал. Он вопросительно посмотрел на Амундсена.

— Я пришёл посоветоваться, доктор. Нам надо будет держать дисциплину, беречь всех, успокаивать. Вы представляете себе, что у нас будет через месяц?

— Да, представляю... Будем делать всё, что в наших силах, — сказал твёрдо доктор. — Иначе и они погибнут, а с ними и мы.

Они выразительно посмотрели друг другу в глаза, пожали друг другу руки и молча разошлись.

Прошло ещё две недели. Метели нанесли вокруг бортов корабля горы снега. Толстым слоем лежал он на палубе, забивал люки, и утром трудно было открыть двери кают.

Амундсен и доктор Кук с помощью матросов соорудили перед каждым люком защитную стенку из парусов. С карандашом в руках они высчитали, какое количество топлива имеется на корабле, распределили его по месяцам, чтобы хватило на всю зиму. Ламп на корабле было очень мало, поэтому решили освещать только кают-компанию.

Начальник экспедиции де Герлах и капитан Лекуант молча соглашались с предложениями Кука и Амундсена. Эти двое лучше знают условия полярной зимовки. Глядя на Амундсена и Кука, научные сотрудники экспедиции в первые недели тоже держались бодро и работали энергично. Неподдалёку от корабля была сделана прорубь, и ежедневно в неё опускали сетку для ловли планктона — мельчайших морских животных, ежедневно измеряли лотом глубину, брали пробы воды с разных глубин, следили за изменениями температуры воды и воздуха.

Несколько поодаль от корабля была построена будка, которую пышно называли «обсерваторией». В будке установили различные инструменты для научных работ и в строго определённые часы производили метеорологические наблюдения. Вскоре было установлено, что лёд не стоит на месте, а беспрерывно движется по воле ветра и течения.

Определили путь передвижения «Бельгики» и нанесли его на карту: он был похож на ломаную линию — корабль шёл то вперёд, то вправо, то влево, то возвращался назад.

Пока ещё было светло, Амундсен и Кук с двумя матросами ежедневно ходили на охоту и убили больше пятидесяти тюленей и много пингвинов, притащили их к кораблю и зарыли туши в снег, чтобы мясо не испортилось. Запас продовольствия заметно увеличился, и голодная смерть уже не могла угрожать экипажу.

Но тут случилась нежданная беда. Как-то за обедом, когда все сидели в кают-компании, де Герлах вдруг нагнулся над своей тарелкой и долго нюхал кусок жареного мяса.

— Что это такое? Тюлень? — резко закричал он. — Чтобы этого больше не было! Мы не собаки, чтобы есть падаль. Это мясо вредно, оно отравляет нас.

Все удивлённо переглянулись. Некоторым тюленьё мясо очень нравилось. Доктор Кук сказал:

— Позвольте! Я как медик смею уверить вас, что это мясо отлично поддержит наши силы. Что же мы будем есть, если откажемся от тюленины?

— У нас есть сушёные овощи, есть консервы.

— От консервов может появиться цинга, а спасенье от цинги — это тюленьё мясо.

— Я запрещаю готовить обед из тюленьего мяса и никому не позволю есть такую падаль! — сердито сказал начальник и вышел из кают-компаний.

— Я тоже не могу есть: противно, — сказал капитан Лекуант и отодвинул от себя тарелку.

— Да, тюленина не наша пища, — поддержали капитана Арктовский, Данко и Раковица.

Они впервые были в полярном плавании и поэтому относились к тюленьему мясу с брезгливостью и косо смотрели на норвежцев и Кука, которые с аппетитом заканчивали обед.

Доктор Кук наклонился к Амундсену и проговорил:

— Если так пойдёт дело, то, конечно, экипаж погибнет.

Амундсен молча кивнул головой.

После обеда они вышли на палубу: ночь кругом лежала непроглядная. Солнце показывалось в последние недели не более как на час в сутки.

— Что же мы теперь будем делать? — тихо спросил Кук. — Ведь такой приказ — это катастрофа.

— Пусть будет так, как хотят начальник и капитан. Мы не имеем права нарушать дисциплину. А там посмотрим.

— Надо всё-таки заставить экипаж работать. Иначе от безделья все заболеют.

— Это правильно, — согласился Амундсен.

Они прошли до кормы. Позади, в темноте, кто-то позвал:

— Доктор! Доктор, это вы?

Доктор Кук откликнулся. К нему торопливо подошёл один из матросов.

— Идите скорей, доктор, с Вильямсом что-то неблагополучно.

— А что такое? Отравился?

— Нет, собрался уходить. Буянит. Вон, смотрите, он уже вышел на палубу.

Доктор Кук и Амундсен пошли к дверям кают-компания. Там столпились матросы. Они держали за руки Вильямса, за плечами у него висела сумка, а в руках он сжимал крепкую палку.

— В чём дело? Почему вы его держите? — спросил доктор.

— Он хочет уходить.

— Как уходить? Ты куда собрался, Вильямс?

— В Бельгию. Я не буду здесь зимовать.

— Как? Пешком через льды и океаны?

— Да, пешком. А где надо, я поплыву. Я очень хорошо плаваю.

— Да, пожалуй, переплыть можно, — спокойно сказал доктор. — Но пока я тебе, друг, не советую уходить. Подожди немного: вот взойдёт солнце, и я сам составлю тебе компанию. Пойдём вместе.

Доктор взял матроса за руку и, ласково разговаривая с ним, увёл его к себе в каюту.

Амундсен и матросы остались на палубе.

— Не корабль у нас, а коробка! — сказал матрос Эмиль. — А тут ещё сумасшедший. Беда!

Амундсен в душе согласился с ним, но вслух ответил:

— Ничего, брат, держись! Главное — не теряй бодрости. Бодрость потерять — всё потерять.

— Где её набраться, бодрости? — сердито буркнул Эмиль.

Амундсен не сказал ничего. Да и что можно сказать людям, которые при первой беде становятся малодушными? Он вздохнул и спустился вниз.

Проходя мимо каюты доктора, он увидел в полуоткрытую дверь, что доктор и матрос Вильямс сидели друг перед другом, и слышал:

— Ну, вот мы и пойдём скоро...

Это сказал доктор. Матрос весело засмеялся. Должно быть, он поверил ему. Амундсен прошёл в свою каюту, в темноте разделся и лёг. Он устал от волнений этого дня. Что же будет дальше?

Амундсен — начальник

Потянулись страшные недели. Зима с каждым днём становилась суровее. Дни всё укорачивались. 15 мая в последний раз на горизонте появилось солнце и скрылось на семьдесят дней.

Семьдесят суток непрерывной ночи!

Ударили такие морозы, что на палубу нельзя было высунуть носа. И хотя чугунная печь в кают-компании была всё время раскалена докрасна, но грела она плохо. Вокруг неё сидели и лежали люди. Амундсен и Кук устроили в углу кают-компании мастерскую и с помощью нескольких матросов делали сани, шили из тюленьих шкур одежду.

Однажды матросы сказали доктору, что их товарищ Эмиль уже два дня не встаёт с койки.

Доктор бросил ножницы и вышел из кают-компаний. Минут через пять он вернулся и позвал Амундсена.

— Идите посмотрите, — сказал он вполголоса, когда они вышли в тёмный коридор. — Случилось то, что должно было случиться. У Эмиля цинга.

Они молча пошли в кубрик. Плошка с тюленьим жиром слабо освещала тесное помещение. На койке лежал Эмиль. Доктор Кук и Амундсен нагнулись над ним.

— Открой рот! — приказал доктор.

Эмиль слабо разжал челюсти. Тяжёлый запах ударил Амундсену в лицо. Дёсны у Эмиля распухли и почернели. Язык еле ворочался.

— Цинга самая настоящая, — сказал Амундсен. — Нужно свежее мясо. Будем кормить его... чтобы не знали ни капитан, ни начальник.

— Да, придётся. Готовить будем сами.

И тайно от капитана они кормили больного Эмиля тюленьим мясом.

Но прошла неделя, и цингой заболело несколько матросов. Доктор Кук вызвал всю команду на медицинский осмотр. У многих уже была первая и вторая стадия цинги: распухшие дёсны, язвочки на ногах, лоснящиеся лица серовато-бледного цвета. Кое-кто жаловался на болезнь сердца, на боли в желудке, на бессонницу. Сказывалось однообразное питание консервами.

Кук и Амундсен решили поговорить с де Герлахом.

— Положение экипажа очень серьёзное, — предупредили они, — необходимо свежее мясо, иначе все слягут и не встанут.

Де Герлах рассердился:

— Вы опять о том же?! Я запретил готовить падаль. И никаких разговоров!

Кук и Амундсен не смели спорить: слово начальника экспедиции — закон. Приходилось молчать и ждать дальнейших событий.

Не прошло и трёх суток, как Данко позвал доктора к себе в каюту.

— Посмотрите, доктор, что со мной. У меня опухли ноги.

Кук осмотрел его. Признаки цинги были явными.

— Единственное средство спасения — тюленьё мясо. Будете есть тюленя? — спросил Кук.

Данко сделал брезгливую гримасу. Кук пытался его уговорить:

— Смотрите, друг! Ваша брезгливость доведёт вас до беды. Вы вконец расстроите здоровье.

Но Данко был непреклонен:

— Нет, нет, доктор! Не говорите мне об этом!

Кук и Амундсен видели, что Данко слабеет с каждым днём. Он лежал хмурый и печальный. Сильнее всех он тосковал по родной Бельгии. Болезнь развивалась стремительно, и уже в начале июня — первого зимнего месяца — Куку стала ясно: Данко обречён на смерть.

Грустно было доктору и Амундсену стоять у постели больного и не иметь возможности ему помочь.

В середине июня Данко умер.

Навсегда осталась в памяти Амундсена картина похорон Данко. В кают-компании над покойником прочитали молитвы. Кук сказал короткую речь. Тело Данко положили в мешок, привязали к ногам чугунный груз и молча понесли с корабля на лед, чтобы там опустить в прорубь. Все, кто ещё мог ходить, пошли проводить покойника в последний путь. Ночь была чёрная, бушевала метель, и факелы пришлось защищать от ветра кусками парусины.

Плотным кольцом все столпились у проруби. Покойника подняли над

прорубью стоя и постепенно стали опускать в воду. Будто живой, уходил Данко всё ниже и ниже. Вот только контур головы виден над прорубью. Вот и голова исчезла: Данко ушёл в пучину.

Придавленные тоской и тревогой, люди молча вернулись на корабль. Похороны произвели на всех угнетающее впечатление, и многие думали: «Не за мной ли очередь?»

После похорон ещё один матрос сошёл с ума. Его помешательство было буйным, он не подпускал к себе никого, отказывался от пищи и через несколько недель умер. Этот случай ещё сильнее, чем смерть Данко, потряс всю команду. Теперь цингой болели почти все. Начальник экспедиции де Герлах и капитан Лекуант тоже похварывали и, наконец, свалились оба. Они лежали в полутёмной каюте начальника, неподвижные, как брёвна. Де Герлах быстро ослабел, и однажды, когда к нему пришёл доктор Кук, он сказал хриплым голосом:

— Позовите свидетелей, доктор. Я хочу сделать завещание.

— Завещание? — удивился Кук. — Вы малодушествуете! Не теряйте надежды.

— Перестаньте, доктор, — сердито проворчал де Герлах. — Вы видите, что я и капитан больны смертельно.

Чтобы не раздражать больного, доктор позвал Амундсена, механика Виктинга, второго штурмана Бруля, которых ещё не осилила цинга. Когда свидетели вошли в каюту, доктор плотно закрыл двери: он не хотел, чтобы кто-нибудь из команды мог узнать о том, что здесь происходит. Если сам начальник готовится к смерти, тогда весь экипаж подумает, что положение безнадежно.

Де Герлах слабым голосом начал диктовать:

«Находясь в здравом уме и твёрдой памяти...»

Доктор Кук, наклонившись над столом, записывал его слова. Измождённое бородатое лицо начальника экспедиции тянулось к столу. В глазах де Герлаха было отчаяние. На соседней койке ворочался капитан. Он тоже вытянул шею и смотрел, как пишет доктор. А три свидетеля, закутанные в куртки из мохнатых шкур, молча стояли вокруг стола. Слабый свет лампы освещал их мрачные лица.

— Я тоже хочу сделать завещание, — сказал капитан, когда де Герлах кончил диктовать.

Доктор переглянулся с Амундсеном.

— Вам-то совсем рано! — сказал доктор.

— Нет, нет. Я чувствую, смерть близка. Пишите.

Кук снова наклонился над столом, положив перед собой чистый лист

бумаги. Капитан диктовал еле слышно.

— Подпишитесь! — сказал доктор и пододвинул бумагу к Амундсену.

Амундсен расписался. За ним поставили свои подписи механик Виктинг и штурман Бруль. Всё было сделано по закону.

— А теперь... пусть команду над судном и экспедицией примет Амундсен, — сказал начальник экспедиции. — Вы не возражаете, капитан?

— Да, да. Я согласен, — подтвердил капитан.

Кук записал распоряжение в вахтенный журнал и подал его капитану и начальнику экспедиции.

Де Герлах и Лекуант расписались. Доктор подал вахтенный журнал Амундсену.

— Примите команду.

Это была ответственная минута в жизни Амундсена. Он — начальник полярной экспедиции! Но нет, он и виду не показал, что волнуется: молча расписался, и все, не говоря ни слова, вышли из каюты.

— Итак, дорогой Амундсен, дело теперь за вами, — сказал доктор, когда закрылась дверь в каюту капитана. — Надо спасти людей.

Амундсен положил руку на плечо Бруля.

— Слушайте, Бруль! Немедленно вызовите всех здоровых матросов наверх.

— Есть позвать всех здоровых наверх! — улыбаясь, проговорил Бруль и поспешно пошёл в кубрик к матросам.

На палубу поднялись только четыре матроса, Бруль и Виктинг. Все остальные были больны.

— Мы спустимся на лёд и выкопаем из снега убитых тюленей и пингвинов, — негромко сказал Амундсен. — Джемс, скажи коку, чтобы он сейчас же растопил печь. Сегодня у нас будет обед из свежего мяса.

Джемс весело откликнулся:

— Есть сказать повару, чтобы растопил печь!

Он побежал в камбуз, а три матроса, Бруль, Виктинг, доктор Кук и Амундсен, захватив лопаты и топоры, спустились на лёд. Метели нанесли вокруг корабля горы снега. Туши тюленей и пингвинов были спрятаны в снегу возле носа корабля. Амундсен шёл впереди с фонарём в руках. Остановившись у какого-то длинного сугроба, он бодро сказал:

— Приступайте. Нынче мы пообедаем на славу!

Матросы весело принялись за работу. Им помогали Амундсен и Кук. Чтобы добраться до тюленей, пришлось вырыть в снегу длинный коридор. Амундсен сам вырезал из тюленьих туш лучшие куски мяса и приказал отнести их в камбуз.

Через час был готов обильный и вкусный обед. Все, кто в состоянии был дойти или доползти до кают-компаний, сидели за столом и ели будто наперегонки: консервы так всем опротивели, что жареное тюленьё мясо казалось лакомством.

Потом доктор и Амундсен накормили тех, кто не смог прийти к столу.

И, наконец, доктор отправился в каюту капитана с блюдом, доверху наполненным мясом. Что там произошло, он не рассказал. Но назад в кают-компанию он пришёл улыбающийся — в руках у него было пустое блюдо.

Этот обед будто воскресил всех. Люди заговорили живее, громче. Было похоже, что они дождались праздника.

Прошло семь дней, и экипаж трудно было узнать: больные уже сами выходили к обеду; в кают-компаниях зазвучали громкие голоса, а иногда даже слышался смех. Лучше стали чувствовать себя и капитан и начальник экспедиции.

После ужина обычно все долго сидели в кают-компаниях, мечтая о том времени, когда подуют тёплые северные ветры, разгонят лед, и «Бельгика» сможет выйти в открытое море.

Доктор Кук — спаситель

Переломилась, наконец, страшная зима. В полуденные часы на горизонте появлялось белое пятно, предвещавшее приход солнца. С каждым днём пятно росло всё больше и больше, становилось ярче, и через какую-нибудь неделю показалось, наконец, солнышко: в первый раз оно выглянуло из-за горизонта только краешком на несколько минут и тут же скрылось. Но встречал его весь экипаж. Амундсен приказал вынести на палубу больного капитана и сумасшедшего матроса Вильямса. Все приветствовали солнце такими радостными криками, словно уже пришло спасение.

Однако Амундсен и Кук понимали, что до этого ещё далеко. На следующий день солнце поднялось выше и светило дольше. В сумерках экипаж собрался в кают-компанию, и доктор Кук сказал:

— День избавления близок. Нам нужно теперь же обследовать все льды вокруг корабля. Завтра мы пойдём посмотрим, нет ли где выхода. Может быть, «Бельгике» удастся выбраться.

Ранним утром Кук и Амундсен спустились на лёд. Заря только занималась, небо на востоке покрылось белой пеленой. Они прошли километра два, но нигде не заметили ни трещины, ни полыньи, — всё было плотно закрыто льдами. Взошло солнце, и Амундсен увидел трёх матросов, шедших им навстречу с запада. Ещё издали они кричали:

— Мы видели полынью! До неё не будет и одного километра.

И действительно, не прошли они за матросами и километра, как открылась полынья. Она была похожа на длинный язык и тянулась далеко к северу. Конец её терялся во льдах. Доктор обрадовался:

— Как раз то, что нам надо. Если судно провести сюда, мы вырвемся

из плена.

— Вряд ли, — усомнился Амундсен. — Вероятно, полынья с севера закрыта.

— А это мы сейчас проверим, — сказал доктор и пошёл к ледяной горе, высившейся справа от полыньи.

Поднявшись на неё, он посмотрел вдаль. Полынья кончалась километрах в трёх, а вдали, по горизонту, стеной поднимались большие ледяные горы. Но за ними, несомненно, был открытый океан.

За обедом доктор сказал:

— Кажется, всех нас можно поздравить с большим открытием. Мы нашли полынью. Нам необходимо как можно скорее вывести в неё корабль.

— Полынья закрыта со всех сторон, — тут же откликнулся один из матросов, который был с Амундсеном и Куком на разведке. — Всё равно в открытое море мы не попадём. Полынья не поможет.

— Вот именно через эту полынью мы и попадём в открытое море, — твёрдо сказал доктор. — Когда подойдёт весна и подуют тёплые ветры, лёд начнёт трескаться, и трещина обязательно пройдёт по самому слабому месту, то есть там, где сейчас полынья, и нам уже легко будет вывести корабль в открытый океан.

Амундсен кивнул головой.

— Доктор прав. Такие случаи в полярных экспедициях бывали не раз.

— Но как же вы проведёте корабль через лёд? До полыньи целый километр, — сказал второй штурман.

— Мы пропилим во льду канал, взорвём лёд и по каналу проведём «Бельгику».

Механик Виктинг рассмеялся:

— А где вы возьмёте такие пилы? Ведь у нас только четыре маленькие пилы и всего лишь несколько фунтов динамита.

— И с этими пилами при желании можно сделать проход. Я уверен, работа удастся.

Матросы угрюмо переглянулись. Было видно, что они не верят доктору.

— Мы замёрзнем на такой работе, — сказал Бруль. — У нас нет даже тёплых пальто.

— Зато у нас есть одеяла, — сказал Амундсен. — Сегодня же мы начнём шить из них тёплые пальто.

После обеда Амундсен отправился в трюм корабля, где в ящиках лежали толстые грубые одеяла красного цвета. Их притащили в кают-компанию. Все посмеивались, что экипаж «Бельгики» будет щеголять в

таких странных нарядах.

Один матрос, исполнявший обязанности портного, разрезал одеяла и скроил из них нечто похожее на халаты. Тут же все, не исключая Амундсена и Кука, принялись за шитьё. Кают-компания превратилась в портновскую мастерскую.

Три дня спустя на утренней заре экипаж спустился на лёд и пошёл к полынье. Это было забавное зрелище: все были одеты в красные неуклюжие халаты, а на головах торчали самодельные шапки. Доктор Кук и Амундсен провели длинную прямую черту от ближнего края полыньи к кораблю. Они показали, какой ширины должен быть канал, и матросы нехотя приступили к работе. По совету Кука они прицепили к одному концу пилы тяжёлые гири, привязав их проволокой, и этот конец спустили в воду. На другом конце пилы была укреплена длинная ручка; груз тянул пилу вниз, в воду, а двое матросов, уцепившись за ручку, поднимали пилу вверх. Так началась пропилка льда.

Доктор приказал выпилить во льду длинные треугольники, и когда обе пилы сошлись в вершине такого треугольника, Кук вырыл небольшую ямку, положил в неё динамит, провел шнур и поджёг его. Все поспешно отбежали в стороны. Раздался взрыв, и отпиленная глыба льда поплыла в полынью. Удачный взрыв ободрил всех. Матросы с большей охотой продолжали работу. В первый день они отпилили десять больших треугольников. Канал наметился сразу, — он был шириной в двадцать пять метров.

Утомлённые, но бодрые духом, матросы вернулись на корабль. Работа первого дня показала, что канал сделать можно. Значит, и спасение возможно. И теперь от желающих пилить лед не было отбоя.

Канал подвигался быстро. На четвёртой неделе прошли половину пути. Дни стали длиннее. Истомлённые долгою ночью, люди были рады свету и движению. Работали очень дружно: одни пилили лёд, другие

проталкивали его баграми по каналу в полынью. В начале девятой недели работа была окончена. Экипаж проколол вокруг корабля лёд, и поздно вечером все, усталые, но очень довольные, легли спать. Они надеялись, что на рассвете им удастся провести корабль по каналу на канатах в открытую полынью.

Рано утром Амундсен проснулся, разбуженный тревожными криками. Он поспешно поднялся наверх. На палубе собрался почти весь экипаж. Матросы что-то кричали, грозили кому-то, кого-то проклинали.

— В чём дело? — спросил Амундсен.

Матросы закричали, перебивая друг друга:

— Канал закрыт! Работали мы, работали, гнали вы нас, гнали, и всё пошло прахом.

Амундсен поднялся на мостик. Канала не было: льды сомкнулись, и небольшие кучки мелких льдин виднелись как раз там, где вчера тянулась широкая водная полоса. Вышел на палубу и доктор Кук, с ним капитан и начальник экспедиции, — все угрюмо смотрели на льды.

С запада, всё усиливаясь, дул ветер. Это он сдвинул льды, закрыл канал.

— Надежда рухнула, — мрачно сказал капитан.

— Ну нет, капитан! — живо откликнулся Кук. — Ветер отнял у нас канал, но он может и вернуть его нам. Посмотрим, что будет к вечеру.

День тянулся томительно. Мало кто выходил на палубу, — все сидели в каютах, озлобленные и мрачные. Только Амундсен и Кук, о чём-то тихо

переговариваясь, ходили по льду вокруг корабля.

Перед заходом солнца льды стали подозрительно потрескивать, задвигались, и скоро от корабля к полынье протянулась трещина. С каждой минутой она становилась всё шире и шире. Доктор торопливо вышел на палубу, зазвонил в сигнальный колокол.

Все выбежали, одеваясь на ходу, и, увидев широкую трещину, разразились радостными криками.

— Скорей, скорей! — торопил доктор.

Ещё накануне к бортам корабля были прикреплены длинные канаты. Экипаж разделился на две группы: одной командовал Амундсен, другой — Кук. Капитан стоял на мостике. Он подал сигнал, матросы потянули канаты, и корабль медленно пошёл по каналу. Через два часа он достиг полыньи и закачался на вольной воде. С корабля были спущены шлюпки; матросы и Амундсен проехали на место старой зимней стоянки, собрали все оставшиеся здесь вещи и вернулись обратно.

Этот день был большим праздником для экипажа. На трёх шлюпках матросы долго плавали вдоль берегов полыньи. Они отвыкли от вёсел и были рады поразмяться. И поразмяться с пользой: на льдах было много тюленей и пингвинов. Охотники, сидевшие на шлюпках, убили несколько животных. Сейчас уже никто не отворачивался от тюленины.

Но выхода в открытое море всё ещё не было. По-прежнему на пути «Бельгики» лежали непроходимые льды, а за ними, далеко на горизонте, ледяная стена, преграждающая выход в океан.

Прошла неделя, другая — всё оставалось без изменения. Лишь канал, по которому прошёл корабль, то плотно закрывался льдами, то открывался снова. На корабле воцарилось уныние.

Наконец, в начале сентября, подул северный тёплый ветер. Лёд стал трескаться, раздвигаться, и трещины, как и предвидел доктор Кук, проходили именно через полыню. Амундсен приказал приготовить машину, чтобы в любую минуту можно было двинуться вперед. А тёплый ветер продолжал дуть неустанно.

Однажды лёд разошёлся настолько, что корабль мог пройти из полыньи в открытое море. Тотчас же «Бельгика» быстро начала продвигаться вперёд. Она была уже совсем близко к цели, когда две огромные ледяные горы стали на её пути. Проход между ними был совсем узкий, однако Амундсен, всё ещё продолжавший командовать судном, решил рискнуть. Он ввёл судно в проход, который местами был так узок, что борта «Бельгики» касались ледяных стен. Корабль с силой продирался меж ними. Вдруг на палубе кто-то отчаянно закричал:

— Назад! Горы сдвигаются!

«А вдруг горы сомкнутся и раздавят корабль?» — подумал Амундсен. И тут же услышал резкое шуршание льдины по правому борту «Бельгики». Корабль затрещал... И в эти роковые минуты на выручку пришла опытность доктора Кука. Он быстро созвал матросов, приказал вытащить из трюма шкуры тюленей, набить их шкурами пингвинов, — получились толстые, мягкие мешки, которые тотчас же были укреплены по бортам корабля.

И как раз вовремя! Ледяные горы сдвинулись, напирая на «Бельгику». Но сейчас ей был не так страшен этот напор, потому что мешки защищали её борта. Постепенно горы отодвинулись, и корабль вышел, наконец, в бескрайний простор океана. В ледяной ловушке он пробыл тринадцать месяцев.

*

Теперь все почувствовали себя спасёнными. Опасность осталась позади! Корабль, правда, был потрёпан, но цел, и в его трюме сохранилось ещё достаточно угля для того, чтобы добраться до ближайшего порта.

Празднично украшенная флагами, «Бельгика» пошла полным ходом к северу. Свободные от работы матросы часами стояли на палубе. Амундсен с капитанского мостика смотрел на них. Грязные, небритые, измученные, они мало походили на тех бодрых, сильных людей, которые тринадцать месяцев назад вошли во льды. Страшная зима вымотала всех. Два матроса вывели под руки Вильямса: мутными глазами он неотрывно смотрел на морской простор, на волны и что-то мычал.

В штурвальной рубке слышались тревожные голоса. Амундсен вошёл туда. Капитан громко ругал второго штурмана, а тот смущённо в чём-то оправдывался.

— Что случилось? — спросил Амундсен.

Капитан сердито повернулся к нему.

— Вы испортили инструменты!

— Инструменты, должно быть, испортились от тряски, когда нас давили ледяные горы, — сказал второй штурман.

Амундсен осмотрел инструменты. Все они действительно были испорчены.

— Конечно, это неприятно, капитан, но не стоит волноваться, — сказал он. — Путь мы теперь найдём.

— На вашу ответственность! — буркнул капитан.

— Да, да, на мою ответственность.

Амундсен понимал, какой опасности подвергался корабль, идя вслепую. Но что было делать?

И он повёл корабль наугад, приказав держать курс на восток: там лежали острова Огненной Земли.

Семь дней «Бельгика» плыла в полной неизвестности. Вахтенные матросы, сменяя друг друга, наблюдали с верхушки корабельной мачты за горизонтом. Наконец на восьмой день с верхушки мачты раздался радостный крик:

— Земля!

Амундсен сейчас же взобрался на мачту. Вдали виднелось чёрное пятнышко: да, это была земля!

Через десять часов «Бельгика» подошла к неизвестному острову. Как ни гадали штурман, капитан и начальник экспедиции, но не смогли определить, что это за остров. Он представлял собой совершенно пустынную гору, на вершине которой лежали снега. Невдалеке от него встретили другой остров, с виду похожий на храм, — и все сразу узнали так называемый Церковный остров. Он был точно нанесён на карты, и теперь «Бельгика», определив своё местоположение, могла уверенно идти дальше. Путь был известен.

Ещё через неделю корабль прошёл Магелланов пролив и направился в Европу. В начале ноября 1899 года «Бельгика» вернулась в Антверпен.

Всё путешествие заняло около двух лет.

К великим целям

Целый год Амундсен прожил в Христиании, отдыхая от пережитых волнений и готовясь к экзамену на звание капитана. Он напечатал в газетах и журналах много статей об экспедиции на «Бельгике», и его имя знала теперь вся Норвегия. Поселился он в том же маленьком домике, где когда-то жил с матерью, вёл всё ту же скромную жизнь, по-прежнему много читал, и в его комнате до позднего часа горел свет.

Пришёл день экзамена. Амундсен сдал его превосходно. Теперь он сам мог вести свой будущий корабль в полярные неведомые края.

Какие задачи ставили перед собой известные полярные исследователи? Чего они добивались?

Пройти северо-западным проходом из Атлантического океана в Тихий вдоль берегов Северной Америки — вот первая из крупнейших задач. Вторая задача — побывать на Северном полюсе. Сколько отважных путешественников пыталось решить эту задачу! Последняя попытка была сделана Нансеном. Но все экспедиции кончались неудачей.

Открыть Южный полюс — вот третья задача, стоящая перед полярными исследователями.

Разрешить первую задачу — найти северо-западный проход — пытались очень многие. Пятьдесят семь экспедиций окончились безрезультатно: одни возвратились с полдороги, а другие, в том числе и экспедиция Франклина, погибли. Только пятьдесят восьмой экспедиции, возглавляемой Мак-Клором, удалось пройти вдоль северных берегов Америки. Однако задача всё же не была решена. Часть пути экспедиция прошла на корабле, а часть пешком. Водного пути не нашёл и Мак-Клор. Да и есть ли такой путь?

Амундсен был убеждён, что проход существует, и остановился именно на этой задаче — найти северный водный путь из Атлантического океана в Тихий.

Но кто поможет ему организовать такую экспедицию?

И по книгам и из своих наблюдений он знал, что экспедиции снаряжались обычно на средства богатых людей. Эти люди чаще всего сами были начальниками экспедиций. Государства давали деньги скупно, да и то только тем экспедициям, которые, кроме исследовательских и научных целей, решали ещё иные задачи: открытие новых торговых путей, поиски новых рынков сбыта и приобретение колоний.

Полярные экспедиции прямых практических целей не преследовали: мало кто мог интересоваться безжизненной мёртвой землёй. Поэтому средства на такие экспедиции ни одно государство почти не отпускало.

За время путешествия на «Бельгике» Амундсен скопил несколько тысяч крон. Довольно крупную сумму получил он за свои статьи в газетах и журналах. В общей сложности у него было десять тысяч крон.

Но это слишком мало. Нужно было, по крайней мере, пятьдесят тысяч крон. А где их взять?

Если заявить, что экспедиция ставит своей целью поиски северо-западного прохода, вряд ли этим заинтересуются. Правда, проход, если он действительно существует, будет играть важную роль для мореплавания. Однако уже пятьдесят восемь экспедиций пытались открыть этот водный путь. И неудачно!

А если объявить, что экспедиция, кроме поисков северо-западного прохода, попытается установить точное местоположение магнитного полюса и займётся изучением земного магнетизма?.. Пожалуй, газеты заинтересуются поисками загадочного блуждающего полюса, сумеют возбудить общественное мнение, и тогда, возможно, отдельные частные лица и, может быть, даже само государство поддержат экспедицию.

Дело в том, что магнитный полюс в Арктике, как установили учёные, всё время перемещается. Впервые полюс был открыт экспедицией Росса в 1831 году. Он находился тогда на полуострове Беотия-Феликс у северных берегов Америки. С тех пор прошло семьдесят лет, положение его должно было значительно измениться. Да и методы научных наблюдений, а также техника их за эти годы стали более совершенными. Результаты работ Росса следовало подвергнуть серьёзному пересмотру.

Однако у самого Амундсена не было твёрдого убеждения, что открытие магнитного полюса представляет большую научную ценность. Он обратился за советом к своим друзьям — сотрудникам

метеорологического института. Все единогласно говорили, что решение этой задачи чрезвычайно важно, только оно требует большой научной подготовки.

Прежде всего ему хотелось посоветоваться с Нансеном.

Норвегия и весь мир увлекались в то время записками Нансена о его необычайном путешествии на «Фраме» и о зимовке на Земле Франца Иосифа.

Нансен! Нансен! Вот человек, который с ранней юности был путеводной звездой Амундсена. Сколько лет Амундсен мечтал стать таким же смелым и отважным, как Нансен!

«У меня есть опыт в полярных путешествиях, есть звание капитана, я могу быть начальником экспедиции, но научных знаний у меня нет. Без этого мои будущие экспедиции не могут иметь большого значения для науки. Нансен укажет мне, что надо делать, а может быть и поможет».

С такими мыслями Амундсен отправился к Нансену. Он немного побаивался этой встречи. Как его примет знаменитый путешественник? А вдруг он высмеет его план? И тогда на поддержку нечего рассчитывать. Только... всё равно: если решение принято, идти надо.

Нансен жил тогда в Христиании. Амундсен нерешительно постучал в дверь его дома. Служанка ввела Амундсена в переднюю и попросила подождать. Смущённый, он сел возле большого стола и поглядывал исподлобья на дверь, за которой скрылась служанка. Он трусил так, как не трусил даже в минуты самой страшной опасности. Много лет спустя, вспоминая об этих минутах, Амундсен писал: «Я чувствовал себя в положении того марк-твеновского героя, который отличался таким маленьким ростом, что должен был дважды входить в двери, иначе его никто не заметил бы».

Дверь отворилась, и вошёл Нансен. Он сразу узнал Амундсена и приветливо протянул ему руку.

— Вы Амундсен? Штурман с «Бельгики»? Очень рад вас видеть!

Пристально и пытливо смотрел он прямо в лицо Амундсену.

— Чем могу служить?

— Я пришёл к вам за советом, — волнуясь, начал Амундсен. — Я снова хочу отправиться в полярные страны. Я задумал самостоятельное путешествие.

Нансен взял за руку Амундсена, и голос его потеплел:

— Очень рад помочь, чем смогу.

Он провёл Амундсена в просторный кабинет. Два широких окна выходили в сад. Комната была залита солнцем. У окна стоял широкий стол, заваленный книгами и картами. На стене висела большая карта Арктики, а под нею — серый позвонок кита. Нансен предложил гостю кресло.

— Ну, рассказывайте, каковы ваши планы.

Амундсен несмело сел. Сейчас решится судьба его замысла. И всё будет зависеть от Нансена — героя его юношеских дум. Он на минуту почувствовал себя маленьким мальчиком.

— Я понимаю... Мало быть только путешественником, — начал он робко, — надо быть и работником науки.

— Правильно, — сказал Нансен улыбаясь. — Но сначала скажите мне: куда именно вы собираетесь идти?

— В ближайшие годы я хотел бы попытаться найти северо-западный

проход...

Нансен откатнулся на спинку кресла, внимательно посмотрел на своего гостя, потом перевёл глаза на карту Арктики. Северный берег Америки был условно отмечен пунктиром: никто никогда ещё не проходил вдоль этого берега на корабле, и береговая линия не была нанесена на карту.

— Прекрасная цель, — сказал Нансен. — Для этого стоит и жить и работать.

Сердце у Амундсена радостно забилося. Смущение прошло. И он уже смелее рассказал о своём плане и обо всех приготовлениях к задуманной экспедиции.

— В течение года я буду изучать магнитный полюс, а потом попробую пройти северо-западным морским путём, — говорил он горячо.

И по мере того как Амундсен, воодушевляясь, излагал свой план, лицо Нансена преображалось. С изумлением смотрел он на своего гостя. Сам человек отважный и смелый, Нансен дважды выступал с планами, очень дерзкими по замыслу. Многие критики называли эти планы безумием. А вот он эти планы осуществил, и осуществил с таким блеском, что завоевал всемирную славу. И теперь, слушая Амундсена, он невольно увлекался широтой и грандиозностью замыслов молодого капитана. Нансен не мог сдержать своего восхищения.

— Всё, что вы задумали, превосходно! Это очень важное дело. Благородная цель. А скажите, каким образом вы рассчитываете собрать средства для этой экспедиции?

Амундсен несколько смутился.

— У меня есть немного собственных денег, и я надеюсь заработать ещё. Пока я хочу предпринять плавание в Ледовитом океане на каком-нибудь небольшом судне, чтобы научиться управлять им во льдах. Во время этого плавания я буду заниматься охотой и, может быть, добуду средства для снаряжения.

Нансен сочувственно вздохнул. Да, дорога исследователя не легка. С каким трудом приходится им сколачивать экспедиции! Газеты падки на сенсации, готовы до небес превозносить героев, победителей... Но как тяжёл путь к победам! Как нелегко даются они в руки! Кто поможет сейчас вот этому смельчаку? Общество? Государство? Нет! Они мало интересуются наукой.. А помочь Амундсену надо.

И Нансен не только одобрил замысел Амундсена, но и обещал порекомендовать его кое-кому из влиятельных лиц.

— Будем надеяться, что они помогут вам в достижении этой высокой

цели.

Со своей стороны, он обещал Амундсену всяческую помощь.

Два часа длилась беседа Амундсена с Нансеном. И когда Амундсен покидал его дом, он был уже уверен, что путь выбран им правильно и что в его планах нет ничего невозможного.

В тот же вечер Амундсен написал директору Британской обсерватории в Кью длинное письмо:

«Я намерен в ближайшие годы отправиться в полярные края с целью исследовательской. Мне хотелось бы под вашим руководством и в вашей обсерватории изучить всё, что связано с земным магнетизмом, и все методы, какими пользуются при производстве магнитных наблюдений».

В письме он рассказал о страшной зимовке за Южным полярным кругом и сожалел о том, что у него не было тогда научной подготовки. Несомненно, он мог бы дать науке новые материалы. Ведь это была первая зимовка в Антарктике.

Амундсен хотел подчеркнуть в своём письме, что он не человек с улицы, что у него уже есть достаточный опыт в полярных путешествиях и что трудности предстоящей экспедиции его не пугают.

Он ждал, что директор Британской обсерватории тут же откликнется на его письмо. «Люди науки должны помогать друг другу», — так говорил ему Нансен.

Ответ пришёл скоро. Он был вежлив и холоден:

«Обсерватория перегружена своей прямой работой. Принять вас в число практикантов, к сожалению, не имеем возможности».

Этот ответ ошеломил Амундсена. Значит, преграды не только в полярных льдах, но и здесь, в культурных странах? Но разве впервые ему встречаться с трудностями?

В тот же день он побывал у своего знакомого профессора Стена и показал ему ответ директора Британской обсерватории.

— Поезжайте в Гамбург, к Неймайеру, — посоветовал Стен. — Он заведует обсерваторией. Может быть, он поможет.

— Поможет ли? — усомнился Амундсен. — Захочет ли он уделить хоть минуту совсем неизвестному человеку?

— Всё равно попытаться надо. Я дам вам письмо к Неймайеру. Он меня немного знает.

Раздумывать было некогда, — надо было действовать. И уже неделю спустя Амундсен подъезжал к Гамбургу.

В порту Гамбурга стояли сотни судов под флагами многих стран. По набережным бродили толпы матросов.

Амундсен выбрал самую дешёвую гостиницу и в ней самый дешёвый номер. Принарядившись, он тут же отправился в Гамбургскую обсерваторию. Она находилась на другом конце огромного города. Амундсен ехал с большой тревогой: примет ли его Неймайер?

В дальнем квартале он отыскал белое здание обсерватории. С некоторой робостью он вошёл в канцелярию, подал свои рекомендации. Вскоре его провели к Неймайеру. Известный учёный принял его любезно, расспросил внимательно о планах и дал ему разрешение работать в обсерватории.

Чтобы сократить до предела свои расходы, Амундсен в тот же вечер оставил дешёвый номер в гостинице и переселился в крохотную, ещё более дешёвую комнатку на окраине Гамбурга. Он работал с утра до поздней ночи, питался очень скудно и отказывал себе во всём. Но что значат нужда и лишения для человека, который терпит их во имя великой цели?

Он раньше всех приходил в обсерваторию, позже всех уходил. А дома — только книги и книги да работа над статьями о путешествии на «Бельгике».

Прошло только пять месяцев. Амундсен мог уже самостоятельно вести магнитные и метеорологические наблюдения. Он многое узнал и, кроме того, завязал связи в учёном мире. Закончив практику у Неймайера, он поработал некоторое время в двух других обсерваториях и осенью 1900 года вернулся в Норвегию.

Плавание на «Йоа»

«Нансен одобрил мой план. Этот день я считаю началом существования моей экспедиции», — так писал Амундсен в книге «Плавание на «Йоа».

Амундсену, как он сам говорил, повезло. Ему удалось случайно купить целую библиотеку на трёх языках, в которой была собрана почти вся литература о северо-западном проходе, все карты и планы предыдущих экспедиций.

Эти книги чрезвычайно обогатили его знания и помогли ему составить стройный план своей экспедиции. Он учёл все ошибки и промахи полярных исследователей.

И он понял, что открытие северо-западного прохода может стать великим открытием для человечества.

Вот уже четыреста лет люди ищут кратчайший путь из Европы в страны Дальнего Востока и в Индию. В 1498 году Васко да Гама обогнул южную оконечность Африки. Потом корабли Магеллана пересекли Тихий океан и достигли Индии.

Так четыре века назад европейцы нашли южные пути в сказочные страны Азии. Однако пути эти были чрезвычайно длинные. Географы тех времён предполагали, что должны существовать более короткие пути: один — вдоль северных берегов Америки, так называемый северо-западный проход, а второй проход — северо-восточный — вдоль северных берегов Европы и Азии.

Поколения мореплавателей старались отыскать эти кратчайшие пути. Особенно много таких поисковых экспедиций направлялось вдоль приполярного побережья Северной Америки. И — увы! — они не дали

никаких положительных результатов. Большинство экспедиций погибло.

На поиски погибшей в 1845-1846 годах экспедиции Франклина в последующие тридцать лет было снаряжено свыше сорока английских полярных экспедиций. Попутно они искали северо-западный проход. Но ни одной из них не удалось пройти морским путём от океана до океана. Изучая отчёты, планы и карты этих экспедиций, Амундсен пришёл к выводу, что их неудачи коренятся в трёх ошибках: во-первых, они отправлялись в плавание на больших кораблях, которые или застревали во льдах, или садились на мель; во-вторых, экспедиции состояли из очень большого числа участников, для которых требовалась масса продовольствия и снаряжения, — в экспедиции Франклина, например, участвовало сто тридцать четыре человека, и они погибли все до одного. И, наконец, в-третьих, все экспедиции, соблазнённые открытой водой некоторых проливов, как, например, пролива Смита, забирались слишком далеко на север, блуждали меж бесчисленных островов и попадали в ледовые оковы.

Амундсен решил избежать всех этих ошибок: во-первых, он возьмёт маленькое судно с небольшой осадкой, во-вторых, максимально ограничит состав участников экспедиции и, в-третьих, — самое главное! — будет искать проход не в высоких широтах, а значительно южнее.

В снаряжении экспедиции очень помог Нансен: он детально ознакомился с планом Амундсена и дал ему много ценных практических советов, одобрил приобретённые им научные приборы и аппараты. Настойчивость и зрелость мыслей молодого Амундсена всё более покоряли Нансена.

В поисках подходящего судна Амундсен объездил много портов и верфей. Его выбор пал на небольшую яхту «Йоа», приписанную к порту Тромсе. Яхта водоизмещением в сорок семь тонн была старая, постройки 1872 года. Лет двадцать она ходила на рыбные промыслы у берегов Норвегии и на тюленьи промыслы в полярных водах. Амундсен тщательно осмотрел её, испытал на ходу. Судёнышко было вполне подходящее, оно хорошо сохранилось и отличалось хорошими мореходными качествами.

— Вот только старовата яхта, — осторожно предупредил продавец покупателя.

— Ничего! Она того же возраста, как и я, — засмеялся Амундсен.

Купив яхту, он решил испытать её в полярных льдах и перед поездкой снова побывал у Нансена.

— Ну что? Сговорились с кем-нибудь из промышленников? Идёте в плавание? — спросил Нансен.

— Нет, я решил не откладывать дела и купил себе яхту. Хочу пойти на ней в промысловое плавание в Ледовитый океан. Весну и лето мы будем бить тюленя, ловить рыбу, а доход от промысла пойдёт на подготовку экспедиции.

— Это прекрасно! — воскликнул Нансен. — Вот именно так и надо действовать: решительно!

Он посоветовал Амундсену заняться по пути океанографическими исследованиями, составил примерную программу работ и дал ему некоторые инструменты.

— Если вы хорошо проделаете эту работу, вашей экспедицией заинтересуются научные общества и, может быть, в дальнейшем окажут вам материальную помощь.

Весну 1901 года Амундсен плавал на «Йоа» между Гренландией и Шпицбергом, охотился на тюленей и одновременно вёл работы по плану Нансена. Во время плавания он изучил достоинства и недостатки яхты и увидел, что она требует кое-каких улучшений. По возвращении из плавания он поставил яхту на верфь в Тромсе, где было сделано всё нужное. Он торопил строителей, иногда сам брался за инструменты и работал как простой плотник.

В мае 1901 года яхту перевели из Тромсе в Тронхем. Здесь были произведены все металлические работы: отремонтирован мотор яхты мощностью в тринадцать лошадиных сил, заготовлены бидоны для горючего и однотипные металлические ящики для продовольствия. Каждый ящик был обшит деревом. Бидоны и ящики укладывались в трюм яхты так плотно, как кубики в коробку, Амундсен следил, чтобы не пропадало ни одного сантиметра площади.

Между тем пора уже было закупать снаряжение и продовольствие. Своих денег у Амундсена хватило только на покупку инструментов и яхты, а где взять деньги на другие расходы?

Надежды Нансена на то, что океанографические наблюдения дадут Амундсену возможность рассчитывать на материальную помощь научных организаций, не оправдались.

«Мне ничего не оставалось, как пойти странствовать от одного лица к другому, кто так или иначе мог заинтересоваться моим предприятием и мог мне помочь», — писал Амундсен в своей книге «Плавание на «Йоа».

Он занимал деньги всюду, где только удавалось. Три коммерсанта из города Хальдена дали ему займы тридцать тысяч крон. По тем временам это была огромная сумма. Немного денег получил Амундсен от своей старой тётки Улавы Кристенсен, уверенной в том, что её племянник Руал

будет замечательным человеком.

Амундсен купил пятилетний запас продовольствия, двадцать тысяч литров горючего, отличное снаряжение, одежду, обувь. Закупил он также различные товары для обменной торговли с эскимосами: с ними он рассчитывал встречаться на пути своих поисков вдоль будущей трассы Атлантика — Тихий океан.

Всё было перевезено на «Йоа», упаковано и уложено в трюм. Но денег на полную расплату не хватило. Амундсен умел отказать себе во всём и считать каждый грош, но отказывать экспедиции он не мог. Деньги, полученные от коммерсантов города Хальдена и от тётки Улавы, разошлись быстро. Пришлось занимать у разных лиц мелкими суммами под краткосрочные векселя. Случалось, что ему грубо, иногда даже оскорбительно отказывали. Он стойко переносил и отказы и оскорбления... во имя своей великой цели.

Трудно было подобрать участников экспедиции. Почти целый год искал Амундсен шестерых товарищей, на которых мог вполне положиться. Своим помощником он избрал лейтенанта датского флота Готфрида Хансена, совершившего уже не одно плавание в северных водах. Хансен был навигатором, астрономом, геологом и фотографом.

Первым штурманом был приглашён Антон Лунд, много лет плававший на зверобойных судах в должности шкипера и гарпунёра, первым машинистом и метеорологом — Педер Ристведт, вторым штурманом — Хельмер Хансен, вторым машинистом и магнитологом был Густав Юль Вик и, наконец, обязанности кока были поручены Адольфу Линдстрему, который, как потом оказалось, был мастер на все руки.

Все они были люди опытные, смелые, не боявшиеся поставить на карту свою жизнь, когда дело шло о достойной цели. Самому старшему из них, Лунду, было тридцать девять лет, самому младшему, Густаву Юлю Вику, — двадцать пять. Они верили в успех экспедиции и принимали самое деятельное участие в её подготовке. За месяц до отплытия они переселились на яхту и жили тесной, дружной семьёй, каждый час готовые в путь.

За несколько дней до отплытия «Йоа» из Христиании на яхту пришёл Хансен. Амундсен в это время был в городе. Хансен внимательно осмотрел яхту, снаряжение, поговорил с участниками экспедиции и убедился, что всё подготовлено великолепно. Прощаясь, он сказал штурману:

— Передайте Амундсену: он может выходить в море.

Амундсен пришёл в восторг, когда узнал об этом напутствии Хансена. Значит, можно не откладывать выхода ни на один день. Скоро в путь!

Но тут стряслась беда.

Кто-то пустил слух о том, что Амундсен затеял безумное дело. Как можно решиться искать северо-западный проход на такой маленькой старой яхте, если даже большие корабли там погибали? Это даже не безумие, а авантюра. Четыреста лет люди с большими средствами, опытнейшие полярники ищут этот путь и не могут его найти. Куда же лезть бедняку Амундсену?! Это явная авантюра! И удивительно, что нашлись глупцы, которые ему поверили. Нищий Амундсен надавал им краткосрочных векселей, по которым и не собирается платить. Ведь он уходит в море на своей скорлупе не на три-четыре месяца, а на годы. А кто же будет платить по векселям?

Кредиторы Амундсена заволновались. Кое-кто из них потребовал вернуть им деньги. Амундсен пытался убедить недоверчивых кредиторов в успехе экспедиции. Ему не верили. Особенно нападал на него торговец консервами.

— Если вы не вернёте мне деньги, я наложу арест на вашу яхту, — заявил он Амундсену.

Амундсен был вне себя: экспедиция была накануне краха. Столько хлопот, столько волнений — и всё напрасно! Он пытался найти какой-нибудь выход. За эти немногие дни он похудел, не спал по ночам, но ничего не мог придумать. А торговец упрямо стоял на своём. Наконец он сказал решительно:

— Если через сутки вы со мной не расплатитесь, я заявляю полиции, и вас арестуют как мошенника!

Амундсен понял, что настала решительная минута. Торговец консервами по-своему был прав. Денег на расплату не было и не предвиделось. Амундсен тотчас созвал своих товарищей и сказал им прямо:

— Положение серьёзное: либо мы сегодня же тайно уйдём из Христиании, либо завтра у нас отберут яхту. Согласны ли вы ехать немедленно?

— Конечно, согласны! — ответили они не задумываясь.

— Тогда в полночь мы выйдем в море. И об этом никому ни слова!

Этот разговор произошёл вечером 16 июня 1903 года, за несколько часов до бегства.

Наступила ночь, пошёл сильный дождь. Улицы и порт опустели. Провожать яхту пришло несколько человек — самые близкие родные и друзья. Проводы были короткими. Яхта тихо отчалила и пошла за буксиром по фиорду. Все семеро участников были настроены радостно и смеялись,

представляя себе, как завтра утром торговец консервами явится в порт, чтобы наложить арест на яхту, а яхта будет уже далеко в море. Особенно радовался сам Амундсен. Впоследствии он писал:

«Всё было заранее приготовлено к морскому переходу, и мы сейчас же приступили к своим постоянным обязанностям. Как чудесно: никакого беспокойства, никаких надоедливых кредиторов, никаких скучных людей с дурными предсказаниями или даже с подозрительными улыбками! Только мы на яхте — семеро веселых и счастливых людей. Со светлой надеждой и твёрдой верой мы шли навстречу нашему будущему. Мир, так долго казавшийся мне темным и мрачным, встал передо мной полный бодрости и интереса».

Путь, полный опасностей

В течение восьми недель яхта шла Атлантическим океаном до Баффинова залива. Зайдя в бухту Годхавн, на острове Диско, у западного берега Гренландии, Амундсен купил двадцать собак и направился к северу вдоль западного берега Гренландии, «Йоа» шла к поселению Делримпл, куда шотландские китоловные суда уже доставили Амундсену дополнительный запас продовольствия и горючего вместо истраченного во время перехода через Атлантический океан.

Первые полярные льды «Йоа» встретила в Мельвильской бухте. Несколько дней яхта дрейфовала во льдах, подвергаясь большой опасности. Между прочим, именно в этих широтах когда-то погибло несколько экспедиций, искавших северо-западный проход. Льды были серьёзные, но «Йоа» с честью выдержала первое испытание, хотя была перегружена сверх всякой меры и глубоко сидела в воде. Ящики с продовольствием лежали не только в трюме, но и прямо на палубе. Амундсен, смеясь, сравнивал свою яхту с возом, нагруженным мебелью:

— Переезжаем с квартиры на квартиру. Захватили с собой всё, что могли.

Заботиться о внешнем виде яхты, конечно, не приходилось. Предстоял долгий и опасный путь. Он был рассчитан на пять лет, но никто не знал, сколько времени придётся действительно пробыть в полярных странах. Да, несомненно, у кредиторов с краткосрочными векселями Амундсена были все основания для волнений.

К середине августа яхта вошла в Ланкастерский пролив и достигла острова Бичи. Дальше на север не заходило ещё ни одно судно. Остров

Бичи представлял собой чёрную базальтовую скалу с огромными вековыми ледниками на вершине.

Яхта вошла в большую бухту, пришвартовалась и стояла здесь целую неделю. Амундсен и его спутники произвели самые тщательные магнитные наблюдения и определили, в каком направлении находится магнитный полюс: он лежал дальше — к западу от них.

Путь на запад шёл мимо множества мелких островов. Эти места были совсем не исследованы. Яхта должна была идти как бы ощупью.

Чтобы не попасть на подводные скалы и мели, Амундсен приказал вести непрерывное наблюдение за глубиной моря. И тут подчас обнаруживалась такая странность: с одной стороны яхты лот уходил на большую глубину, а с другой — из воды высывались изгрызенные волнами чёрные камни. Большую часть этого опасного пути Амундсен сам находился в наблюдательной бочке и оттуда руководил движением яхты.

Однажды в проливе разыгрался шторм. Страшный северный ветер крепчал с каждой минутой и перешёл в ураган с дождём. Большая волна подхватила яхту и понесла её на скалы. Судно ударилось о камни. Собаки визжали и выли от страха.

Нужно было немедленно ставить паруса. Волны бросали яхту из стороны в сторону, заливали палубу, яхта скрипела под их ударами, ветер вырывал из рук снасти, но экипаж работал изо всех сил и в конце концов поставил

паруса.

Однако ветер и высокие крутые волны поднимали судно и снова бросали его на камни. Фальшкиль (брус под килем) разлетелся на мелкие щепки и всплыл. Ничего не оставалось делать, как только наблюдать за ходом событий и ждать, чем это кончится.

Сжав зубы, Амундсен стоял на вантах и горько упрекал себя за то, что забыл основное правило полярников: «Арктика коварна. Не верь ей ни на мгновение». А он забыл или, может быть, не успел в самом начале бури послать вахтенного в наблюдательную бочку: вахтенный заранее заметил бы скалы и предупредил об опасности. Неужели судно разобьётся и экспедиция кончится так же бесславно, как и все другие?

А мель, на которую несло яхту, становилась всё яснее; уже видно было, как разбивается об её край волна. Паруса натянулись, как кожа на барабане. Вся яхта дрожала. Гибель казалась неминуемой. Амундсен спустился на палубу и приказал:

— Приготовить лодку! Грузите провиант, оружие и патроны.

Тут Лунд, стоявший недалеко, крикнул:

— А не рискнуть ли последним средством: не бросить ли в море весь палубный груз?

Это было тайным желанием самого Амундсена, но он боялся его высказать вслух. В ящиках заключалось продовольствие, а продовольствие в тех местах — сама жизнь. Однако раздумывать было некогда. И груз полетел за борт. Ящики были тяжёлые — по двести килограммов весом; но откуда только взялись силы — ящики летели в воду, будто лёгкие тюки сена.

Оставалось не более двадцати метров до самого мелкого места. Пена и брызги покрывали судно, мачта шаталась. Большая волна высоко подняла яхту и швырнула на голые камни. Удар следовал за ударом. Да, это был конец. Собаки дико завывали. Вдруг высокий вал снова поднял яхту, она соскользнула с камней и свободно закачалась на вольной воде.

Амундсен быстро взобрался в бочку, — нельзя терять ни минуты, надо было найти путь среди многочисленных мелей, тесным кольцом окружавших яхту. У руля стоял спокойный, безмолвный лейтенант Хансен. Даже буря не вывела его из равновесия. Но сейчас он испуганно закричал:

— Судно не слушается руля!

Амундсен окаменел: значит, игра всё-таки проиграна? Прошла минута, судно снова ударилось о какой-то подводный камень, и... лейтенант Хансен радостно крикнул:

— Руль снова в порядке!..

Случилось нечто удивительное и мало правдоподобное: от первых толчков крючья руля выскочили из петель, а при последнем ударе они снова встали на своё место. Лейтенант Хансен твёрдой рукой переложил руль, и яхта отошла от мелей.

Всех охватило такое ликование, какого ещё не бывало на яхте. Люди обнимали друг друга, смеялись, пели и приплясывали. Собаки снова зашныряли по яхте, подняли грызню. Шторм прекратился только на пятые сутки, и яхта уже по спокойной воде двинулась дальше на запад. Однако через несколько дней снова разыгралась буря. Пришлось бросить якоря и, чтобы противостоять ветру, пустить мотор. Опять всё кругом закипело; волны перекатывались через палубу, а брызги достигали верхушки мачты. Амундсену казалось, что шторм вот-вот швырнёт яхту на берег; он уже выбирал мысленно, куда удобнее выброситься. Но и на этот раз, хотя буря продолжалась четверо суток, всё обошлось благополучно — цепи и якоря выдержали. Яхта была спасена.

Вскоре произошёл ещё один случай, едва не погубивший экспедицию.

Небольшое машинное отделение яхты, где стоял мотор, было переполнено бидонами с горючим. Однажды машинист сказал Амундсену, что один из бидонов немного течёт. Серьёзного пока ничего не было, но если течь не остановится, то маленькое помещение наполнится горючими газами и может вспыхнуть пожар.

Амундсен спустился в машинное отделение, понюхал воздух, пропитанный запахом бензина, и приказал машинисту перекачать горючее из повреждённого бидона в другой. Вечером яхта стояла на якоре у небольшого острова. Амундсен сидел в каюте и писал дневник, что аккуратно делал каждый вечер. Вдруг на палубе раздался страшный крик: «Пожар!» Все бросились наверх. Столб пламени выбивался из машинного отделения. Амундсен и его товарищи бросились заливать пламя, прикрыли люк в машинное отделение, завалили его ящиком, чтобы прекратить воздуху доступ, и пожар был потушен.

Так в борьбе с опасностями и случайностями, с бурями и туманом, осторожно пробираясь вперёд между мелями и скалами, проскальзывая между льдами, яхта двигалась всё дальше и дальше на запад.

9 сентября «Йоа» подошла к Земле короля Вильямса. Один из проливов, ведущих дальше на запад, а именно пролив Симпсона, был совсем свободен от льда. И Амундсену и всем членам экспедиции показалось, что северо-западный проход открыт. Ведь самые трудные места уже пройдены. Если плыть дальше, то, может быть, яхта беспрепятственно выйдет к мысу Барроу. Однако целью экспедиции было не только открыть северо-западный проход. Не менее важную задачу представляло изучение магнитного полюса. А по последним магнитным наблюдениям экспедиции было установлено, что магнитный полюс находится не далее как в ста милях к северо-востоку. Приходилось остановиться на зимовку именно здесь, недалеко от магнитного полюса. К тому же подходила зима. Дни становились всё короче и короче, с севера дули ледяные ветры. И, посоветовавшись с товарищами, Амундсен решил стать на зимовку.

В поисках места стоянки яхта вошла в бухту Патерсон и пошла вдоль берега. Лейтенант Хансен, нёсший вахту в наблюдательной бочке, вдруг закричал:

— Вижу замечательную бухточку. Лучше не сыщешь! Чудесная бухта!

Амундсен быстро взобрался к нему. Да, вдали виднелась маленькая гавань, закрытая от всех ветров. В неё вёл неширокий проход. Тотчас же спустили шлюпку, и Амундсен с двумя товарищами двинулись на разведку. Проход в гавань был глубокий, но узкий, и большие, опасные льдины сюда не могли проникнуть. Маленькая, похожая на чашу гавань действительно

была очень удобна для стоянки. Никакие бури не были здесь страшны: с востока и запада поднимались высокие берега, а южный берег был пологий и удобный для того, чтобы поставить там домики для жилья и для научных приборов. На берегу виднелось много оленьих следов — это обещало хорошую охоту. О пресной воде можно было не беспокоиться — сюда стекало несколько быстрых ручьёв.

На следующий день Лунд, Хансен и Ристведт отправились на берег знакомиться с окрестностями. Они видели целые стада оленей, большие стаи гусей и других птиц.

Лучшей гавани не стоило искать.

— Здесь мы и перезимуем, — решил Амундсен.

И с ним все согласились.

12 сентября яхта вошла в гавань, названную впоследствии бухтой Йоа.

Всё складывалось так хорошо, что и Амундсен и его друзья были полны бодрости и самых светлых надежд.

Две зимовки

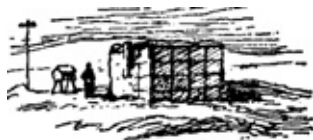

Яхта подошла к высокому берегу почти вплотную и остановилась, как у пристани. Её крепко пришвартовали тросами и в первую очередь переправили на берег собак. Они очень надоели всем за время перехода: постоянно дрались, выли, шныряли по палубе, по ящикам, лезли в каюты, в камбуз, загрязняли яхту. На берегу собак привязали длинными верёвками к кольям. Затем с яхты на берег была устроена «подвесная дорога»: от мачты к большому камню протянули трос и по нему на блоке начали переправлять ящики с провиантом и снаряжением.

Пятеро товарищей вытаскивали ящики из трюма, подвешивали их за крючья на блок и отправляли на берег. Амундсен и Ристведт принимали ящики, осторожно сбивали с них деревянную обшивку и тщательно укладывали в аккуратные штабеля. Деревянная обшивка должна была служить материалом для различных построек.

Четыре дня с раннего утра до тёмного вечера шла разгрузка яхты. Путешественники спешили закончить работу до наступления сильных морозов. А зима уже надвигалась. Ежедневно шёл снег. Надо было успеть построить на берегу помещение для обсерватории и запастись свежей провизией на зиму.

Амундсен разделил весь экипаж на две партии: на партию строителей и партию охотников. Два самых страстных охотника — Лунд и Хельмер Хансен — отправились в шлюпке на остров Эта, где паслись большие стада оленей. Остальные принялись за постройку домиков.

В первую очередь начали строить небольшой домик для магнитных наблюдений. Амундсен и Вик осмотрели тщательно все доски от ящиков, из которых строился домик, проверили, нет ли в досках железных гвоздей. Железные гвозди могли оказать влияние на саморегистрирующие приборы, и тогда наблюдения были бы записаны неправильно. При постройке домика с приборами для магнитных записей употреблялись только медные гвозди.

Домик строили на склоне горы. Амундсен с помощью лейтенанта Хансена сделал фундамент из камней, а стенами служили ящики, наполненные песком. Крышу покрыли досками и брезентом. Изнутри и снаружи стены были обиты толем, а вокруг домика провели ров, чтобы вода не могла проникнуть внутрь. Всю эту трудную работу Амундсен выполнил сам с помощью Хансена: такое важное значение придавал он будущим магнитным наблюдениям.

Другие товарищи строили жилой дом для Ристведта и Вика, которые должны были переселиться с яхты на берег. Затем совместными усилиями начали готовить яхту к зимовке: вставили двойные рамы в световые люки, поместили в каютах керосиновые печи, наладили вентиляцию.

Всем приятно было после трудового дня вернуться в тёплые, светлые каюты и с книжкой в руках улечься в уютную постель.

К довершению общего благополучия охотники вернулись с богатой добычей — они привезли двадцать оленей и много гусей. Мясо оленей разрезали на куски и развесили на вантах — было уже так холодно, что мясо не портилось.

Для сохранения тепла яхту укрыли снаружи брезентом, а затем, когда пошёл снег, завалили снегом. К началу октября все приготовления к зимовке были закончены. Зима наступила скоро. Завыли метели, гавань покрылась толстым льдом, замёрз и пролив. Через пролив с севера на юг направлялись по льду стада оленей.

Как-то утром Амундсен вышел на палубу и с удивлением увидел, что большое стадо оленей, голов в пятьдесят, подошло к самому магнитному домику. Он крикнул об этом охотникам, и те, полураздетые, бросились с яхты на лёд, на ходу заряжая ружья. Олени, никогда, вероятно, не видевшие человека, всё ещё бродили близ домика. Охотники стали подкрадываться к ним, прячась за льдины, за камни, за снежные бугры. Но олени спокойно и даже с видимым интересом следили за приближением людей. Стоя на борту

яхты, Амундсен и его друзья не сводили глаз с этой необычайной картины.

Грянуло три выстрела. Олени бросились врассыпную. Вслед за первым залпом раздалось ещё несколько выстрелов. Стадо скрылось за холмами. А шесть оленей остались лежать на снегу. Богатая добыча сама пришла к зимовщикам.

Амундсен очень удивился тому, что именно в этих же местах погибла от голода и холода экспедиция Франклина. Недалеко от места стоянки яхты находилась так называемая Бухта голода. И теперь, обследовав всю местность, Амундсен видел, как много здесь можно добыть пищи: олени, птица, рыба — всего в изобилии. Франклинская экспедиция, должно быть, пришла сюда в то время, когда всё было занесено снегом, а путешественники, утомлённые переходом, изнурённые болезнями, безнадежно глядели на мир. Между тем жизнь на этих, казалось бы, пустынных берегах не замирала ни осенью, ни зимой, ни, тем более, летом.

Эскимосы — соседи

Однажды Амундсен стоял на палубе с двумя товарищами. Вдруг один из них воскликнул: «Олень!» — и указал на чёрное пятнышко, которое виднелось на склоне горы. Но другой товарищ рассмеялся:

— Олень этот на двух ногах.

— Как на двух? — удивился Амундсен.

— Это человек, а не олень.

Амундсен поднял бинокль к глазам: в самом деле, по склону горы к бухте шёл человек, закутанный в звериные шкуры; потом из-за гребня горы показалось ещё четыре человека, вооружённых копьями и стрелами. Они быстро шли к стоянке.

— Пожалуй, эти дикари могут нам причинить неприятности, — сказал Амундсен. — Намерения у них, видно, воинственные. А ну-ка, друзья, давайте вооружимся.

Два товарища Амундсена быстро спустились в каюту и вышли оттуда с ружьями. И Амундсену принесли ружьё. Втроём они двинулись навстречу незнакомцам. Остальные четверо оставались на яхте и на берегу. Никто не знал, кто эти люди: друзья или враги.

— Это эскимосы, — сказал один из участников экспедиции, глядя на приближающиеся фигуры. — Что они могут сделать со своими стрелами?

Два маленьких отряда медленно сходились. На расстоянии тридцати шагов друг от друга они остановились. Эскимосы держали свои луки и стрелы наготове. Амундсену не хотелось нарушать мир. Он обернулся к своим товарищам и сказал:

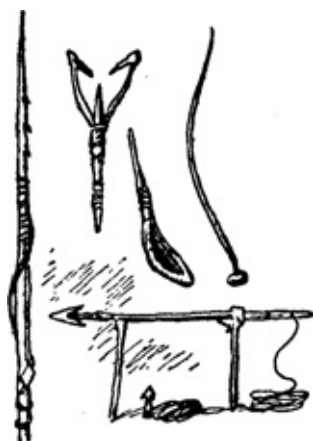
— Давайте-ка положим ружья. Пусть они увидят, что мы не хотим сражаться.

И все трое бросили ружья в сторону. Амундсен крикнул: «Микимо!» — единственное эскимосское слово, которое он знал. Это было приветствие. Эскимосы тотчас бросили свои луки и стрелы в сторону, быстро подошли к незнакомым людям, протянули им руки, засмеялись и заговорили, хотя и не понимали друг друга.

Норвежцы старались показать, что никаких злых намерений у них нет. И эскимосы это поняли. Амундсен повёл гостей к стоянке, пригласил на яхту, угостил их мясом и шоколадом. Дружба была заключена.

Амундсен показал эскимосам топоры, ножи, пилы. В этих местах не только металл, но даже дерево встречается очень редко. Своё оружие эскимосы делали из костей морских животных: луки их были из рёбер кита. С удивлением и даже некоторым ужасом смотрели они, как Амундсен стальной пилой пилил дерево и топором рубил доски. Всё это было для них совершенно неизвестным.

Когда все вышли на палубу, Амундсен взял ружьё и выстрелил. Эскимосы упали на палубу лицом вниз. Амундсен подошёл к ним, поднял каждого по очереди, успокоил, обласкал и подарил им ножи, иголки и другие мелочи.

Эскимосы понемногу пришли в себя и знаками начали просить, чтобы могущественные гости разрешили прийти сюда всем племенем и поселиться около них. Амундсен посоветовался со своими спутниками и согласился. Обрадованные эскимосы удалились, а два дня спустя в полукилометре от стоянки выросло уже целое селение в пятьдесят эскимосских «иглу» — хижин, сделанных из снега и льда. Всего пришло человек двести мужчин, женщин и детей.

Девятнадцать месяцев подряд Амундсен и его спутники прожили бок о бок с эскимосами. Перед взорами европейцев впервые раскрылась жизнь

этих самых северных обитателей мира.

Эскимосы! Человечество имело о них только смутные, отрывочные, иногда даже фантастические сведения. Что это за народ? Как он живёт? Каковы его духовные интересы?

И вот теперь перед Амундсеном и его товарищами развёртывалась картина жизни этого таинственного народа. Амундсен подолгу гостил в снежных хижинах эскимосов, ездил с ними на охоту и на рыбную ловлю, бывал на их праздниках, пользовался их помощью при различных работах и так хорошо изучил язык эскимосов, что свободно с ними объяснялся.

В те первые дни, когда эскимосы только что поселились вблизи зимовки, Амундсен немного опасался: а вдруг им взбредёт что-нибудь в голову? А вдруг они нападут на экспедицию и отнимут запасы продовольствия, тем более, что, как знал Амундсен, эскимосам нередко приходится голодать. Норвежцев только семеро, эскимосов же было более двухсот, а потом подошли ещё новые группы эскимосов, — образовался большой лагерь.

Амундсен на всякий случай решил прибегнуть к хитрости: внушить дикарям уважение и страх к белому человеку. Как и многие люди, воспитанные в буржуазном обществе, Амундсен считал эскимосов не только людьми, стоящими на более низкой ступени культурного развития, но и людьми низшей расы. Поэтому и отношение к ним было покровительственное и пренебрежительное. Амундсен считал их людьми неполноценными, и вряд ли тогда ему пришло бы в голову представить себе, что эскимос, получив образование, мог стать капитаном, инженером, врачом, учёным.

Вместе с лейтенантом Хансеном он построил вдали от яхты небольшую снежную хижину. Под этой снежной хижинкой была заложена мина, и Хансен провёл от хижинки к яхте электрические провода, старательно замаскировав их снегом.

Когда всё было готово, Амундсен пригласил на судно эскимосов. Пришло почти двести человек. Амундсен, как только мог, объяснил им, что белые люди очень могущественны и что они могут сделать всё, что угодно.

— Мы можем разрушить всё на далёком расстоянии. И вообще можем производить самые необыкновенные вещи. Эскимосы должны относиться к белым людям с уважением. Им нельзя причинять никакого вреда. Белые люди могут строго наказать эскимосов. Вот, например, видите снежную хижинку? Смотрите, как она далеко от меня, но я скажу одно слово, и сейчас же она поднимется на воздух и разлетится на куски.

Он повторил это хвастливое внушение несколько раз, пока не убедился, что все его поняли. И, с удовлетворением отметив на некоторых лицах недоверие, Амундсен поднял и опустил руку.

Хансен тут же незаметно соединил провода, и снежная хижина с грохотом разлетелась в куски. Снежное облако вместе с огнём высоко поднялось вверх.

Многие эскимосы в ужасе упали на палубу. Кое-кто побежал прочь с корабля, а некоторые не могли даже ползти — от страха у них отнялись руки и ноги.

Однако все эти меры предосторожности были совершенно излишни. Наивные и доверчивые эскимосы относились к Амундсену не только с уважением, но и с суеверным страхом. Почти никто из них не видел белых людей, но кое-что о белых людях они слышали. Семьдесят пять лет назад их деды встречались с Джемсом Россом, который проходил в этих местах. Ножи, топоры, ружья, сани казались тогда эскимосам вещами сказочными. И о Джемсе Россе сохранились в памяти северного народа предания как о могущественном белом волшебнике. А сейчас они сами увидели белых людей, услышали страшные выстрелы из ружей, особенно сильное

впечатление произвёл взрыв снежной хижины.

И долгое время после этого они с трепетом встречались с Амундсеном.

Длительное общение с эскимосами было настоящим кладом для антрополога и этнографа, а в планы экспедиции как раз и входили работы по антропологии и этнографии. Перед отъездом из Норвегии Амундсен накупил массу дешёвых товаров для меновой торговли: ножи, иголки, гвозди, топоры, женские украшения. Теперь всё это было пущено в оборот. В обмен на предметы домашнего и охотничьего быта эскимосы охотно отдавали Амундсену за нож или иголку самую разнообразную одежду: мужскую, женскую, детскую, любое оружие, рыболовные снасти, разную домашнюю утварь. Всякая мелочь, сделанная из металла или дерева, казалась им драгоценностью. Даже за пустые консервные банки они давали целые костюмы. В своих записках Амундсен рассказывает о том, как однажды ему удалось за пустую консервную банку получить два женских костюма, сделанных с большим вкусом из белых и чёрных оленьих шкур.

В течение всей зимы Амундсен внимательно изучал способы эскимосской охоты, их снаряжение. Его интересовало многое: какая упаковка лучше всего переносит перевозку грузов по торосистому льду, какие ремни или верёвки меньше всего соблазняют голодных собак, какие лыжи наиболее пригодны для путешествия по ледяному насту, какая обувь лучше предохраняет ноги от ранений при ходьбе по неровному льду и снегу.

Присматриваясь к эскимосам на охоте, Амундсен поражался той ловкости, с какой они разделявали убитых животных, выгибали или обрабатывали кости, чтобы смастерить луки, стрелы, швейные иглы, ножи.

Среди зимы с ближних островов начали прибывать новые группы эскимосов. Они предлагали Амундсену песцовые и оленьи шкуры — за один охотничий нож из шведской стали они давали по двенадцати великолепных песцов, и Амундсен обменивал грошовые вещи на

драгоценные меха. С точки зрения цивилизованного европейца обман при таких обстоятельствах был естественным.

Наступила длинная трёхмесячная ночь. Чтобы несколько разнообразить свою жизнь, члены экспедиции время от времени устраивали праздники, в которых принимали участие и эскимосы. При свете луны или северного сияния они стреляли в цель, бегали взапуски на лыжах. Лучшему бегуну и стрелку давали в награду какой-нибудь металлический предмет. Эскимосы радовались подарку, а если приз получал норвежец, то он тут же обменивал грошовый приз на драгоценный мех.

А научная работа не прекращалась ни на день.

В обсерватории неустанно действовали самозаписывающие аппараты-регистраторы. Ежедневно в двенадцать часов магнитолог Вик менял в приборе ленту. Зимой, когда температура падала до минус 60 градусов, эта операция была очень тяжёлой: в пургу и в метель, в крошечной тьме приходилось лопатой прокладывать дорогу в обсерваторию сквозь высокие сугробы. Дважды в сутки Ристведт производил метеорологические наблюдения. Лейтенант Хансен аккуратно выполнял обязанности астронома, картографа, фотографа. Он собирал геологические коллекции, делал гидрологические наблюдения. Особого павильона для астрономических наблюдений у экспедиции не было, и лейтенант Хансен устраивался со своими инструментами прямо на воздухе, где-нибудь за стеной жилого домика. Разумеется, при температуре в 60 градусов мороза это было не работой, а подвигом.

Лунд и Хансен занимались хозяйственными делами: добывали воду, что в зимнюю пору являлось немалой трудностью, готовили топливо, помогали коку и ухаживали за собаками.

Линдстрем кормил всю команду и одновременно по заданию университета в Христиании собирал зоологические, а летом и ботанические коллекции.

Амундсен, занимаясь научными наблюдениями, не отказывался ни от

каких повседневных работ.

С наступлением весны он предпринял ряд санных поездок в район магнитного полюса. Вместе с лейтенантом Хансенom Амундсен точно определил новое местоположение магнитного полюса и тщательно обследовал как новый, так и старый районы. Это было одним из самых крупных достижений экспедиции.

Лето 1904 года было холодное. Лёд в бухте не вскрылся, и вырвать яхту из ледовых оков не удалось. Экспедиция вынуждена была остаться на вторую зимовку. Это не входило в расчёты Амундсена, но делать было нечего — приходилось жить надеждой на то, что следующее лето будет более тёплым.

Вторую зиму путешественники провели даже лучше, чем первую. Им уже были хорошо известны условия зимовки, да и место было обжитое. И работали они так же дружно и бодро. И никто из них не болел.

Амундсен, верный своим правилам, внимательно следил за тем, чтобы ни один участник экспедиции не оставался без работы. Праздность во время зимовок приносит неисчислимыe беды: в долгую полярную ночь настроение у человека падает. Он легко поддаётся унынию, за унынием приходят апатия, безразличие, появляются болезни. Работа же спасает от мрачных дум. И каждый из членов экспедиции был загружен работой до предела.

Весна 1905 года была значительно теплее предыдущей. Появилась полная надежда, что экспедиция сможет продолжать путь дальше на запад. 1 июня остановили саморегистрирующие инструменты, затем разобрали все постройки на берегу и весь строительный материал перевезли на яхту.

Наконец всё было готово к дальнейшему походу. 13 августа яхта снялась с якоря и под прощальные крики эскимосов вышла из гавани.

Дальше на запад

Пролив, в который вошла «Йоа», не был известен европейцам. Ни один корабль никогда ещё не заходил в эти воды. Яхта шла медленно, пробираясь сквозь густой туман, то и дело меняя паруса, так как ветер был капризный. Пролив походил на извилистый коридор — казалось, он вот-вот кончится и яхта попадёт в закрытую бухту.

В продолжение двух недель «Йоа» шла по этому коридору. Высокие берега не пропускали ветра. Он едва шевелил вымпел на мачте. Судно двигалось лишь с помощью винта. Всё время приходилось бросать лот, измерять глубину. Это была очень утомительная работа. Иногда пролив разветвлялся, открывались пути в разные стороны, и тогда перед Амундсеном вставал вопрос: куда идти?

Экспедиции, искавшие северо-западный проход, как раз и погибали в лабиринте этих бесконечных проливов между безыменными островами. Острова сбивали с толку всех путешественников. А лето здесь коротко: открытой водой можно плыть только месяца полтора.

Амундсен опасался, как бы ему снова не пришлось застрять здесь в какой-нибудь безыменной бухте.

И, осматривая чёрные безлюдные острова, он как бы видел тени отважных своих предшественников. Тени тревожили его и заставляли торопиться.

Разветвления пролива стали попадаться всё чаще и чаще. Амундсен заметил, что течения в них разные: в одних сильнее, в других слабее. В самых южных проливах течение было самым сильным, «Йоа» шла именно по этим проливам, хотя порой они были очень узки. Так Амундсен и предполагал: проход на запад лежит между островами не на севере, а на

юге. С каждым днём уменьшалась и глубина проливов. На пути попадались подводные камни. В одном месте яхта прошла почти чудом: под килем оставался лишь один дюйм воды. Амундсен так волновался, что не мог ни спать, ни есть. Его нервы были напряжены до крайности: он понимал, что если теперь, в ближайшие дни, не будет найден выход в Тихий океан, экспедиция попадёт в очень тяжёлое положение. Целые сутки он не спускался с мачты, стараясь миновать ловушки, расставленные природой.

Мысль о том, что они могут погибнуть и не выполнить своей главной задачи, мучила его.

«Я не мог прогнать от себя мысли о возвращении домой с невыполненной задачей. Часы, которые оставались мне на отдых и сон, проходили в эти дни главным образом в том, что я ломал себе голову над такими мыслями, и это отгоняло от меня сон. Я не мог есть; за каждой едой я чувствовал адский голод, но не в состоянии был проглотить пищу».

Так пишет он в своей книге, посвящённой этому плаванию.

26 августа, на заре, яхта вышла, наконец, в открытое море. Амундсен увидел огромное водное пространство. Это была радость. В восемь часов утра он закончил свою вахту и ушёл спать.

Вдруг шум и сильная беготня по палубе разбудили его. Амундсен сразу понял, что случилось нечто очень важное. Внезапно в каюту вбежал лейтенант Хансен и крикнул:

— Вижу корабль!

И тотчас убежал обратно.

Амундсен быстро вскочил с постели. Значит... значит, северо-западный проход найден! Ура! Мечта юношеских лет осуществилась.

«В горле я почувствовал странное ощущение. Конечно, я был несколько возбуждён и переутомлён, и, несомненно, это слабость, но на моих глазах навернулись слёзы. «Вижу корабль!» Магические слова! И сразу же родина и всё милое моему сердцу приблизились ко мне и простерли руки. «Вижу корабль!» Я мгновенно оделся. На минуту я остановился перед портретом Нансена, висевшим на стене, и в это мгновение изображение словно ожило, будто Нансен смотрел на меня и кивал головой. Я кивнул ему в ответ, улыбаясь от счастья, и вышел на палубу».

Да, впереди в открытом море виднелось судно. Это было парусное китобойное судно, пришедшее с запада.

Все на яхте будто обезумели, поздравляли друг друга, обнимались, кричали, прыгали и плясали. И всех радостнее был Амундсен. Победа была в его руках! Он первый проплыл из Атлантического океана в Тихий северо-

западным проходом. Цель достигнута!

Когда прошла первая волна радости, Амундсен вдруг вспомнил, что в течение нескольких дней ничего не ел. На вантах у мачты висели свежие олени туши. В каком-то исступлении он подбежал к ним и, отрезая кусок за куском, проглатывал мясо, не прожёвывая, целиком, как изголодавшийся зверь. За время перехода по проливам он так измучился, что стал неузнаваем. Ему шёл только тридцать третий год, а на вид можно было дать семьдесят лет. Он был худ, истощён вконец, глубокие морщины прорезали его лоб и щёки.

Три часа спустя «Йоа» подошла к китобойному судну. Называлось оно «Чарльз-Гансон» и пришло сюда из Сан-Франциско. «Йоа» подошла к нему вплотную, стала борт о борт.

Пожилый седой капитан вышел навстречу.

— Вы капитан Амундсен? — был его первый вопрос.

Амундсен был очень удивлён, что капитан «Чарльз-Гансона» знает его имя.

— Это первое встреченное вами судно? — спросил капитан.

— Да, первое.

— Я чрезвычайно счастлив, что первый могу поздравить вас со счастливым прохождением северо-западным путём.

Сияющий от удовольствия капитан пригласил Амундсена и его товарищей к себе в каюту. Он-то лучше других понимал, какой огромный подвиг совершили его гости, и был по-настоящему счастлив, что первый встретил экспедицию.

— Не нужно ли вам чего? Я рад помочь всем, что у меня есть.

— Благодарю вас, мы ни в чём не нуждаемся. Нам хотелось бы только получить вести с родины.

— К сожалению, я уж полтора года как ушёл из Сан-Франциско; у меня есть кое-какие газеты, только они очень уж старые.

— Старые для вас — для нас они свежие.

Капитан принёс пачку газет. Амундсен с жадностью начал их перелистывать, и первое, что бросилось ему в глаза, был заголовок: «Война между Норвегией и Швецией». Изумлённый, он поглядел на своих спутников, на капитана. «Что же там происходит сегодня? Почему вспыхнула война? Окончилась ли она, или продолжается?»

Но капитан ничего не мог ответить.

Норвежцы были ошеломлены известием о войне. Скорей бы попасть на родину или хотя бы туда, где есть телеграф, где есть связь с Норвегией!

Амундсен расспросил капитана об условиях плавания дальше на

запад. По словам капитана, плыть можно было без опасений — проливы были свободны от льда. Он знал этот путь, как свои пять пальцев и дал норвежцам карты с отметками глубин и направления течений.

Амундсен торопился. Скорей, скорей! Надо использовать открытое море и попутный ветер. На прощание капитан подарил мешок картофеля и мешок лука. Это было большим лакомством для экипажа «Йоа»: уже два года они не пробовали свежих овощей.

Поставив все паруса, путешественники двинулись в путь. Лёд попадался им только у берегов. На льдинах часто встречались белые медведи. Охотники убили одного медведя, но у экипажа было столько продовольствия, что мясо отдали собакам. Через некоторое время на встречной льдине они увидели ещё двух медведей. Охотники хотели было опять остановить яхту, однако Амундсен не позволил это сделать: он не хотел задерживаться ни на минуту, чтобы успеть пройти в океан до наступления зимы.

Близ острова Бэйли яхту встретили два китобойных судна. Экипажи судов приветствовали Амундсена, просили остановиться, — их удивило появление в этих водах незнакомой яхты. Но Амундсену не хотелось терять времени, он ответил приветственным сигналом и прошёл мимо. На мысе Бетерст Амундсен заметил становище эскимосов. Тут стоял большой деревянный дом — первый дом, который увидели норвежцы после двух лет путешествия по северным пустыням. Эскимосы выбежали на берег, подняли даже флаг на мачте; «Йоа» не остановилась и здесь.

У острова Гершеля море также было свободно ото льда.

Амундсен спешил использовать благоприятную ледовую обстановку. Встретив два китобойных судна, он решил также ограничиться приветствиями, но на этот раз пришлось стать на якорь. Китобои предупредили Амундсена о том, что дальше море закрыто льдом. На берегу, как предостерегающий знак, лежало судно, выброшенное бурей. Это был американский барк «Бонанца» из Сан-Франциско. Часть экипажа, готовясь к зимовке, строила себе дом, а капитан «Бонанцы» Могг уехал на остров Гершеля, чтобы отправиться оттуда в Сан-Франциско за другим кораблём и вернуться за экипажем и снаряжением.

Второй штурман разбитого судна был норвежцем. Он дал Амундсену много ценных указаний и посоветовал всё же идти дальше.

Яхта двинулась на запад, но вскоре встретила льды. Лавировать среди подвижных льдин было трудно. Однажды ночью яхту вместе со льдами оттащило назад к тому же берегу, где находилась разбитая «Бонанца». Всё видимое пространство моря закрылось льдом. Во льдах у острова Гершеля

застряли пять больших судов.

Вначале экипаж «Йоа» не терял надежды, что льдины разойдутся и можно будет продолжить путь. Однако лёд уплотнялся с каждым днём.

9 сентября ударили морозы. Стало ясно, что здесь, возле разбитой «Бонанцы», придётся проводить третью зимовку. Неожиданная задержка опечалила Амундсена и его товарищей. Однако делать нечего — полярные путешественники должны быть готовы ко всяким неожиданностям и вооружаться терпением. Экипаж безропотно покорился обстоятельствам и, выждав двое суток, дружно начал готовиться к зимовке.

Яхта была подведена вплотную к берегу, и путешественники начали строить два дома: один — для жилья, а другой — для обсерватории. Строительного материала тут было много, так как реки приносили в пролив множество сосен. Некоторые из них были в длину не менее пятидесяти футов. Амундсен и лейтенант Хансен решили зимовать на борту яхты, а пятерых членов экипажа переселить на берег. Постройку закончили быстро: 15 сентября жилой дом уже имел крышу. Скоро была готова и обсерватория, куда перенесли инструменты и приборы. Научная работа продолжалась с прежней аккуратностью.

Яхту оборудовали ещё лучше, чем на предыдущей зимовке: укрыли со всех сторон брезентом, в прорези поставили дверь, принесённую с разбитой «Бонанцы». Оттуда же была взята и маленькая печурка, которую Амундсен установил в своей каюте. Топлива не жалели — не то что на первых двух зимовках. Там приходилось иногда мёрзнуть, а сейчас дров было в избытке: и в каютах и в доме всегда стояло приятное тепло.

Зимовка обещала быть вполне благополучной. Всего было вдоволь. Даже продовольственный вопрос, обычно самый тяжёлый во время зимовок, решался весьма несложно. Каждое утро норвежцы прорубали во льду лунку и, словно из садка, вылавливали столько рыбы, сколько им сегодня требовалось. Удачно охотились также на гусей, уток и куропаток. Столовая была устроена на берегу, в жилом доме. Повар Линдстрем

готовил вкусные и питательные блюда.

Когда лёд окреп, к яхте начали приходить эскимосы и гости с других судов. Оказалось, что вокруг острова Гершеля, кроме «Йоа», вмерзло ещё одиннадцать кораблей.

На первых порах экипажи других судов отнеслись к норвежцам холодно. Они боялись, что норвежцы, вернувшись из долгой экспедиции, будут для них лишними ртами. Опасения соседей были, однако, напрасными. На яхте «Йоа» были такие запасы муки, круп, консервов, что Амундсен даже снабжал продовольствием экипажи других судов.

В конце сентября Амундсен отправился на остров Гершеля, откуда уходила почта в форт Юкон. Ему очень хотелось сообщить скорей о судьбе своей экспедиции и вместе с тем узнать вести с родины. В гавани острова стояло на зимовке пять крупных судов. Амундсена встретили очень шумно. Оказалось, что все американские суда получили приказ в случае встречи с Амундсеном оказывать ему и его товарищам всяческое содействие.

И вот Амундсен сам пришёл к ним! Капитаны кораблей наперебой предлагали ему своё гостеприимство. Амундсен остановился у капитана Тилтона на большой шхуне «Александра». Здесь же собрались экипажи других судов. Амундсену передали много писем от близких и свежие газеты.

Узнав, что следующая почта уйдёт только через месяц и вернётся лишь в мае, он решил сам отправиться за почтой в форт Юкон, за несколько сот километров от острова Гершеля, и заодно отвезти почту с зазимовавших кораблей. Ждать целую зиму вестей с родины было слишком мучительно.

Китобои с восторгом встретили решение Амундсена: вот кто действительно доставит почту быстро и в целости!

В конце октября Амундсен и капитан «Бонанцы» Могг отправились в путь с проводником-эскимосом и его женой. У них были две собачьи упряжки: на одной везли продовольствие, а на другой ехал Могг. Весь путь до форта Юкон Амундсен проделал на лыжах. И это при 40-50 градусах мороза! Но, увы, телеграфа в форте Юкон не оказалось. Ближайший телеграф был в поселении Игл-Сити, в трёхстах километрах к югу. Амундсен, не задумываясь, решил отправиться в Игл-Сити.

Этот путь он проделал в сопровождении двух индейцев и того же капитана Могга. Из Игл-Сити он отправил телеграммы на родину, дождался почты и через два месяца вернулся назад, на «Йоа».

Путешествие на телеграф заняло пять месяцев, из которых три месяца Амундсен шёл на лыжах, ни разу не присев на сани.

Радостно встретил Амундсена экипаж «Йоа». Возвращение капитана и

начальника экспедиции было достойно отпраздновано. Вести с родины согрели сердца путешественников. Да, они выполнили свой долг: сумели открыть таинственный проход... Все были живы и здоровы. А через несколько дней после возвращения Амундсена случилось несчастье: внезапно умер, простудившись, Густав Юль Вик — самый молодой участник экспедиции. Его похоронили на холме, около обсерватории, которую он сам строил и в которой всю зиму вёл наблюдения.

Смерть Вика надолго омрачила жизнь спаянного крепкой дружбой экипажа, и всё-таки научная работа ни на день не прерывалась.

1 августа пролив очистился от льда, и яхта пошла на запад. 30 августа утром Амундсен увидел вдали мыс принца Уэльского на восточной окраине Берингова пролива, а к вечеру того же дня яхта пришла в город Ном.

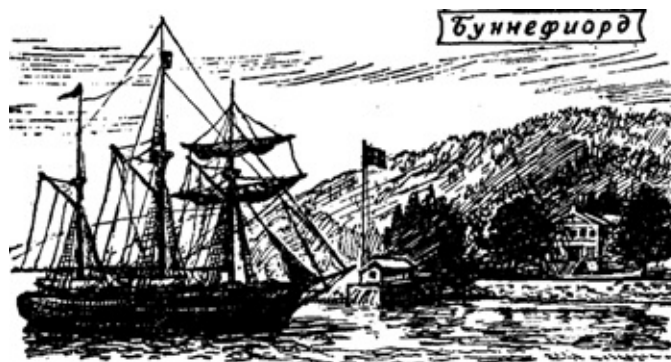
«Не нахожу слов, чтобы описать тот приём, какой был нам оказан в Номе, — писал Амундсен в своих воспоминаниях. — Та сердечность, с которой нас встретили, бесконечное ликование, объектом которого была «Йоа» и мы, навсегда останутся для меня одним из самых светлых воспоминаний.

В Номе нет гавани, городок лежит на открытом берегу. Поэтому нам пришлось стать на якорь вдали от берега и быть готовыми уйти, как только поднимется ветер. Бросив якорь, мы с лейтенантом Хансеном сели на катер наших любезных хозяев и хозяек и отправились на берег. Катер всё время освещался береговыми прожекторами. Ослеплённые сильным светом, бившим нам прямо в глаза, мы ничего не могли рассмотреть. Катер ударился о берег, и даже сейчас я не понимаю, каким образом я попал на берег. Навстречу нам загревели приветствия из тысячи глоток, и вдруг среди ночи раздались звуки, от которых я задрожал всем телом, и слёзы выступили у меня на глазах: «Да, мы любим эти скалы», — пела толпа норвежский гимн».

В октябре «Йоа» прибыла в Сан-Франциско. Амундсен подарил свой славный корабль городу, и с тех пор «Йоа» стоит там в парке Золотых Ворот.

За время трёх зимовок экспедиция собрала такой огромный материал по метеорологии, географии, гидрологии, геологии, этнографии, антропологии и земному магнетизму, что научные работники Норвегии обрабатывали его потом в продолжение почти двадцати лет.

Смелые замыслы

После возвращения на родину Амундсен два года подряд ездил по Европе и Америке, делая доклады о своём путешествии через северо-западный проход. Он собрал крупную сумму денег и расплатился со всеми своими кредиторами и с особенным удовольствием отдал долг торговцу консервами, который едва не сорвал экспедицию. Оставшиеся деньги он решил использовать для нового путешествия.

Куда теперь направить свой путь? Конечно, к Северному полюсу. Это была его давнишняя мечта. Если не удалось побывать на полюсе его земляку Нансену, то, может быть, удастся ему? Он решил идти таким же путём, каким шёл Нансен на своём «Фраме», то есть на крепком, специально построенном корабле вмёрзнуть в лёд где-нибудь у северных берегов Восточной Сибири или у Аляски и вместе со льдами продрейфовать через полюс. Если судно пройдет не через самый полюс, а где-то вблизи него, то можно будет достигнуть полюса на санях.

Такой путь ему казался самым правильным. Сам Нансен, выступая в Лондоне в Географическом обществе с докладом о ближайших задачах полярных исследований, в первую очередь предлагал провести детальнейшее обследование Северного Ледовитого океана: для этого, по его мнению, следовало послать новую экспедицию на специальном корабле, но трассу на этот раз он прокладывал гораздо севернее того пути, который проделал «Фрам».

Таким образом, план был уже намечен. Амундсену оставалось только подхватить идею Нансена и осуществить её, тем более, что сам Нансен не собирался сейчас организовывать такую экспедицию. Узнав от Амундсена о его намерениях, Нансен с радостью одобрил инициативу молодого

исследователя и вместе с ним в общих чертах обсудил план экспедиции. А затем Амундсен уже один разработал все детали плана и в ноябре 1908 года сделал большой доклад в Норвежском географическом обществе.

Все крупнейшие специалисты-полярники, бывшие на заседании, горячо одобрили замысел Амундсена. А всех горячее ратовал за него Нансен. Газеты единодушно поддержали идею Нансена и Амундсена. Новое полярное путешествие стало общественным делом. «Перед норвежскими полярными исследователями стоит достойная задача продолжать национальную традицию наших предков-исследователей Норвежского моря и Ледовитого океана», — писали газеты. Стортинг² решил ассигновать на экспедицию семьдесят пять тысяч крон. Различные общества и частные лица пожертвовали крупные суммы денег и прислали Амундсену более пятисот ценных подарков: предметов снаряжения, продовольствия и прочее.

Никогда в жизни — ни до, ни после этого путешествия — Амундсен не встречал такой поддержки, и ни одна его экспедиция не была так обеспечена, как эта.

Для длительного путешествия, — оно по плану должно было продолжаться семь лет, — Амундсен решил использовать старый нансеновский «Фрам», предварительно внося некоторые улучшения в оборудование судна. Путь «Фрама» был намечен точно. Из Норвегии он должен был спуститься по Атлантическому океану до берегов Южной Америки, обогнуть мыс Горн, войти в Тихий океан, затем подняться до Берингова пролива и у мыса Барроу войти во льды.

Осенью 1909 года «Фрам» уже был готов к отплытию. Желающих отправиться в опасное и долгое плавание было множество. Но Амундсен отобрал из них только двадцать человек, — крепких, физически выносливых, имеющих опыт работы за Полярным кругом.

И вдруг произошло неожиданное событие, которое сразу опрокинуло расчёты Амундсена. В сентябре 1909 года в Норвегии была получена телеграмма, что адмирал Пири на собаках достиг Северного полюса.

Этот день навсегда остался в памяти Амундсена. Утром он был на «Фраме». Вдруг кто-то громко позвал его с берега. Амундсен подошёл к борту. На берегу стоял матрос и размахивал газетным листом.

— Важные новости! — кричал он.

Через несколько минут матрос с газетой был на борту «Фрама». Амундсен прочёл:

«6 апреля 1909 года адмирал Пири достиг Северного полюса».

У Амундсена потемнело в глазах, он беспомощно опустил руку с

газетой.

«Что такое? Адмирал Пири опередил меня?!»

Северный полюс уже открыт! Значит, ему уже нечего делать на полюсе. Амундсен не радовался. Он чувствовал себя так, будто его обокрали.

Он поехал в город. По улицам бежали продавцы газет, выкрикивая одну и ту же новость: «Пири открыл Северный полюс! На полюсе поднят американский флаг».

Это был тяжёлый день для Амундсена. Уже на склоне лет он писал в своей книге «Моя жизнь»:

«Должен сознаться, что для меня это был серьёзный удар... Я решился на отчаянный шаг и официально заявил, что, по моему мнению, научные результаты предстоящего путешествия будут вполне достаточны, чтобы не отказаться от намеченного мною плана».

Так он и заявил официально. И все газеты опубликовали, что норвежец Амундсен не отказывается от похода на Северный полюс. Однако, говоря так, он думал об ином: идти не на север, а в противоположную сторону и попытаться открыть Южный полюс. Этот свой план он на первых порах скрыл от всех.

Однако как быть с экспедицией? Ведь экипаж «Фрама» подготовлен к путешествию на Северный полюс, и вся общественность Норвегии также знает именно об этом плане. Если сказать сейчас, что план изменяется, то поднимется шумиха, начнутся споры. Нет, лучше не говорить ничего!

Да, экспедиция откладывается на некоторое время, — надо её подготовить получше, надо всё проверить. Да, «Фрам» уйдёт весной. Так говорил Амундсен, а сам в полной тайне лихорадочно разрабатывал план путешествия к Южному полюсу.

В это время он жил в своём доме, недалеко от Христиании, в Буннефиорде. Он окружил себя множеством книг, где говорилось об Антарктике, и тщательно принялся за их изучение.

К удивлению всех тех, кто помогал ему готовить снаряжение, Амундсен решил взять с собой около сотни собак и довольно большой деревянный дом, хотя для путешествия к Северному полюсу он был не нужен.

Так прошла осень, зима, весна...

К Южному полюсу

7 июня 1910 года «Фрам» вышел из Христиании.

Официально объявленный маршрут был первоначальный — к Северному полюсу. В свои тайные планы Амундсен посвятил только одного человека — своего брата.

«Фрам» направился вдоль берегов Европы и Африки к югу. По пути корабль зашёл в гавань на острове Мадейра, и здесь Амундсен открыл спутникам свою тайну.

Впоследствии он так описывал это событие:

«Мне кажется, что все бывшие тогда на «Фраме» долго будут помнить этот удушливый жаркий вечер на рейде Фунчала (порт на Мадейре). Все были вызваны наверх. Не знаю, о чём они думали, во всяком случае, вряд ли об Антарктике и Южном полюсе.

Лейтенант Нильсен, мой помощник, держал в руках большую карту южного полушария. Все невольно с удивлением смотрели на эту карту. Мне немного потребовалось слов для того, чтобы каждый понял, откуда дует ветер и каким курсом мы теперь пойдём. Нильсен развернул карту, и я в кратких чертах сообщил о новом плане. Я также рассказал о причинах, заставивших меня молчать об этом до сих пор.

Изредка я поглядывал на лица слушателей. Сначала они обнаруживали самые недвусмысленные признаки величайшего изумления, но не успел я ещё закончить свою речь, как глаза моих слушателей уже сияли и все они улыбались. Теперь я был уверен в ответе, который получу».

Все спутники единодушно одобрили новый план и выразили полное согласие идти к Южному полюсу. На Мадейре уже дожидался прихода «Фрама» брат Амундсена. С ним было послано в Норвегию известие с том,

что первоначальный план экспедиции изменён. И ему же поручили сообщить об этом в Англию, для передачи капитану Скотту. Амундсен знал, что Скотт собирался идти к Южному полюсу.

Все члены экспедиции передали с братом Амундсена свои последние письма на родину.

От Мадейры «Фрам» направился к мысу Горн и дальше к Антарктике, к бухте Китовой. Амундсен заранее наметил здесь место для зимовки.

У Южного полюса простирается огромный материк, покрытый вечным ледником. Он образует так называемый ледовый барьер, отвесно спускающийся прямо в океан и порождающий айсберги — огромные плавающие глыбы льда. Но в бухте Китовой ледовый барьер был неподвижен, потому что основание льда покоилось здесь на твёрдом материке.

Амундсен и выбрал это место для безопасной зимовки. «Фрам» дошёл до бухты Китовой и здесь остановился на стоянку. За три недели всё имущество с «Фрама» было переправлено прямо на ледовый барьер и в четырёх с половиной километрах от места высадки построен тот зимовочный дом, который привёз Амундсен из Норвегии в разобранном виде. Было выгружено девятьсот ящиков провианта, более ста собак. В январе зимовочный дом был готов. Вокруг него поставлено четырнадцать палаток, из них восемь для собак, остальные под склады угля, дров, свежего мяса, рыбы и другого провианта.

База стала похожа на городок. Амундсен назвал его «Фрамхейм», что значит: «Жилище «Фрама». Дом снаружи был весь высмолен, крыша покрыта толем, так что на фоне снежного пейзажа он был виден чрезвычайно далеко.

Приготовления к зимовке заняли весь январь и февраль — самый разгар лета в тех местах, когда солнце не заходит и тянется долгий полярный день. В бухте Китовой и на льдах возле бухты появилось множество тюленей. Отважные охотники каждый день ходили бить тюленей, запасая пищу на зиму.

Сам же Амундсен занялся подготовкой дороги к полюсу. Он решил устроить ряд продовольственных складов: первый склад, — на 80° южной широты, а дальше — через каждые сто километров. Это давало возможность не тащить с собой большой груз, а двигаться налегке.

Путь прокладывался от Китовой бухты прямо на юг по одному и тому же 163-му западному меридиану. Дорогу между складами Амундсен решил отмечать вехами — бамбуковыми шестами с чёрными флагами.

8 февраля от Китовой бухты на юг вышли четыре человека с тремя санями, запряженными восемнадцатью собаками. Сани были доверху нагружены продовольствием. Путники прошли узкой тропинкой через глетчеры, поднялись в гору и бесконечными ледяными полями двинулись на юг. Впереди всех шёл на лыжах Хельмер Хансен. Он прокладывал дорогу; сам Амундсен проверял по компасу направление и отмечал пройденный путь.

Маленький караван быстро продвигался по ледяной равнине при ярком солнце — оно светило уже четыре месяца подряд. Кругом не было видно ни одного живого существа. Животный мир ютился только на ледяном барьере вблизи моря. Внутри же антарктического материка жизни почти не было. Люди, собаки и сани казались чёрными точками в сверкающих белизной пространствах.

Пройдя равнину, караван вступил в холмистую местность. Здесь был устроен первый привал. Люди роздали собакам лепёшки из пеммикана (размолотое сушёное мясо с мукой), сварили на спиртовке суп для себя. И пока варился суп, они успели сложить из льда и снега столб высотой в десять футов. Этот столб, или, как его называют полярные путешественники, «гурий», был заметной вехой на их пути.

Шесть суток караван шёл к югу, устраивая через каждые пятнадцать километров привал. На месте привала сооружали гурий или же устанавливали шест с чёрным флагом.

14 февраля путешественники добрались, наконец, до 80° южной широты. Мёртвая ледяная пустыня простиралась кругом. Амундсен наметил место для первого склада, и все четверо принялись разгружать сани. Ящики с пищей и мешки с одеждой сложили в брезент, укутали со

всех сторон тюленьими шкурами, сверху накрыли брезентом и обложили льдом. Получился высокий холм. На вершине холма водрузили норвежский флаг.

Амундсен решил проверить, хорошо ли замечен склад издали. Он отошёл на километр и оглянулся: маленький холмик был едва виден. Амундсен вернулся к товарищам и высказал опасение, что на обратном пути с полюса они не найдут склада.

— Придётся сделать вот что, — сказал он. — Через каждый километр мы поставим ледяные столбы с флагами на верхушке. Такие вехи будут стоять на девять километров к востоку и на девять к западу. Этого забора мы уж не минуем.

Они разделились на две группы: два человека пошли на запад, два на восток, устанавливая столбы и флаги. На эту работу они затратили двое суток. Огромный «забор» длиной в восемнадцать километров, встал на пути к Южному полюсу. Это была хорошая предосторожность. Амундсен хотел действовать наверняка.

Отсюда караван с пустыми санями двинулся назад. Сытые собаки бежали дружно. Проехав километров пять, путешественники оглянулись и отчётливо увидели «забор»: длинным рядом стояли в пустыне ледяные столбы, на их макушках развевались чёрные флаги.

Обратный путь караван прошёл в три дня, делая ежедневно от семидесяти до ста километров.

В это время приготовления к зимовке в Китовой бухте были почти закончены, и в новую поездку для устройства складов пошли все члены экспедиции, кроме одного, оставшегося в единственном доме города Фрамхейма.

На этот раз караван растянулся длинной лентой: к югу двигались семь нарт, каждую из них везла шестёрка собак, рядом с упряжкой шёл человек.

Дорога теперь была знакомая — от гурия к гурию, от шеста к шесту.

На пятые сутки караван достиг склада на 80° южной широты. Здесь оставили часть продовольствия — этот склад Амундсен решил сделать самым большим.

Одна группа путешественников пошла отсюда обратно к Китовой бухте, а остальные двинулись дальше к югу. Через сто километров был устроен склад номер два, а ещё через сто — склад номер три.

Всего на склады завезли три тонны продовольствия и снаряжения.

На всех складах развевались норвежские флаги, от каждого склада вправо и влево шли ледовые гурии с чёрными флагами. Для всех гуриев флагов не хватило, — тогда Амундсен разбил несколько ящиков и вместо флагов установил доски. Потом и досок не хватило, — тогда на вершине гуриев укрепляли стоймя сушёную треску; каждая рыбина была величиной в метр. Амундсен учёл, что при возвращении с полюса рыба послужит отличной пищей для собак. Ни зверей, ни птиц в этом мёртвом краю не было, и не приходилось опасаться, что рыба будет съедена.

Так в ледяной пустыне поперёк будущей дороги от Фрамхейма к Южному полюсу выросло три своеобразных забора, каждый в восемнадцать километров длиной.

Во время этих поездок Амундсен заранее ознакомился с характером местности и трудностями предстоящего пути. Попутно он проверял и сани, и качество снаряжения, и упряжку собак. А с собаками было немало хлопот. Отвыкшие за полгода от работы, они в первое время отказывались идти в упряжке, грызлись между собой. Понадобилось немало терпения и усилий, чтобы водворить среди них дисциплину.

Перед мысленным взором Амундсена уже рисовалась радостная картина: будущей весной он пройдёт налегке по знакомой дороге от склада к складу, пополняя в пути запасы пищи и керосина, а затем двинется на штурм полюса.

Между тем жители Фрамхейма деятельно заканчивали подготовку к зиме. Охотники продолжали бить тюленей. Целые штабеля мороженных тюленьих туш возвышались вокруг становища. Тюленьего мяса заготовили шестьдесят тонн!

Чёрные палатки с продовольствием, окружавшие дом экспедиции, были обнесены высокой ледовой и снежной стеной, чтобы собаки не могли в них пробраться.

В один из февральских дней Амундсен шёл из Фрамхейма к берегу, где стоял «Фрам». Вдруг он увидел, как один из его товарищей, шедших впереди, отчаянно замахал руками. Он торопил Амундсена: скорей, скорей! «Что такое? — подумал Амундсен. — Уж не случилось ли чего с кораблём?» Он быстро поднялся на ледовый барьер и увидел, что возле «Фрама» стоит незнакомый барк. Это было судно капитана Скотта «Терра Нова». Английская экспедиция прибыла в Антарктику и спешно вела научные исследования у ледового барьера. Капитана Скотта на корабле не оказалось. Он остался примерно в шестистах пятидесяти километрах к западу от Фрамхейма, где тоже готовился к зимовке и к походу на Южный полюс.

Англичане и норвежцы побывали друг у друга с визитами, и Амундсен с удивлением узнал о том, что капитан Скотт привёз с собой нескольких пони — маленьких лошадок, на которых возлагал большие надежды: пони должны были везти сани с продовольствием и снаряжением. Привез он также моторные сани. Всё это показалось Амундсену малопригодным для полярных путешествий: пони будут мёрзнуть и не смогут одолеть ледяных подъёмов, а моторные сани скоро сломаются.

Он осторожно высказал англичанам свои сомнения, но на них не обратили никакого внимания. Капитан Скотт считался опытным полярным путешественником — он знал, что делал.

Норвежцам и англичанам было ясно одно: и та и другая экспедиция стремится к полюсу, — вопрос только в том, какая из них придёт на полюс раньше. Естественно, у них пробудилось чувство... соревнования. Нет, соперничества!

Но расстались англичане и норвежцы дружески. «Терра Нова» пробыла на стоянке только двенадцать часов и пошла дальше вдоль ледового барьера.

Через несколько недель ушёл в море и «Фрам». Он должен был зимовать в тёплых водах Южной Америки, в Буэнос-Айресе, а будущей весной вернуться в Китовую бухту за экспедицией. На «Фраме» уехали десять человек, в том числе несколько научных сотрудников, которым было поручено провести ряд наблюдений и исследований в Южном Ледовитом океане.

Началась длинная зима. Климатические условия в Антарктике ужасны. Путешественник Маусон называл эту шестую часть света «проклятой страной». И действительно, тут всё было безрадостно и пустынно: голый ледник до самого полюса. Страшные вьюги и метели. Температура ниже 60 градусов. И такие бури, когда скорость ветра достигает до шестидесяти метров в секунду, а отдельные порывы достигают ста метров!

Даже Арктика со всеми её полярными ужасами не так страшна, как Антарктика. В Арктике море и движущиеся льды; во льдах бывают полыньи; у самого полюса есть какая-то органическая жизнь и таких ужасных холодов никогда не бывает.

Однако экспедиция Амундсена перенесла эту зиму хорошо. Главный дом во Фрамхейме был обложен льдом и снегом, в снегу были прорыты ходы вроде тоннелей — к складам, к собачьим палаткам, к метеорологическим и магнитным будкам. Из снега и льда были построены столярная и портняжная мастерские, кузница и даже баня.

Амундсен, как и в прежних экспедициях, строго следил за тем, чтобы все были заняты работой, не было уныния и болезней. Тот, кто хочет сделать в жизни доброе дело, должен работать. Работать всегда!

Сам он вёл регулярно метеорологические наблюдения, строго придерживался точного распорядка дня. Он показывал пример, как надо

работать.

И у каждого члена экспедиции были свои определённые обязанности. Преструд и Иогансен занимались научными наблюдениями; Хассель обеспечивал зимовку углём, дровами и керосином; старый спутник Амундсена Линдстрем выполнял обязанности повара, — самая трудная и самая хлопотливая работа была именно у него, но исполнял он её блестяще; Бьолан, Вистинг и Хансен готовили сани и снаряжение к будущему походу на полюс; Вистинг, кроме того, шил одежду, бельё и палатки. Главное внимание было направлено, конечно, на подготовку снаряжения. Продовольствие тщательно укладывалось в ящики, ящики перенумеровывались и составлялась опись каждого из них.

«Победа ожидает того, у кого всё в порядке, и это называется удачей», — писал в своём дневнике Амундсен.

В свободные от работы часы члены экспедиции слушали граммофон, играли в домино, в шахматы и на музыкальных инструментах. Чтобы приучить участников экспедиции обходиться без термометра, Амундсен устроил постоянный конкурс на угадывание температуры. Каждое утро все по очереди выходили на воздух, и кто-нибудь, вернувшись в дом, говорил:

— Сегодня не жарко, градусов пятьдесят пять.

Тот, кто точнее всех угадывал температуру, получал одну или две сигары.

Много хлопот доставляли собаки. Постоянно приходилось следить, чтобы они не искалечили друг друга во время драк. Но всё обошлось благополучно. Собаки провели зиму хорошо, все были здоровы, и к весне у них появилось два десятка щенков.

Самыми тёмными и холодными зимними месяцами были май, июнь и июль. К середине августа вся подготовка к полярному походу была закончена. А 24 августа впервые после многомесячной ночи из-за горизонта выглянуло солнце. Однако морозы стояли такие, что о походе

нечего было и думать. Амундсен попытался совершить поездку до склада номер один, но вынужден был вернуться.

Эта попытка, однако, принесла пользу: она показала, что большому количеству людей идти к полюсу рискованно (Амундсен вначале предполагал, что на полюс пойдут восемь участников экспедиции, а один останется во Фрамхейме). Пробная поездка показала, что большая группа не могла быстро двигаться. Много времени тратилось на сборы, нужно было везти лишнее продовольствие и снаряжение, больше было риска, что кто-нибудь заболеет в пути. Поэтому Амундсен решил ограничить число участников похода пятью: он сам, Хассель, Вистинг, Бьолан и Хельмер Хансен. А Преструд, Стубберуд и Иогансен должны были нанести на карту берега Китовой бухты, а затем пройти к Земле короля Эдуарда VII и там провести научные обследования.

Между тем морозы не уменьшались. Температура спускалась временами до 57 градусов. Товарищи Амундсена нервничали. Им казалось, что капитан Скотт давно уже вышел к полюсу. Время от времени во Фрамхейме начинался разговор:

— Хотел бы я знать, до какого места дошёл теперь капитан Скотт, — говорил кто-нибудь, ни к кому, собственно, не обращаясь.

— Его пони на таком морозе замёрзнут, — уверенно говорил Амундсен. — Тревожиться нам нечего. Должно быть, они сидят ещё на месте.

— А может быть, у них теплее? Кто знает, какая погода за шестьсот пятьдесят километров от нас? Ну, а если там теплее, так они напрасно времени не тратят.

— Нет, я полагаю, что они ждут погоды, как и мы, — уверенно говорил Амундсен, а у самого тревожно сжималось сердце: неужели и тут его опередят?

Морозы не сдавали весь сентябрь и первую половину октября. Только в начале второй половины октября потянуло теплом и запахло весной. И Амундсен решил: «Теперь пора!»

К цели

20 октября, — этот день в южном полушарии считается началом весны, — Амундсен вышел из дома, чтобы узнать, какова нынче погода. С востока дул лёгкий ветерок. Все дали кругом постепенно прояснились. Термометр показывал минус 22 градуса. Вернувшись в дом, он спросил своих товарищей:

— Ну, как вы полагаете? Пойдём?

— Немедля! Отправимся рысцой! — весело ответили все четверо и начали торопливо одеваться.

Сколько времени ждали они этой минуты! В своих думах участники похода уже двадцать раз отправлялись на полюс и так свыклись с этой мыслью, она стала такой обыденной, что теперь никто не взволновался. Наскоро попрощались они с остающимися товарищами. Трое пошли проводить уходящих, а Линдстрем занимался хозяйством и даже не вышел из дома, словно Амундсен и четыре его спутника прощались только «до завтра». Четверо нарт с тринадцатью собаками в каждой упряжке стояли наготове. Нагружены они были легко, только для похода до 80°, — там ожидало путешественников и продовольствие и снаряжение. Преструд завертел ручку киноаппарата, снимая отъезжающих. На трое нарт сели по одному человеку, и на четвёртые — двое: Вистинг и Амундсен.

— Трогай! — сказал Амундсен.

Каюр первой нарты свистнул, собаки рванули и понеслись. Преструд всё стоял и вертел ручку киноаппарата, пока товарищи не скрылись в снежном облаке, поднятом нартами. Первые километры караван нёсся карьером.

Так началось путешествие к Южному полюсу.

*

А капитан Скотт в это время ещё готовился к походу. Его экспедиция двинулась с места зимовки только 1 ноября — на десять дней позже Амундсена. Норвежец был прав — для пони, на которых так рассчитывал Скотт, морозы были слишком суровыми.

*

Знакомая дорога расстилалась перед Амундсеном. Путешественники двинулись к югу по прямой линии, вдоль 163-го меридиана. Лёд был ровный, наст хорошо держал собак и нарты. Сани легко скользили, поднимая снежную пыль, каюры весело помахивали длинными кнутами.

— Те, кто увидел бы нас сейчас, наверное, подумали бы, что полярное путешествие очень привлекательная прогулка! — смеясь, сказал Амундсен своим спутникам.

На четвёртый день путешественники достигли склада номер один на 80° южной широты. Отсюда они, погрузив на нарты ящики с продовольствием и снаряжением, двигались уже с полной нагрузкой, проходя ежедневно от тридцати до сорока километров. Остановившись на ночлег, они быстро ставили палатку с брезентовым полом, зажигали примус и готовили горячий обед. Собак выпрягали и обильно кормили. Собаки спали у нарт с подветренной стороны палатки. Подъём проходил быстро: после сытного горячего завтрака быстро свёртывали палатку, грузили нарты и пускались в путь, не теряя ни минуты.

Чем дальше караван уходил в глубь материка, тем чаще и чаще во льду встречались опасные трещины. Однажды нарты Бьолана провалились в одну из таких трещин, и с очень большим трудом их удалось оттуда

вытащить.

Большие «заборы», построенные на 81 и 82° южной широты, очень помогли путешественникам: чёрные флаги на вершинах гуриев виднелись за много километров, и каюры точно правили по этим вехам.

У каждого склада экспедиция останавливалась на два дня. Объявлялся полный отдых. Собаки получали корм в неограниченном количестве.

После 82° экспедиция вступила в ту область, где никогда ещё не было людей. Правда, знаменитый полярник Шеклтон за два года перед Амундсеном прошёл до 88° 23' южной широты, но он продвигался значительно западнее, там, где наметил свой путь капитан Скотт.

Чтобы облегчить себе возвращение во Фрамхейм, путешественники начали строить гурии высотой в два метра через каждые восемь километров. Это была нелёгкая работа: нужно было вырезать больше девяти тысяч снежных глыб, но этот труд потом оправдал себя полностью.

Через каждые сто километров Амундсен устраивал небольшой склад продовольствия.

Путь шёл по ровной местности, сверкающей под солнцем. Над миром стояла величавая тишина. Её нарушали лишь скрип полозьев и лыж, дыхание собак и покрякивание каюров. Время от времени налетал туман, закрывал дали. Потом снова показывалось ослепительно яркое солнце.

Достигнув 83°, путешественники увидели далёкие горы. Одну из них Амундсен назвал горою Фритьофа Нансена, а другую — именем человека, помогавшего ему в снаряжении, — Педро Кристоферсена. Горы лежали около 85° южной широты. Высота их доходила до четырёх тысяч пятисот метров. Склоны были совсем голые, глубокой сине-чёрной окраски. И по ущелью спускались ледники. «Никогда в жизни я не видел более прекрасного и более дикого ландшафта!» — записал Амундсен в своём дневнике.

Путь к полюсу проходил между этими горами, за которыми начиналось высокое плато. Перед подъёмом на плато экспедиция сделала длительный привал, и Амундсен, как всегда в серьёзных случаях, устроил совещание с товарищами.

Как быть? До полюса оставалось пятьсот пятьдесят километров. Перед путешественниками лежал очень трудный подъём, а за ним, вероятно, и другие препятствия. Тащить с собой тяжёлый груз не было смысла. Поэтому решили оставить здесь большую часть продовольствия, взяв с собой запас только на шестьдесят дней. За это время они рассчитывали достигнуть полюса и вернуться к этому же месту.

Серьёзную заботу вызывали собаки. Число их сократилось: десять собак погибло в пути, но оставалось ещё сорок две, и, чтобы прокормить эту ораву, надо было тащить с собою много тяжёлого продовольствия. Поэтому решили идти дальше на трёх нартах с восемнадцатью собаками, а остальных, поднявшись на плато, убить.

Все согласились, что это единственно разумное решение, и тут же принялись за переупаковку груза. Кроме продовольствия на шестьдесят дней, они взяли мешки с тёплой одеждой и обувью, так как обувь в полярном походе изнашивается чрезвычайно быстро. Всё остальное сложили в снег, отметив этот склад шестом с чёрным флагом.

Затем все отправились на лыжах разведать, каким же путём

подниматься на плато. С гор спускались ледники, и один из них должен был служить им дорогой. Лёд пересекали трещины, иногда очень широкие. После разведки разгорелся спор: каждый предлагал свой путь, но последнее слово оставалось за Амундсеном, и он наметил путь.

Начался подъём. Дорога шла круто вверх. Собаки старались изо всех сил, и путешественники, глядя на них, думали, что большая часть собак сейчас спешит к месту своей смерти. С ледника на ледник всё выше и выше поднималась экспедиция. На каждой остановке Амундсен или кто-нибудь из его товарищей уходил вперёд на поиски лучшего пути. Гор становилось всё больше и больше. Солнце теперь не только ярко светило, но и грело, и путники сняли с себя тяжёлые одежды, положив их на нарты. Некоторое время шли даже в одном бельё — такая была жара. Это было фантастическое зрелище, но и вокруг них развёртывались фантастические панорамы: одна гора сияла девственной белизной, рядом с нею торчали чёрные скалы, на соседней горе снег был красно-бурого цвета, а в ущельях лежали синие тени.

Чтобы легче было найти обратный путь, Амундсен ставил через каждые сто-двести метров гурии. Там, где были опасные трещины, строили даже два гурия, между которыми проходила удобная и безопасная дорога.

У всех была надежда, что, миновав плато, они встретят более ровную местность, что горы кончатся. Но, поднявшись на плато, путешественники увидели новые цепи гор, — правда, они были ниже горы Нансена, но сулили немало трудностей. Выбрав место для стоянки, путники поставили палатку, и сейчас же загремели выстрелы. Были убиты двадцать четыре собаки. Эта жестокая расправа с верными животными, так старательно выполнявшими свои обязанности, подействовала на всех угнетающе. Амундсен даже спрятался в палатку, чтобы не видеть этой бойни. Но законы полярных путешествий жестоки. Идти с собаками дальше — значило обречь и себя и собак на лишения и верную смерть.

Эту стоянку Амундсен назвал Бойней.

Мясом убитых были накормлены оставшиеся собаки, да и сами путешественники, давно уже не евшие свежего мяса, соблазнились собачиной. Вистинг сварил суп и приготовил много котлет. Вначале все морщились; впервые им пришлось есть такой суп. Но, отведав, нашли его превосходным. Такую же оценку получили и котлеты.

На этой стоянке разыгралась страшная метель. Идти дальше было невозможно. Пять суток путешественники просидели в палатке, а метель не унималась. Тогда Амундсен решил всё же продолжать путь. Это было очень рискованное решение, но и сидеть на месте было опасно. Разумеется, не только заботы о продовольствии тревожили Амундсена — ведь на месте стоянки пришлось оставить четырнадцать собачьих туш, — он боялся иного: как бы его не опередила экспедиция Скотта.

Путь был мучителен: сухой снег падал так густо, что стоящий на нарте не видел своих собак, ветер кружил острые снежинки и слепил глаза, идти приходилось точно по песку. Амундсену вспомнилось его первое путешествие по Хардангерскому плоскогорью.

Местность постепенно повышалась, затем стала совсем ровной, но вскоре со всех сторон опять надвинулись горы, едва видимые сквозь метель. Здесь всё чаще попадались трещины и стремнины. Разведчики, связавшись верёвкой, уходили вперёд и ощупью отыскивали безопасный путь.

Нужно было обладать недюжинной волей и сильным характером, чтобы преодолеть такие трудности. Каждой местности, каждой горе Амундсен и его товарищи давали своё имя. Уже отмечены были на карте горы Нильсена, Хансена, Вистинга, Бьолана, Хасселя... Некоторые места получили выразительные названия: «Чёртов ледник», «Ворота ада», «Танцевальный зал дьявола»... Уже одно это может дать представление о характере местности, по которой шла экспедиция.

Только миновав 88°, путешественники вздохнули с облегчением: местность стала ровной, как поле, и караван быстро двинулся вперёд.

А на 88° 23' случилось происшествие, глубоко взволновавшее Амундсена.

Он шёл впереди на лыжах, намечая путь. Глубоко погружённый в свои мысли, Амундсен забыл обо всём окружающем. Вдруг позади него раздались громкие крики «ура». Удивлённый, он оглянулся. Высоко в воздухе над нартами Хансена развевался норвежский флаг. Его подняли в знак того, что норвежцы достигли пункта, дальше которого не ступала ещё нога человека.

«Не могу передать чувств, охвативших меня, когда я стоял, разбираясь в происшедшем, — пишет Амундсен в своём дневнике. — Все нарты остановились, а на передних развевался норвежский флаг. Он развернулся, реял и бился так, что шёлк щёлкал. Он был необычайно красив в чистом ясном воздухе, среди ослепительно белых окрестностей. 88° 23' были пройдены, мы прошли на юг дальше, чем кто-либо из людей! Ещё ни одно мгновение за всё наше путешествие не волновало меня так, как это. Слёзы катились одна за другой, усилиями всей своей воли я не мог остановить их! Это наш флаг покори́л и меня и мою волю!.. Мы обменялись взаимными поздравлениями и рукопожатиями, — дружно мы прошли так далеко, пройдем и ещё дальше, вперёд до самой цели».

В эту минуту Амундсен вспомнил о Шеклтоне: два года назад Шеклтон достиг этих же градусов южной широты. А он, Амундсен, прошёл дальше!

В четырёх километрах от этого пункта они устроили лагерь и здесь же на месте лагеря оставили последний склад с продовольствием.

Погода в этот день улучшилась. Снег перестал идти. Ветер стих. Над миром опять стояла оглушающая тишина. Все пристально оглядели друг друга. За время перехода по горам и ущельям сквозь ледяную пургу путешественники обморозились: лица представляли сплошную

изъявленную лепёшку, покрытую кровью и гноем. «Вид у нас был как у последних разбойников и бродяг с большой дороги... — писал Амундсен в своём дневнике. — Раны очень беспокоили нас в последнюю часть нашего путешествия. Малейшее дуновение ветра вызывало такое ощущение, будто кто-то пилил нам лица тупым ножом».

Но все держались бодро. Победа была рядом. Скорей, скорей к цели! К полюсу!

Плато постепенно опускалось, двигаться было очень легко, и путешественники делали теперь по сорок километров в сутки. Они волновались: не опередил ли их капитан Скотт? Это беспокойство иногда поддерживалось ещё и тем, что собаки вдруг ни с того ни с сего начинали лаять и рваться вперёд.

— Отчего они лают? Уж не чуют ли кого они там... на полюсе?

В полдень 14 декабря определили по солнцу местонахождение: экспедиция достигла $89^{\circ} 45'$. До полюса оставалось всего двадцать восемь километров.

«В этот вечер у нас в палатке было такое настроение, как накануне праздника. Заметно было, что у дверей стоит нечто великое... Ночью я просыпался несколько раз с тем же чувством, какое бывало у меня в детстве накануне сочельника».

Так писал Амундсен в своей книге, рассказывавшей о дороге к Южному полюсу.

Никому как следует не спалось. Торопливее, чем всегда, путешественники позавтракали и пошли в обычном порядке. Погода была великолепная, праздничная. Амундсен на лыжах шёл впереди, а другие внимательно следили за одометрами (приборами, отмечающими пройденный путь; они имеют колесо, прикреплённое к задку нарт, и счётчик). Так как с десяти часов небо заволокло облаками, путь определялся только по одометрам. В три часа Амундсен крикнул:

— Стоп!

Все замерли.

Они стояли на Южном полюсе!

Желанная цель была достигнута!

Взволнованные путешественники окружили Амундсена. Они жали руки и ему и друг другу. Скупые, но горячие слова поздравлений были первыми словами, произнесенными в этой дотоле загадочной точке мира — на Южном полюсе.

Необычайное чувство охватило Амундсена. С детства он стремился в полярные страны, в юности мечтал побывать на Северном полюсе, а теперь

стоял... на полюсе Южном.

«Можно ли представить себе что-либо более противоположное?» — спрашивал он сам себя в своих записках.

Амундсен полагал, что честь достижения полюса принадлежит не ему одному, но и всем его отважным спутникам. Поэтому он попросил, чтобы все его товарищи взяли за древко. Пять рук дружно подняли флаг и водрузили его на самой южной точке Земли. Это была торжественная минута, самая торжественная за всё время их путешествия.

После этого поставили палатку и устроили праздничный обед: каждый получил по куску жареной тюленины, и впервые за время похода они выкурили по трубочке.

Вистинг вырезал на некоторых вещах слова «Южный полюс», и эти же слова Амундсен вырезал на своей трубке, бывшей с ним во всех походах. В палатке царило необычайное оживление.

В полночь, когда ярко светило южное полуночное солнце, Амундсен и Хансен произвели тщательные астрономические вычисления, чтобы определить точку полюса. Оказалось, что одометры подвели и что до полюса ещё осталось десять километров. На следующий день экспедиция перекочевала туда, и точно на полюсе установила небольшую палатку. Над ней были укреплены норвежский флаг и вымпел «Фрама».

Амундсен решил обследовать всю местность вокруг полюса в радиусе

двадцати километров.

Она была ровной как стол.

Хассель, Бьолан и Вистинг пошли в три разные стороны и установили флаги в двадцати километрах от палатки.

На полюсе норвежцы пробыли тридцать шесть часов.

Задача была выполнена.

В палатке Амундсен оставил в кожаном мешочке донесение на имя норвежского короля о том, что сделано норвежцами, а также письмо на имя капитана Скотта. В нём Амундсен просил передать королю известие об открытии полюса на тот случай, если норвежцы погибнут на обратном пути. Все пятеро расписались на доске, оставленной в палатке. Палатку хорошо зашнуровали, чтобы в неё не проник снег.

Кроме палатки, здесь были оставлены одни нарты.

Чтобы накормить голодных собак, двух пришлось убить и на двух нартах с шестнадцатью собаками путешественники двинулись обратно.

Идти теперь было всё-таки легче. Амундсену и его друзьям помогали ледяные столбы, указывавшие кратчайший путь. А сознание того, что труднейшая задача выполнена блестяще, придавало исследователям бодрость и укрепляло их дух.

Но обратная дорога всё же была очень тяжёлой. Солнце по-новому освещало местность, и ландшафт казался незнакомым. Ветер и метели совершенно стёрли следы перехода экспедиции. С большим трудом разыскали склад продовольствия, устроенный в горах. «Если бы этот склад не удалось найти, мы не только заблудились бы, но и подверглись бы всяким роковым случайностям», — писал Амундсен.

Лишь после того, как путешественники добрались до склада, они могли вздохнуть с облегчением. Люди хорошо питались, обильно кормили собак, дорогу ясно отмечали гурии, флаги и, наконец, «заборы», стоявшие подле складов.

Сейчас путешественники делали тридцать шесть километров в сутки, тогда как по пути к полюсу они в среднем проходили только по двадцать пять километров.

26 января 1912 года, в четыре часа утра, экспедиция достигла Фрамхейма.

Все ещё спали, когда в дом вошёл Амундсен и с ним его спутники. Зимовщики, разбуженные внезапно, не понимали вначале, что случилось. Они даже не узнали вошедших. Ведь прошло девяносто девять дней, как Амундсен и его товарищи покинули Фрамхейм. И теперь вот они здесь — неузнаваемые, прокопчённые, грязные, весёлые и шумные.

— Где «Фрам»? — прежде всего спросил Амундсен.

«Фрам» был уже здесь. Он пришёл три недели тому назад, проделав всю порученную ему работу. И во Фрамхейме и на «Фраме» всё было в порядке.

Никто не решался спросить Амундсена о главном. Казалось, все деликатно обходили самый важный вопрос. Наконец кто-то спросил:

— А как полюс? Были там?

— Конечно, были. Иначе вы нас не увидели бы.

Ответ вызвал неопиcуемый восторг. Это были самые праздничные минуты во Фрамхейме. Кто-то насмешливо спросил:

— Значит, капитан Скотт вас не обогнал?

Ни Амундсен, никто другой ему не ответил. Да, капитан Скотт не обогнал. И никому из норвежцев не было дела до него. В борьбе за первенство они победили. И побеждённый будто сразу был забыт. Таков жестокий закон борьбы в том мире, где жили и Амундсен, и Скотт, и все их спутники.

Через четыре дня «Фрам» вышел из Китовой бухты на север, к Тасмании.

В новый поход

Норвегия встретила Амундсена как национального героя. Навстречу пароходу, на котором ехал Амундсен, вышли тысячи парусных и паровых судов и лодок. Берега фиорда, мост через канал, стены старой крепости, набережная были покрыты тысячными толпами. Гремели сотни оркестров.

Пароход медленно шёл к пристани. Амундсен стоял на баке. Десятки тысяч глаз встречали его... Вот точно так же много лет назад Норвегия встречала Нансена после его похода через Гренландию. И юноша Руал в маленькой лодке со своими товарищами спешил тогда навстречу герою.

А сегодня Норвегия встречает его, Амундсена.

Пароход подошёл к пристани. По мосткам, украшенным красивой материей, Амундсен спустился на берег. Все кричали «ура», пели национальный гимн. Гремела музыка.

Прямо с корабля Амундсена провели в ратушу, где в его честь был устроен торжественный обед. Собрались учёные со всей Норвегии, писатели, члены правительства. Все восторженно говорили о замечательной победе и прославляли великого путешественника.

Но успех не вскружил Амундсену голову. Уже на следующий день после торжественной встречи он был на «Фраме» и наблюдал за разгрузкой судна.

Всюду его встречали и провожали толпы народа. Каждый встречный с уважением снимал перед ним шляпу. Фотографии Амундсена, его портреты были в каждом доме. Газеты трубили ему славу. И не только маленькая Норвегия, а вся Европа, весь мир узнал о человеке, открывшем Южный полюс, разгадавшем вековую тайну. Сотни лет многие верили в то, что на полюсе стоит гора высотой до неба, а другие полагали, что там не гора, а

пропасть до самого центра Земли. Амундсен первый мог с уверенностью заявить, что нет там ни горы, ни пропасти.

На полюсе теперь стоит его палатка.

И, может быть, капитану Скотту тоже удалось её увидеть.

Долгое время об экспедиции Скотта не было никаких известий.

Знали только, что он отправился к полюсу на десять дней позже Амундсена.

Проходил месяц за месяцем. Судьба экспедиции Скотта оставалась неизвестной. Общественность Англии волновалась. В газетах появились статьи, в которых писали о необходимости снарядить спасательную экспедицию. Такая экспедиция была направлена на полюс лишь восемь месяцев спустя.

И примерно через год после триумфального возвращения Амундсена пришла печальная весть.

Спасательная экспедиция, дойдя до 79° 50' по дороге к Южному полюсу, нашла полузанесённую снегом палатку и умерших от истощения и холода капитана Скотта с двумя его спутниками.

На груди капитана лежал дневник, в котором шаг за шагом отмечался весь тяжёлый путь экспедиции от зимовки до полюса и обратно от полюса до того места, где смелых исследователей застигла смерть.

Дневник капитана Скотта — это повесть о большой человеческой трагедии.

План экспедиции был составлен капитаном Скоттом прекрасно. Он подобрал замечательных спутников, так же как и Амундсен, устроил на пути к полюсу несколько складов, рассчитывая пользоваться ими при возвращении, продумал все детали путешествия, — ошибся только в том, что недостаточно высоко оценил возможности передвижения на собаках и слишком много надежд возложил на пони и на моторные сани. Моторные сани, как и предсказывал Амундсен, сломались вскоре после выхода с зимовки. А пони быстро погибли в пути. Люди принуждены были везти сани с продовольствием и снаряжением на себе.

Это был чудовищно трудный путь. И всё же на полюс пришло пять человек.

Здесь их ждало большое разочарование.

Ещё издали увидели они палатку Амундсена, над которой развевались флаг Норвегии и вымпел «Фрама».

И хотя капитан Скотт не раз говорил о том, что они идут к полюсу не ради того, чтобы побывать на нём первыми из людей, чувство глубокой горечи и неудовлетворённости не покидало их ни на минуту, пока они были

на полюсе.

Обратный поход был ещё тяжелей. Силы быстро убывали. Продовольствия едва хватало от склада до склада, так как двигались они очень медленно. Первые пятьсот километров были пройдены ими благополучно.

А дальше начались беды. Во время сильной пурги один из участников похода отморозил руки, другой — ноги. Скотт при падении ушибся и разбил плечо. Через несколько дней погиб самый крепкий участник похода — унтер-офицер Эванс. Четверо путешественников с огромным трудом продолжали путь. Ещё через несколько дней выбился из сил капитан Отс. Он понимал, что положение его безнадежно, и на одной из стоянок он в пургу и в мороз вышел из палатки, сказав на прощанье:

— Пойду прогуляюсь. Может быть, вернусь не скоро...

И ушёл навсегда.

День за днём капитан Скотт записывает всё, что с ними происходит. Вот они, напрягая последние силы, идут к очередному складу, где есть и продовольствие и топливо. Остаётся пройти только шестнадцать километров. Но поднимается снежная буря. Идти дальше невозможно. Они вынуждены поставить палатку и ждать, пока затихнет пурга. Проходит много часов ожидания. Пурга продолжается. Продовольствие на исходе.

Несколько дней они борются с голодом, с холодом и под вой ветра засыпают вечным сном.

До последней минуты капитан Скотт продолжал писать, держа карандаш обмороженными пальцами.

«Жаль, но не думаю, чтобы я был в состоянии ещё писать». Это последняя его запись в дневнике перед последними словами: «Ради бога, не оставьте наших близких...»

Чувствуя приближение смерти, Скотт написал на конверте с прощальным письмом: «Моей жене», а потом уже слабеющей рукой поправил: «Моей вдове»...

Гибель Скотта была встречена в Англии очень болезненно. Некоторые английские газеты во всём обвинили Амундсена: вот кто виноват! Он будто бы скрыл свои планы не только от капитана Скотта, но даже от своих соотечественников. Он никому не сказал, что отправляется к Южному полюсу. Он схитрил, опередив Скотта.

Эти обвинения были несправедливы. Амундсен уже с острова Мадейры послал извещение о своём намерении идти именно к Южному полюсу. Это дошло до капитана Скотта своевременно. Кроме того, экспедиционный корабль Скотта «Терра Нова» посетил стоянку Амундсена

в Китовой бухте. Да и сам Скотт в своём дневнике не раз писал о том, что ему известны намерения Амундсена. Ни разу он не обвинил его ни в хитрости, ни в сокрытии своих целей. В одном из писем в Англию капитан Скотт писал: «Если Амундсену суждено добратся до полюса, то он должен прийти туда раньше нас... Поэтому я давно решил поступить так, как будто его нет на свете. Бег с ним вперегонки расстроил бы весь мой план; к тому же не за тем как будто мы сюда пришли».

Да, конечно, в дневнике Скотта есть записи о том, какое гнетущее чувство родилось у него и его товарищей, когда они, измученные трудным переходом, увидели норвежскую палатку на полюсе. Достижение столь желанной цели не только не вдохнуло в них энергии, а, наоборот, подействовало угнетающе. Совершив величайший подвиг, сами англичане не высоко оценили его и совсем упали духом, утратили бодрость. «А бодрость потерять — всё потерять», — обычно говорил Амундсен.

Конечно, он несколько не был виноват в гибели экспедиции Скотта. И никто, кроме англичан, не пытался обвинить его в этом. За время его триумфального шествия по Европе и Америке в одной только Англии нашлись люди, которые отнеслись к нему враждебно.

На обеде, данном в честь Амундсена Королевским географическим обществом в Лондоне, президент общества лорд Керзон насмешливо говорил о том значении, которое придавал Амундсен собакам при передвижении по полярным льдам, и закончил свою речь так:

— Позволяю себе поэтому предложить троекратное «ура» в честь собак.

Это было дерзостью. Амундсен внешне сохранил полное самообладание, но тотчас же после обеда покинул Англию.

Путешествуя с докладами по Америке и Европе, он собирал средства для нового похода. Ему хотелось осуществить старый свой замысел: пройти на «Фраме» через Северный полюс, вмёрзнув во льды где-нибудь в районе Берингова пролива. Правда, спешить к Северному полюсу теперь уже нечего: там побывал Пири. Но добытые им научные данные были невелики. Амундсен же рассчитывал провести обширные наблюдения.

Средства, полученные им за доклады и за книгу о путешествии к полюсу, были значительны, однако для полного снаряжения экспедиции их, конечно, не хватало. Снова пришлось прибегнуть к помощи частных лиц, просить о займе; норвежское правительство ассигновало в распоряжение Амундсена двести тысяч крон.

Началась длительная и трудная подготовка к экспедиции. Амундсен предполагал, что путешествие будет продолжаться около семи лет.

Во время поездки по Германии в 1913 году Амундсен впервые увидел самолёт. Воздушная машина легко поднялась в воздух, сделала несколько кругов над аэродромом. Это зрелище произвело на Амундсена впечатление чрезвычайное.

«В памяти моей ещё свежи были воспоминания о долгих санных поездках в Антарктике... За какой-нибудь час аэроплан покрыл расстояние, которое при путешествии в полярных областях заняло бы много дней и стоило бы тяжёлой работы». Так описывал он свои впечатления этого дня.

И у него появилась мысль об использовании аэроплана при путешествии в Арктику. Он тотчас же решил сделаться лётчиком. С обычной своей энергией и усердием принялся Амундсен за изучение лётного дела. Сначала он летал как пассажир, затем учился управлять машиной у норвежского лётчика Сем-Якобсена. Летом 1914 года он сдал экзамен на гражданского лётчика. На экзаменационном полёте, когда Амундсен летел в качестве пассажира, аэроплан упал с высоты двадцати метров и разбился вдребезги. Лётчик и пассажир, к счастью, отделались только испугом. Амундсен, выбравшись из-под обломков разбитой машины, потребовал продолжения экзамена. На аэродроме находилась вторая машина, и на ней Амундсен полетел уже не как пассажир, а как пилот. Сделав несколько кругов над аэродромом, он красиво приземлился с высоты ста пятидесяти метров. Экзамен был выдержан. После ряда самостоятельных полётов Амундсен получил аттестат гражданского лётчика. Это был аттестат №1 — первый аттестат, выданный в Норвегии.

Один из членов будущей экспедиции, лейтенант Доксруд, по настоянию Амундсена срочно начал обучаться лётному делу. Дело пошло успешно. Оба они уже представляли себе, как во время арктического путешествия поднимутся над льдами и будут вести широкую разведку.

В тот день, когда Доксруд сдал экзамен, Амундсен купил самолёт и отправил его на «Фрам».

Ему казалось, всё теперь налаживается прекрасно, — через несколько месяцев экспедиция отправится в путь. И вдруг в самый разгар подготовки вспыхнула первая мировая война. Она быстро охватила всю Европу, а затем и весь мир. Никто уже не интересовался ничем, кроме войны. Даже маленькая нейтральная Норвегия держалась наготове и собирала средства на оборону.

Амундсен отказался взять двести тысяч крон, отпущенных ему на экспедицию, и передал правительству свой самолёт. Ни о какой экспедиции, разумеется, не могло быть и речи. Приходилось сидеть и ждать.

Ждать! Бессмысленно тратить время! Остановиться на полном ходу...

С горечью и негодованием смотрел Амундсен на страшную человеческую бойню.

В первые месяцы войны всё в Норвегии будто замерло: торговля сократилась, суда стояли в портах на приколе, промыслы замерли. Но вот потребовалось перевозить грузы через океан из Америки в Англию и во Францию... Норвежские пароходные компании и отдельные лица стали получать большие заказы на перевозку грузов. Потребовалась даже постройка новых судов. Воюющие страны начали закупать в Норвегии сельскохозяйственные продукты, рыбу, скот. Огромные деньги потекли в карманы норвежских предпринимателей.

И Амундсен решил тоже принять участие в финансовых предприятиях, чтобы добыть возможно больше денег для будущей экспедиции. Все свои сбережения он вложил в акции одной пароходной компании и в полтора года нажил миллион крон. Для его экспедиции этого было более чем достаточно. Уже в 1916 году он прекратил свои финансовые операции и снова принялся энергично готовиться к полярному походу.

Главным расходом был ремонт «Фрама».

За два года неподвижной стоянки на приколе «Фрам» сильно обветшал. На его ремонт потребовались бы большие деньги. Пожалуй, выгоднее было построить новый корабль. И в том же 1916 году Амундсен договорился с судостроителем Иенсеном о постройке нового судна по такому же типу, как «Фрам», но с некоторыми улучшениями. Днище нового корабля так же, как и у «Фрама», должно быть округлым, чтобы полярные льды не могли его раздавить, а выталкивали вверх. Через год судно было готово, спущено на воду и получило название «Мод», по имени норвежской королевы.

Пока шла постройка судна, Амундсен готовил снаряжение и припасы. Консервы и другие пищевые продукты он закупал в Америке. Европа в это время уже голодала, и закупать продовольствие в Норвегии было невозможно.

В Америке же и в Англии были приобретены первоклассные научные приборы.

Война становилась всё ожесточеннее. Немецкие подводные лодки топили суда не только воюющих с нею стран, но и стран нейтральных. В октябре 1917 года немецкая подводная лодка без всякого предупреждения потопила в Северном море норвежское торговое судно. Когда же экипаж погибающего корабля пытался спастись на шлюпках, немцы расстреливали

шлюпки. Возмущение Амундсена было безграничным.

В тот день, когда Норвегия узнала об этой зверской расправе, Амундсен решил вернуть германскому послу в Норвегии все ордена и медали, когда-либо полученные им от германского правительства и германских обществ.

Амундсен запаковал немецкие награды — медали и ордена — в большой конверт, написал официальное заявление об отказе от них и отправился в германское посольство. Его сразу же провели к послу, князю Виду. С послом Амундсен встречался не раз. Посол поспешил навстречу и, улыбаясь, протянул ему руку. Амундсен сделал вид, что не замечает протянутой руки. Произошло мгновенное замешательство.

— Я пришёл к вам по чрезвычайному делу, — начал Амундсен.

Он вынул из кармана пакет, затем развернул лист бумаги, на котором была написана тщательно составленная им речь на немецком языке, и громко прочёл её послу.

В этой речи он выражал свое глубокое негодование. Он говорил, что принёс с собой знаки отличия, полученные в Германии, чтобы вернуть их обратно, потому что на тех, кто их ему дал, он не может смотреть без отвращения и презрения.

Поступок Амундсена вскоре стал достоянием английской и американской печати. Американцы пригласили Амундсена приехать во Францию, где в это время они бились с немцами. В первый раз Амундсен своими глазами увидел войну. Немцы не могли простить Амундсену его поступка. Ходили упорные слухи, что немецкие подводные лодки ни за что не пропустят яхту «Мод» из Норвегии в Ледовитый океан.

А «Мод» уже была готова к походу.

Накануне её выхода в море норвежский посол в Германии посоветовал Амундсену испросить у германских военных властей разрешение на свободное плавание: иначе «подводные лодки Германии потопят яхту».

Амундсен гордо отверг это предложение. Он только обратился с просьбой к английскому адмиралу Симсу, чтобы тот сообщил ему, когда немецкие подводные лодки уходят из Северного моря на свои базы за горючим.

24 июня 1918 года «Мод» покинула Христианию и пошла вдоль берегов Норвегии к северу. Через несколько дней она прибыла в Варде — самую северную норвежскую гавань. Отсюда «Мод» направилась в Ледовитый океан.

Этот участок пути был самым опасным. Немецкие подводные лодки шныряли здесь повсюду. Амундсен приказал приготовиться на случай нападения: спасательные лодки могли быть спущены в любую минуту, в лодках лежал двухнедельный запас продовольствия и тёплая одежда.

Всё обошлось благополучно: «Мод» прошла через опасную зону и вскоре достигла Югорского Шара.

Как всегда перед очередной своей экспедицией, Амундсен старательно собирал все материалы, добытые предыдущими путешественниками о данной местности. Теперь он вступал в область, где уже несколько столетий плавали на своих судах русские люди. Русские стали осваивать Арктику очень давно — начиная с XV века. Уже в XVII веке они знали почти всё побережье от Мурманска до Берингова пролива. В 1648 году русский мореход Федот Алексеевич Попов и якутский казак Семен Дежнёв первыми прошли на судне из Ледовитого океана в Тихий, доказав тем самым, что Азия отделена от Америки проливом.

В 1725 году, при Петре I, была снаряжена большая северная экспедиция Беринга для обследования берегов Восточной Сибири. Беринг провел две экспедиции, он и его спутники собрали огромный научный материал. Русские мореходы братья Лаптевы, Чириков, Прончищев, Малыгин, Челюскин обследовали северные берега Азии и Карского моря до Берингова пролива. По мысли гениального русского учёного Ломоносова была снаряжена экспедиция для нахождения кратчайшего морского пути из Белого моря в Тихий океан. Экспедиция кончилась неудачей — парусные суда не смогли преодолеть труднейших льдов. И впервые северо-восточный путь был пройден лишь в 1878-1879 годах экспедицией шведа Норденшельда.

В 1912 году из Баренцева моря отправились две экспедиции: Русанова на «Геркулесе» и Брусилова на «Святой Анне». Их целью было найти удобный путь в Тихий океан.

Обе экспедиции пропали без вести. Лишь со «Святой Анны» вернулись в 1914 году двое — штурман Альбанов и матрос Кондрат. Они покинули судно на 83° северной широты и с большими трудностями

добрались до Земли Франца Иосифа. Отсюда их доставила в Архангельск шхуна экспедиции Георгия Седова «Святой Фока».

Экспедиция лейтенанта Георгия Седова на «Святом Фоке» зимовала на Земле Франца Иосифа. Седов пытался достичь Северного полюса пешком, в сопровождении двух матросов, но умер в пути. Его дневник матросы принесли на шхуну.

В 1914-1915 годах два русских судна — «Таймыр» и «Вайгач» — под командой капитана Вилькицкого прошли из Тихого океана в Белое море.

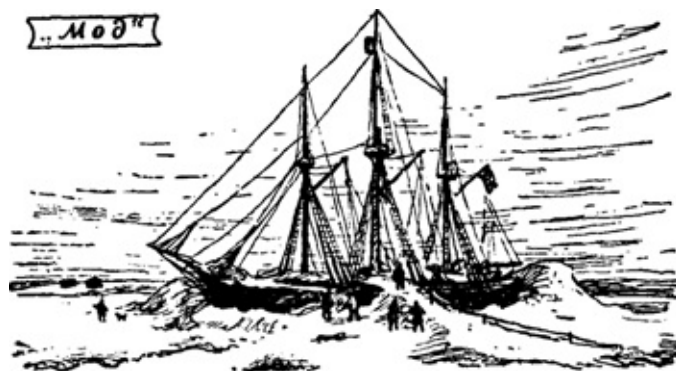
Русские проявили любознательность, храбрость, выносливость, изучая земли и моря своей родины. Это были бесстрашные путешественники и исследователи. Многие из них знали языки народов, обитавших на северных окраинах России, хорошо были знакомы с их бытом. Амундсен понимал, что для успеха дела ему понадобится опытный, знающий Север помощник. Среди русских моряков таких людей было немало.

С одним из них — Геннадием Олонкиным — Амундсен встретился в Югорском Шаре. Олонкин был радистом. Помимо родного русского языка и английского, он знал языки северных народов. Амундсен пригласил Олонкина принять участие в экспедиции. Через Олонкина он всё время получал потом сообщения русских радиостанций.

Из Югорского Шара «Мод» пошла дальше в Карское море.

Начинался трудный и далёкий путь по северо-восточному проходу вдоль северных берегов Азии.

Три зимовки

Только трём экспедициям удалось до этого времени пройти северо-восточным проходом: первой экспедиции Норденшельда на «Веге» и «Лене»; второй — Нансена на «Фраме», и третьей — Вилькицкого и Толля на «Заре», «Таймыре» и «Вайгаче». Яхта «Мод» была седьмым кораблём, которому предстояло совершить этот путь.

Небольшая, отлично построенная и великолепно снаряжённая, она, казалось, должна была пройти путь без больших затруднений.

Но... бывают годы сильных морозов, очень низкой среднегодовой температуры, и тогда плавание во льдах становится очень трудным. Полярники говорят: «тяжёлые льды». Амундсен встретился именно с такими тяжёлыми льдами.

Понадобился целый месяц, чтобы пройти Карское море.

1 сентября «Мод» подошла к острову Диксон. Тут были приняты на борт дополнительные запасы горючего, и яхта двинулась дальше. 9 сентября, она миновала мыс Челюскин — самую северную точку Азии, а четыре дня спустя у восточного берега Таймырского полуострова попала в непроходимые льды и остановилась. Местность малоподходящая для зимовки: плоский берег и рядом два небольших островка, едва возвышавшихся над уровнем океана. Никакой защиты ни от суровых ветров, ни от льдов. Однако выбора не было. Пришлось остановиться здесь, около этих небольших островков, в надежде, что они спасут яхту от напора льда.

Яхту поставили в ста пятидесяти метрах от берега, где участники экспедиции и решили построить два домика: один для собак и другой для обсерватории.

30 сентября оба домика были закончены, а когда наступили сильные холода и метели нанесли горы снега, экипаж принялся строить вокруг яхты снеговую и ледяную стены, чтобы защитить её от суровых ветров. Стена была возведена вровень с палубой, в одном месте сделали пологий спуск с яхты на лёд и вместо перил протянули канат.

Казалось, всё обещало благополучную зимовку.

Как всегда на зимовках, Амундсен в определённый час выходил на прогулку, считая, что такая прогулка необходима для поддержания здоровья.

В одно октябрьское утро он вышел на палубу, где его встретила любимая собака. Амундсен взял её на руки. В это время на него налетела другая собака, Якоб, и, ласкаясь, с такой силой толкнула его лапами в бок, что Амундсен полетел вниз головой с высоты более трёх метров прямо на лёд и почти потерял сознание от дикой боли. Вистинг бросился к Амундсену, поднял его, помог подняться на судно. Когда-то Вистинг обучался уходу за больными. Осмотрев Амундсена, он нашёл у него перелом плеча. Боль была настолько острой, что Амундсен не выносил никакого прикосновения к плечу, однако Вистингу всё же удалось прибинтовать руку к туловищу больного, и он заставил его пролежать восемь дней в постели.

Но люди сильной воли умеют побеждать боль. Это правило Амундсен внушал себе с детства. Через две недели он уже бродил с перевязанной рукой по палубе, а ещё через неделю стал спускаться на лёд и совершать обычную ежедневную прогулку.

8 ноября он вышел на палубу рано утром, когда было ещё темно. Ласково повизгивая, подбежал к нему Якоб. Вместе с ним Амундсен спустился на лёд и остановился у носа яхты. Якоб весело побежал вперёд и скрылся в полумраке. Вдруг Амундсен услышал какой-то свист. Это дышала мчавшаяся со всех ног собака. Вслед за ней из темноты вынырнула громадная белая медведица с медвежонком. Увидев человека, она остановилась и от удивления присела на лёд, как раз возле спуска. Несколько мгновений Амундсен и медведица смотрели друг на друга. Никакого оружия при нём не было, да к тому же одна рука висела на перевязи. Он бросился бежать на палубу. Медведица одним скачком догнала его и тяжёлым ударом лапы сбила с ног. В это мгновение на медведицу налетел Якоб. Медведица повернулась к нему, погналась за ним... Амундсен вскочил на ноги и вбежал в каюту.

«На этот раз гибель моя была совсем близка — ближе, чем когда-либо в моей жизни», — записал отважный путешественник в своих

воспоминаниях об этом событии.

Медведица когтями оцарапала ему спину. Раны на спине были несерьёзные, но в плече снова появилась резкая боль и рука висела как плеть. Он не мог держать карандаш.

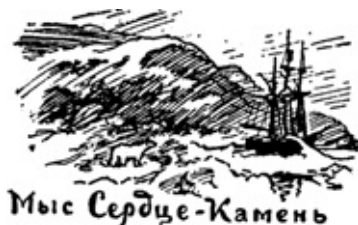
По несколько раз в день он садился на стул и, плотно прижавшись к спинке, левой рукой поднимал правую, больную руку вверх, сколько мог. Боль была невыносимая. Однако Амундсен упорно повторял упражнение раз за разом. Месяца через два он уже мог поднять правую руку до лица, а ещё через некоторое время рука, по его собственным словам, «пришла в порядок». Только что же это был за «порядок»? Да, рука вполне действовала. Однако когда два года спустя в Сиэтле врачи сделали рентгеновский снимок плеча, они были чрезвычайно изумлены: плечо срослось совсем неправильно — рука не должна бы действовать. Тем не менее она действовала, двигалась, как вполне здоровая. Силой воли Амундсен заставил её действовать.

Ещё более поразительное самолечение Амундсен провёл при другом несчастном случае.

В ту же зиму Амундсен делал как-то наблюдения в обсерватории. Горящая лампа начала выделять ядовитые газы. Увлечённый работой, Амундсен вначале ничего не замечал. Вдруг у него закружилась голова, сердце начало давать перебои. Почти теряя сознание, он успел всё же выбраться из домика на свежий воздух. Ядовитые газы отравили его. Ужасное сердцебиение мучило его много дней. Он не мог даже подняться по трапу на палубу — такие острые боли ощущались в сердце.

И вот Амундсен начинает лечить своё сердце. «Если человек захочет переделать себя, он этого добьётся», — это было для него законом. Он верил, что изумительные целительные силы заложены в самом человеке. Разве можно было ему забыть о том, каким слабым и хилым был он в детстве и юности? Значит, и сейчас можно было побороть болезнь.

Сначала Амундсен медленно ходил по каюте, приучая сердце к правильной работе. Через несколько недель он начал выходить на палубу. Потом на лёд... В конце концов боли в сердце прекратились, оно окрепло и работало нормально.

В 1922 году, будучи в Лондоне, Амундсен зашёл к специалисту по сердечным болезням. Тот сказал ему:

— Ваше сердце в таком состоянии, что вам надо прекратить всякую физическую работу, если вы хотите протянуть ещё несколько лет.

А через девять месяцев после этого совета Амундсен совершил переход на лыжах с мыса Барроу до города Ном, делая по сто километров в день!

Расстояние между этими пунктами равнялось тысяче шестистам километрам!

Рассказывая об этих случаях из своей жизни, Амундсен вовсе не хотел посрамить медицину. Нет! Он относился к ней с уважением. Он только хотел показать, чего может достигнуть человек, если им руководит чувство долга.

Три несчастных случая — падение на лёд, стычка с медведицей и отравление газом — сильно угнетали Амундсена на первой зимовке.

А тут ещё суровая зима и не менее суровая весна. Льды не вскрывались дольше, чем обычно. Наконец пришло долгожданное лето. «Мод» была готова к дальнейшему плаванию. А льды всё так же крепко держали её в оковах. Вдали, за островами, океан уже вскрылся. Только тысяча метров отделяла яхту от вольной воды. И Амундсен невольно вспомнил своё сидение на «Бельгике» во льдах Антарктики и тот способ, с помощью которого «Бельгику» вырвали из оков.

Если там удалось вырваться, то удастся и здесь.

И экипаж «Мод» принялся за работу! Сам Амундсен и его спутники просверлили во льду по прямой линии от яхты до открытой воды пятьдесят скважин, заложили в них динамит и одновременно взорвали. Увы! Эффекта не получилось! Во льду не было заметно никаких трещин. Ледовая преграда оставалась такой же крепкой, как и до взрывов. Тем не менее Амундсен был убеждён, что взрывы дадут свои результаты. По навигационным таблицам он установил, что уровень самой высокой воды должен наблюдаться в ночь на 12 сентября. Он надеялся, что вода в эту ночь поднимет лёд, незаметные трещины вскроются, и «Мод» вырвется из оков.

Наконец наступила эта желанная ночь. Машины «Мод» были подготовлены к работе ещё с вечера. Весь экипаж собрался на палубе. Удастся ли им вырваться? Вскроется ли ледяное поле? Вот вопросы, которые волновали всех. А ночь была изумительная. Амундсен никогда не видел такой красивой полярной ночи. Всё сверкало в лунном свете. Белые

медведи бродили по ледяным полям. И, споря с лунным светом, переливалось яркое северное сияние.

Вдруг в полной тишине послышалось потрескивание льда. Лёд трещал как раз там, где взрывами была проложена дорожка. Вскоре появилась первая трещина, за ней вторая, третья. Лёд начал ломаться на куски. Не теряя времени Амундсен, искусно лавируя между плавающими льдинами, вывел «Мод» в открытый океан.

Взяв курс на восток, «Мод» прошла пролив между Новосибирскими островами и материком. Восточнее островов яхта снова наткнулась на сплошной лёд, который потащил её к югу. У западного берега острова Айон льды прекратили движение, и яхта осталась здесь на вторую зимовку.

Это было 23 сентября 1919 года.

На этот раз плавание «Мод» продолжалось всего одиннадцать дней!.. И опять остановка на многие месяцы.

Нужно было огромное терпение, чтобы выдержать столь суровые удары природы.

Когда выяснилось, что «Мод» остановилась на вторую зимовку, матросы Тесем и Кнутсен решили покинуть судно, на лыжах пройти по льдам до острова Диксон и оттуда дальше к берегам Сибири. От стоянки «Мод» до Диксона было около девятисот километров.

Матросы взялись доставить в Норвегию научные материалы, уже добытые экспедицией. Хорошо снабжённые продовольствием и одеждой, они отправились в тяжёлый путь³.

Всю вторую зимовку Амундсен провёл на борту яхты. Научные сотрудники во главе с доктором Свердрупом занимались обследованием ближних берегов Сибири, собирали этнографический материал среди чукчей. Чукчи пришли на остров, как только установилась зима. Экипаж «Мод» вступил с ними в самые тесные дружеские отношения.

Зима прошла тихо. Амундсен продолжал самолечение, — его сердце ещё пошаливало.

На этот раз лёд вскрылся уже в первых числах июля 1920 года, и яхта тут же двинулась на восток. Две недели спустя она обогнула мыс Дежнёва и вышла в Берингов пролив.

Когда-то Амундсен пришел сюда с востока на «Йоа». И вот теперь он пришёл с запада на «Мод».

Так он первый совершил кругосветное путешествие в северных полярных водах...

Через Берингов пролив путешественники направились к городу Ном. Нужно было пополнить запасы продовольствия и топлива. Кроме того,

Амундсен хотел показаться врачу: рука и сердце продолжали его беспокоить.

В начале августа «Мод» прибыла в Ном. Четыре человека из экипажа захотели вернуться в Норвегию. На яхте остался совсем маленький экипаж: сам Амундсен, доктор Свердруп, Вистинг и Олонкин.

И всё-таки, когда запасы были пополнены, Амундсен решил продолжать намеченную программу — вмёрзнуть в лёд восточнее Берингова пролива и дрейфовать через полярный бассейн.

Осенью 1920 года «Мод» вышла в море.

Через несколько дней встретились тяжёлые льды. Яхту прижало к берегу возле мыса Сердце-Камень, льды сломали винт, и «Мод» остановилась на третью зимовку.

Всю зиму возле яхты жили чукчи, и у Амундсена завязалась с ними настоящая дружба. А когда весной вскрылся путь и яхта направилась в Сиэтль чиниться, пятеро чукчей охотно поступили на яхту матросами.

В конце августа «Мод» прибыла в Сиэтль и здесь стала на ремонт.

Тяжёлые годы

Ремонт яхты не мог быть окончен раньше чем через год. Передав яхту опытным мастерам, Амундсен уехал на родину, чтобы добыть денег на продолжение экспедиции. Сейчас, когда он стал знаменит, это уже не представляло больших трудностей. Двести тысяч крон ассигновало ему правительство, сто тридцать тысяч крон пожертвовали общества и частные лица. Это была достаточная сумма, чтобы снабдить экспедицию всем необходимым.

Перед самым отъездом он узнал, что один из самолётов новой конструкции поставил мировой рекорд продолжительности полёта, продержавшись в воздухе двадцать семь часов. Это сообщение навело Амундсена на такую мысль: «А нельзя ли с помощью такого аэроплана перелететь от материка до материка через весь Ледовитый океан?»

И Амундсен решил купить этот самолёт, доставить его на мыс Барроу и отсюда полететь через полюс на Шпицберген.

Он приобрел самолёт и повёз его в Сиэтль, где «Мод» готовилась к отплытию. Амундсен хотел уже погрузить машину на яхту, чтобы она доставила самолёт на мыс Барроу. Но нашлось другое судно, капитан которого согласился доставить Амундсена и лётчика Омдаля с самолётом на мыс Барроу. А «Мод» пошла прямо на север, вмёрзла в лёд и в течение трёх лет дрейфовала в Северном Ледовитом океане. Всего на яхте было восемь человек под командой Вистинга. Научную работу вели доктор Свердруп и молодой шведский учёный Мальмгрен.

Подготовка к полёту велась в бухте Уэнрайт, недалеко от мыса Барроу, куда приехал Амундсен. Лётчик Омдаль торопился закончить работу до зимы, но приготовления оказались очень сложными. Они ещё не были

закончены, как ударили морозы, и полёты пришлось отложить до весны. Вот тогда-то, 19 ноября 1922 года, Амундсен и совершил переход из Уэнрайта в Ном, пройдя тысячу шестьсот километров на лыжах. Он вернулся на мыс Барроу только в мае 1923 года. Омдаль ожидал его, уже готовый к полёту.

Через несколько дней был устроен пробный полёт. Полёт прошёл удачно, но при посадке одна лыжа самолёта сломалась и было повреждено шасси. Омдаль поехал в Сиэтль за новыми деталями для машины. Амундсен остался в Уэнрайте. И здесь он получил телеграмму из Сиэтля от некоего Хаммера: «Приезжайте. У меня есть для вас три самолёта». Амундсен немедленно отправился. Хаммер, оказавшийся корабельным маклером в Сиэтле, рассказал Амундсену, что он только что приехал из Германии, где беседовал с представителями фирмы Дорнье-Валь, и фирма соглашалась предоставить в распоряжение Амундсена три самолёта на поплавках.

— У меня нет денег, — с сожалением сказал Амундсен.

Но Хаммер его успокоил: деньги можно легко достать. Он, Хаммер, отпечатает открытые письма на тончайшей бумаге, эти письма Амундсен возьмёт с собой в полярный перелёт, а затем Хаммер будет продавать их по дорогой цене любителям редкостей. Можно также попросить норвежское правительство выпустить особую марку, которую можно будет наклеивать на открытки. Это даст много денег. Амундсен по своей непрактичности поверил в проекты Хаммера и выдал ему полную доверенность на ведение своих дел в Европе и Америке.

Хаммер оказался ловким мошенником. Он занимал деньги направо и налево, выдавая долговые обязательства от имени Амундсена. Когда мошенничество Хаммера обнаружилось, было уже поздно: Амундсен был опутан огромными долгами.

А тут ещё и неудача с полётами. К новому проекту Амундсена перелететь через полюс на аэроплане многие в Европе и Америке относились недоверчиво. И когда полёт не состоялся, кое-кто начал обвинять Амундсена в нерешительности. У него было немало завистников и тайных недругов. Они со злорадством говорили о его неудачах, обвиняли в недобросовестности, даже в нечестности, в авантюризме и мошеннических проделках. «Псы сорвались с цепей», — с глубокой горечью говорил Амундсен.

«После тридцати лет упорных трудов, направленных к достижению одной цели, после жизни, прожитой в строжайших понятиях о чести, мое имя начали трепать и топтать в грязь, поднятую всеми низкими сплетнями

только потому, что я доверился недостойному человеку».

Таковы уж нравы буржуазного мира, в котором человек человеку — волк.

Надежды на помощь в организации новой экспедиции падали из месяца в месяц. Даже в Норвегии перестали интересоваться лекциями Амундсена и его статьями.

Тогда он поехал в Америку, чтобы прочесть там несколько лекций о своём новом замечательном плане.

Однако и в Америке его выступления не пользовались успехом. Сборы были ничтожны.

Амундсену показалось, что его карьера полярного исследователя кончена навсегда. И вот тут-то, в один из мрачных дней, пришла к нему неожиданная помощь.

На самолётах к полюсу

После очередной лекции, на которую пришло десятка полтора американцев, Амундсен в безнадёжном настроении сидел в номере нью-йоркской гостиницы. Он понимал, что дело его провалилось, что нужно возвращаться на родину, где его — увы! — встретят совсем не так, как встречали прежде. Будущее было печальным и не сулило никакого просвета. Похоже было на то, что кончается не только карьера, но и жизнь.

Вдруг зазвонил телефон.

Амундсен поднял трубку и услышал незнакомый голос:

— Мистер Амундсен дома?

— Да, я у телефона, — мрачно сказал Амундсен, не ожидая от разговора ничего хорошего.

— Мы встречались с вами, мистер Амундсен, во Франции, во время войны. Вряд ли, конечно, вы меня помните. Я — Линкольн Эльсворт, ваш поклонник и почитатель. В полярных путешествиях я, правда, новичок, но очень ими интересуюсь и мог бы предоставить вам средства для новой экспедиции.

...Через полчаса Эльсворт был у Амундсена. Он рассказал, что давно чувствует влечение к путешествиям по северу и добудет средства, если Амундсен возьмёт его с собою в экспедицию.

Амундсен верил и не верил внезапному счастью. Огорчения минувших дней сняло как рукой.

— Для полёта нам необходимы два больших самолёта «Дорнье-Валь», — сказал он.

— Хорошо, — ответил Эльсворт. — Я куплю два самолёта. Я готов сделать всё.

В тот же вечер они наметили план экспедиции. Амундсен послал телеграммы в Норвегию своим друзьям — лётчикам и механикам — и предложил им готовиться к полётам на Северный полюс.

А ещё через три месяца, в начале мая 1925 года, Амундсен и Эльсворт уже были на острове Шпицберген, где их ожидали два самолёта «Дорнье-Валь» N24 и N25, привезённые океанским пароходом. Для своего времени это были хорошие машины, с просторными кабинами. Они могли плавать по воде, скользить по льду и снегу. С гидропланами прибыли лётчики Дитрихсон и Рисер-Ларсен, механики Омдаль и Фойхт. На этих людей, смелых, решительных, выносливых, Амундсен мог положиться, как на самого себя. С одним из них, Омдалем, ему уже приходилось летать в мае 1922 года, и он знал, что Омдаль обладает твёрдым характером, всегда спокоен, всегда находчив и ничто не может согнуть его.

Когда все собрались на Шпицбергене, откуда должен был начаться перелёт, Амундсен на первом же совете предложил исследовать ледяные просторы как можно дальше к северу, вплоть до полюса. Что находится к северу от Шпицбергена? Море или суша? Этого ещё никто из полярников не знал. И это нужно было выяснить точно.

В продолжение трёх недель лётчики приводили в порядок самолёты и богатое снаряжение; они забирали с собой полярные сани и складные лодки на случай, если придётся спуститься на лёд и пешком пробираться назад, к земле. Экспедиция располагала превосходной тёплой одеждой, массой продовольствия. Нужды не было ни в чём.

С утра 21 мая дул лёгкий попутный ветер. Лётчики и механики в последний раз проверили моторы, и в три часа дня все собрались у машин.

Из ближнего посёлка Кингсбея пришли проводить их рабочие и инженеры угольных рудников. Путешественники облачились в тяжёлые меховые одежды и начали размещаться по самолётам: Эльсворт, Дитрихсон и Омдаль летели на самолёте N24, Амундсен, Рисер-Ларсен и Фойхт — на самолёте N25.

Самолёт N25 двинулся в путь первым. Он быстро скользнул по льду днищем своей гондолы и поднялся в воздух. При подъёме лёд кругом трещал, из трещин фонтанами била вода, но пилот Рисер-Ларсен знал своё дело: аппарат резким рывком оторвался от льда и понёсся по воздуху.

Амундсен сидел в кабине для наблюдателя. Через большие зеркальные окна он видел Шпицберген как на ладони.

Почти весь остров был закрыт снегом и льдом. Только небольшие пятнышки земли и камней чернели на западном берегу. Далеко на востоке и на севере поднимались ледяные зубцы гор. Всё было полно ледяного

сверкания.

Они уже пролетели большое расстояние, как вдруг Амундсен обнаружил, что самолёт N24 исчез. Может быть, он не сумел оторваться от льда, остался на месте? Или, поднявшись в воздух, упал опять? Амундсен сделал знак, и Рисер-Ларсен повернул обратно. Нельзя было одному самолёту лететь в такое рискованное путешествие. Но через несколько минут Амундсен заметил на пути полёта какое-то сверкание, — это солнце играло на крыльях самолёта N24. Теперь машины летели на север, держась неподалёку друг от друга. Солнце всё время ярко сияло. Поравнявшись с последним островом — Амстердамским, они попали в туман. Сперва туман налетал серыми холодными клочьями, потом стал гуще и плотнее. Амундсен потерял другой самолёт из виду.

Рисер-Ларсен дал руль высоты, самолёт поднялся над туманом. Снова показалось солнце. В стороне Амундсен вдруг увидел полное отражение самолёта, окружённое радужным ореолом. Так они и летели, самолёт и его сияющая тень, отражённая на облаке. Иногда внизу туман разрывался, и Амундсен видел огромные ледяные поля. Льды, очевидно, находились в движении, между отдельными льдинами темнели трещины.

В восемь часов вечера туман внезапно начал редеть и в одно мгновение исчез. Огромная сверкающая поверхность открылась перед глазами лётчиков. Это было гигантское ледяное поле. Спустившись пониже, лётчики убедились, что садиться на такой «аэродром» — значит, разбить машину и самих себя. Кое-где льдины стояли, точно зубчатый забор. Гладкой площадки не было нигде. Время от времени попадались во льду чёрные трещины, похожие на небольшие извилистые ручьи. Нечего было и думать о посадке.

Всё пока шло отлично: моторы работали, как часы, самолёты шли с быстротой ста пятидесяти километров в час. И небо было чистое и ясное.

Около десяти часов вечера на севере показалась тонкая пелена слоистых облаков. Она лежала высоко и нисколько не мешала лётчикам. Амундсен всё время напряжённо вглядывался вперёд и убеждался, что нигде и никогда ещё не видел ничего более пустынного и унылого. Когда он проходил, бывало, по таким льдам, он встречал то чайку, то белого медведя или, наконец, видел какие-нибудь следы. А с самолёта он не мог видеть ничего, кроме сверкающей белизной пустыни.

В полукилометре за ними на той же высоте шёл самолет N24.

Ровно в полночь самолёты достигли 87° северной широты. Ещё триста километров с небольшим — и они будут над Северным полюсом.

Солнце высоко стояло на небе. Льды мрачно сверкали, и красноватые

тени тянулись от ледяных заборов.

В начале второго часа открылось первое свободное от льда пространство. Оно походило на большое озеро, в которое со всех сторон впадали короткие реки с широкими устьями.

И в это время механик Фойхт крикнул пилоту:

— Половина бензина израсходована!

Пилот закричал Амундсену:

— Половина бензина израсходована! Нужно прекращать полёт.

Амундсен подал знак спускаться.

Самолёт широкими кругами пошёл на снижение. Большое озеро, замеченное лётчиками, было ещё довольно далеко, как вдруг мотор закопризничал, и лётчик принужден был перевести машину на посадку.

Со страшной быстротой самолёт пошёл вниз, в ближайшее разводье, где плавало множество мелких льдин. Они с грохотом застучали о борта лодки самолёта. Снег, лежавший на льдинах, поднялся вихрем. И сквозь эту пургу Амундсен увидел, что они несутся навстречу смерти. Прямо на пути самолёта торчал ропак — ледяная стена, о которую они неминуемо должны были разбиться. Впервые за всё время полёта Амундсену стало жарко.

Но движение машины понемногу замедлялось — возможно, что роль своеобразных тормозов сыграли льдины, угрожающе барабанившие по бортам лодки. Ещё несколько секунд — и самолёт упёрся носом в толстую льдину. Амундсен открыл кабину и сошёл на лёд. За ним вышли пилот и механик. Было холодно, густым слоем лежало на воде сало.

Сало и мелкий лёд быстро и крепко примёрзли к бортам самолёта. Лётчики повёртывали самолёт направо, налево, раскачивали его, пытаясь втащить на льдину, но аппарат был слишком тяжёл. Вконец измученные, они начали выносить из него провиант и снаряжение, укладывая всё прямо на лёд. Если аэроплан окончательно будет затёрт, то хоть пища и сани останутся у них.

Лёд кругом был взломан. Кое-где он лежал холмами.

Амундсен взобрался на ледяной холм и долго смотрел в бинокль. Он искал самолёт N24. Однако нигде не мог его обнаружить. Неужели он разбился при посадке? Ведь он должен был сесть где-то рядом. Вдруг Амундсену послышался выстрел. Но, может быть, это треснул лёд?

Скрывая тревогу, Амундсен вернулся к своим товарищам.

Все были измучены вконец. Нужно было отдохнуть. Забравшись в самолёт, они зажгли грелки, влезли в тёплые спальные мешки и заснули. Через два часа все опять были на ногах. Амундсен заметил, что канал за это короткое время сузился. В любой момент он мог совсем закрыться.

Требовалось немедленно вытащить машину на крепкий лёд. Для троих людей эта работа была непосильна. Легче было перевести машину по воде в безопасное место. Такое место было недалеко — метрах в пятидесяти. Там узкий и опасный канал расширился в целый залив. Однако проход в залив закрывала большая льдина. А как убрать эту льдину? У лётчиков не было ни кирки, ни лопаты — только маленький топорик, три финских ножа да небольшой якорь.

И они, не раздумывая долго, принялись за работу. Десять часов подряд они скалывали с льдины небольшие куски и на руках относили их в сторону. Работа шла очень медленно. Время от времени Амундсен с биноклем в руках взбирался на верхнюю часть машины, надеясь увидеть второй самолёт. Когда он спускался вниз, Рисер-Ларсен и Фойхт пытливо смотрели на него. Амундсен коротко отвечал:

— Нет!

И все трое ожесточённо продолжали колоть лёд, чтобы работой заглушить тревогу. Через пятнадцать часов льдина была убрана. Прикрепив к крыльям самолёта длинные верёвки, лётчики перевели его из канала в залив. Теперь машина была как будто в безопасности, но её ждала новая беда: самолёт начал быстро обмерзать и стал так тяжёл, что трое людей с трудом могли его раскачать, хотя он стоял на свободной воде.

— Должно быть, придётся назад пойти пешком, — проворчал

Амундсен.

— До какого места? — спросил Рисер-Ларсен.

— Мы пройдем до мыса Колумбия. У нас есть сани, есть продовольствие, и, если считать по килограмму в день на человека, нам хватит его на целый месяц.

— Надо всё же попытаться вытащить машину, — сказал Ларсен, который не пришёл в восторг от предложенной прогулки до мыса Колумбия.

— Легко сказать, а как это сделать?

— Мы устроим ледяной скат и по скату втащим машину.

Они обошли залив, выискивая место для ската. Подходящее место было скоро найдено, и лётчики приступили к работе.

Амундсен решил ещё раз осмотреть окрестность, не видно ли самолёта N24. Едва он поднёс бинокль к глазам, как ясно увидел машину километрах в пяти по другую сторону озера.

Немного левее была разбита палатка, а ещё дальше, на ледяном холме, развевался флаг.

Амундсен закричал:

— Я вижу самолёт!

Рисер-Ларсен и Фойхт подбежали к нему. Да, самолёт был виден ясно. Фойхт притащил флаг и замахал им. Амундсен в бинокль наблюдал, заметят ли Эльсворт или его спутники флаг.

Сначала никакого движения у другого самолёта не было. Но вот там кто-то бросился к флагу, поднял его и начал махать. Это был лётчик Дитрихсон. Он сигнализировал по азбуке Морзе:

«Наш самолёт получил течь. Гондола дала трещину ещё при взлёте. Пытаемся вытащить машину на лёд».

Он хотел передать ещё что-то, но в это время сгустился туман, и связь прервалась. Амундсен и его товарищи опять с большой энергией принялись за работу. Когда туман рассеялся, Амундсен с биноклем опять забрался на верх машины и заметил, что люди у самолёта N24 торопливо бегают вокруг него и что-то с ним делают. Потом он увидел, как Эльсворт и два его товарища стали на лыжи, вскинули на спину огромные тюки и пустились по направлению к лагерю Амундсена.

— Они идут к нам! — закричал Амундсен.

С волнением продолжал он следить за ними в бинокль. Три чёрные точки двигались по льду. Видно было, что их тяготит большой груз. Сначала они шли прямо, но, встретив на своём пути небольшой проливчик, не могли через него пробраться. Тогда Амундсен и Ларсен взяли

брезентовую лодку и отправились встречать товарищей. Ларсен сел в лодку, переехал через проливчик. Трое путников уже были у самого края льдины, как вдруг льдина подломилась. Дитрихсон и Омдаль упали в воду. Эльсворт бросился к ним на помощь и одного за другим вытащил на лёд. Ларсен перевёз их через пролив, и все бегом бросились к самолёту N25. Дитрихсон и Омдаль сменили мокрое бельё и, чтобы согреться, выпили по чашке спирта. Это приключение — купанье в ледяной ванне — не погасило их радости. Все шестеро опять были вместе!

Борьба за жизнь

После того как Дитрихсон и Омдаль обогрелись, Амундсен устроил совет: как быть? Все понимали, в какое тяжёлое положение они попали. План выхода из этого положения был составлен быстро: нужно расчистить дорожку для взлёта, выбросить из самолёта всё лишнее и пуститься в обратный путь. Самолёт мог поднять всех шестерых. Дорожка для взлёта требовалась в пятьсот метров длины и двенадцать ширины. На всём льду лежал толстый, почти метровый слой снега. Помимо уборки снега, надо было ещё выровнять лёд, сколов толстые ледяные торосы, образовавшиеся на стыках отдельных крупных льдин. Самые большие опасения вызывало то обстоятельство, что лёд беспрестанно двигался.

Работа предстояла большая и трудная. От быстрого выполнения её зависела жизнь. И как только окончилось короткое совещание, все шестеро, подбадривая друг друга, быстро сделали скат и вытащили самолёт на крепкую, толстую льдину.

Измерив глубину океана, путешественники выяснили, что она равнялась почти четырём километрам. Это значило, что поблизости нет никакой земли.

Шли уже пятые сутки со времени отлёта со Шпицбергена. Солнце светило ярко, но температура всё же держалась на 10 градусах мороза. Передвигающиеся льды подтащили ближе самолёт N24. Дитрихсон, Эльсворт, Фойхт и Омдаль пошли к нему и привезли на салазках бочку с бензином и всё продовольствие. Весь следующий день путешественники готовили дорожку для взлёта. Сначала дело не ладилось. Едва они очистили от снега метров двадцать, как лёд передвинулся и возле самого

самолёта появились трещины.

Чуть поодаль, в направлении строящейся дорожки, льды сжались и подняли вверх большую льдину, которая встала крепкой стеной. Путь был закрыт. Вся проделанная работа пропала.

Дитрихсон предложил перетащить самолёт к краю полярного озера. Вода в нём замерзла, образовался свежий гладкий лёд. Если он выдержит тяжёлую машину, то с него можно взлететь. Решили попытать счастья. Рисер-Ларсен занял место пилота. Фойхт залез в помещение для мотора, а остальные четверо толкали самолёт по указанию Рисер-Ларсена.

Но едва машина сползла на тонкий лёд, как он провалился и опять пришлось вытаскивать самолёт на старую льдину. Все были измучены работой и решили немного передохнуть. А льды кругом беспрестанно двигались, и самолёту всё время угрожала опасность. Механик Фойхт остался на часах, остальные забрались в машину и заснули.

Льды угрожающе потрескивали. Погода начала портиться. Временами срывался ветер. Вдруг всех разбудил крик Фойхта:

— Скорей вставайте! Лёд напирает!

Все быстро выскочили из машины. Страшное зрелище представилось их глазам: с трёх сторон на самолёт напозлали льдины. С большим усилием люди потащили самолёт в сторону, где, казалось, будет безопасно. Действительно, через несколько минут машина стояла на сравнительно спокойной площадке. Но можно было прийти в отчаяние от того, что творилось вокруг: лёд трещал и ломался, в нём образовалось множество трещин. Снег, гонимый сильным ветром, слепил глаза. Казалось, никакой дорожки сделать уже невозможно. Нужно было искать новую льдину, пригодную для взлёта.

Они двинулись на поиски. В четырёхстах метрах от самолёта лежала большая и прочная на вид льдина, лишь кое-где покрытая мелкими льдинками. Они перетащили самолёт на новое место и начали прокладывать дорожку для взлёта.

А ветер всё свистел и выл. Мелкие льдины лезли на ледяное поле и грозили опять разрушить дорожку.

Буря продолжалась часов десять подряд. Однако толстый старый лёд выдержал.

Немного передохнув, все снова принялись за работу. Никто не был уверен, что им удастся довести её до конца: слишком уж ненадёжна была погода. Несколько раз Амундсен решал про себя, что лучше всего было бы, пожалуй, не тратить сил и времени, а сразу же направиться пешком к югу. Но он ничего не говорил товарищам. Все работали с ожесточением. Так как

инструментов не хватало, то Омдаль приспособил штатив от кинематографического аппарата и работал им, как ломом, а Дитрихсон вооружился алюминиевой штангой. Дорожка для взлёта медленно удлинялась.

На второй день и эта льдина дала трещины.

Тогда Амундсен и Омдаль стали возить снег на санях и забивать им трещины. Одна из трещин была так широка, что забить её снегом было невозможно. С невероятными усилиями все шестеро притащили большую льдину и устроили из неё мост. Они работали изо всех сил, а их питание было очень скудно: каждый получал в сутки только двести пятьдесят граммов пищи.

8 июня вдруг напал сильный туман, а с ним пришла и оттепель. Снег начал таять. Это сразу же свело на нет всю работу. Самолёт не мог бы подняться по рыхлому снегу. Нужно было дорываться до твёрдого льда.

Всё это могло привести в отчаяние любого, но не Амундсена и его друзей. Они начали всю работу сызнова, и через трое суток половина дорожки была готова. Омдаль заметил, что если снег утаптывать, то он становится твёрдым и даже при лёгком морозе превращается в прекрасную поверхность. Тогда решили остальную часть дорожки не расчищать от снега, а просто утоптать её.

Уже шли восемнадцатые сутки, как они бились за жизнь. Пища приходила к концу. Было ясно: если через два дня они не улетят, то погибнут от голода.

К счастью, подготовка дорожки близилась к концу: отлёт был назначен на 15 июня. Вечером накануне они выбросили из машины всё лишнее. Оставили только бензин и масло на восемь лётных часов, брезентовую лодку, два ружья, двести патронов, шесть спальных мешков, палатку и продовольствие. Выброшены были даже лишняя одежда и обувь.

Наступил, наконец, час отлёта. Небо было совершенно ясное. Термометр показывал только 3 градуса ниже нуля. Но и такого мороза оказалось достаточно, чтобы поверхность снежного аэродрома покрылась твёрдым настом.

Ларсен пустил в ход моторы, чтобы они разогрелись, а остальные члены экспедиции пробежали вдоль всей взлётной дорожки, разбрасывая по обе её стороны тёмные предметы, чтобы лётчик лучше видел путь. Так они бросили лыжи, обрывки палатки, одежду.

Наконец все забрались в машину. На месте пилота сидел Рисер-Ларсен. Позади него — Дитрихсон и Амундсен, в кают-компании расположился Эльсворт, а оба механика устроились в помещении для

бензина. Наступил решительный момент: взлетит самолёт или нет? Ларсен пустил машину в ход.

Аэроплан медленно заскользил по дорожке: его швыряло из стороны в сторону. Машина дрожала и стонала. Похоже было на то, что она вот-вот рассыплется на части. Но вдруг грохот прекратился. Слышен был только рёв мотора. Самолёт оторвался от льдины и начал набирать высоту. Все закричали «ура». Через пять минут они уже быстро неслись к югу. Сверху льды казались спокойными и безобидными. Казалось, что они летят с бешеной скоростью, потому что Рисер-Ларсен вёл машину на высоте каких-нибудь пятидесяти метров. Нигде не было видно ни капли воды — только искромсанный торосистый лёд.

Часа через три самолёт вошёл в густой туман, — тогда пилот поднялся на высоту в двести метров, и туман остался внизу. Прошёл ещё час, туман исчез. Под самолётом снова открылись бесконечные ледяные просторы. Теперь в белых просторах темнели кое-где полыньи и большие озёра с плавающими мелкими льдинами. Однако земли нигде не было.

Семь часов самолёт с предельной скоростью нёсся на юг. С минуты на минуту должен был показаться Шпицберген. На пути встретились тучи. Самолёт полетел вслепую. Потом огромная туча разорвалась, поползла в стороны, и вдали показалась высокая сверкающая горная вершина. Это был Шпицберген! У северного берега его виднелось семь небольших островов, возле которых лежала тёмная полоса воды. Десять минут спустя они уже летели над открытым океаном.

Со стороны Шпицбергена дул сильный ветер, по морю ходили большие волны. Сесть на воду при такой волне было опасно. Вдруг пилот сделал какой-то знак, указывая на рули. Рули не действовали. Он вынужден был сесть немедленно.

Через несколько минут самолёт уже качался на волнах. Волны били в его бока, захлёстывали кабину, перелетали через крылья, а ветер гнал к земле, прямо к береговому льду.

Едва только машину прибило к берегу, как Амундсен, Дитрихсон, а за

ними и все остальные вылезли из машины, оттянув её подальше от воды. Это было спасенье. Яркое солнце заливало лежавшие на берегу огромные камни. Кое-где между камнями зеленел свежий мох. Вода журчала, сбегая с горных склонов. Над берегом летали чайки и кайры — здесь уже была жизнь. Лётчики весело скакали по большим камням, будто превратились в детей, — так велика была их радость.

Всего лишь восемь часов назад они были в ледяной пустыне, а сейчас стояли на твёрдой земле.

И для Амундсена стало совершенно ясно, что именно самолёт покорит Арктику.

На берегу лежал плавучий лес, принесённый сюда течениями с далёких сибирских берегов. Путешественники развели большой костёр. Омдадь принялся стряпать обед — только сейчас все почувствовали зверский голод. Вдруг они услышали крик Ларсена:

— Смотрите! Смотрите! Судно!

Из-за ближайшего мыса плавно вышел маленький рыбачий куттер. Он держал курс в море. Экипаж куттера не замечал ни самолёта возле острова, ни людей. Куттер шёл довольно быстро и вот-вот должен был скрыться за выступом острова.

Что сделать, чтобы задержать его?

Рисер-Ларсен закричал:

— Скорее в самолёт! Мы его догоним!

В одну минуту все были в самолёте, с рёвом и свистом самолёт понёсся вдогонку за куттером.

Погоня длилась несколько минут.

Это было норвежское судно «Морская жизнь». Судно остановилось, с него был спущен ялик, и два рыбака подплыли к самолёту. С удивлением они рассматривали бородатых людей, выглядывавших из окон кабины.

Вдруг один из рыбаков крикнул:

— Это Амундсен!

Бородатые люди радостно улыбались и размахивали руками.

— Спросите капитана, не отбуксирует ли он нас до Шпицбергена? — спросил Амундсен. — Сами мы не доберёмся. У нас почти кончился бензин.

Капитан согласился немедленно. Да и кто мог отказать человеку, которого уже считали погибшим? Капитан был счастлив оказать помощь великому соотечественнику и доставить путешественников и самолёт в Кингсбей.

Только когда шестеро отважных перешли на борт «Морской жизни»,

они впервые почувствовали, что экспедиция закончена. Молча и внешне спокойно протянули они друг другу руки и взглянули в глаза. За эти три недели каждый из них мысленно уже приготовился к смерти. И вот опять жизнь...

Они спустились вниз, в каюту, которую экипаж куттера передал в их полное распоряжение, и расположились на широких койках. Тотчас же появились кофе, яичница, тюлений бифштекс. Кончились голодные дни.

«Морская жизнь», взяв на буксир самолёт, пошла к Кингсбею. Двигалась она медленно, так как самолёт тормозил движение. Через несколько часов разыгрался шторм. Пришлось идти к берегу.

В одной из бухт, защищённой от ветра скалами, самолёт причалил к камням, и освобождённое судно пошло полным ходом.

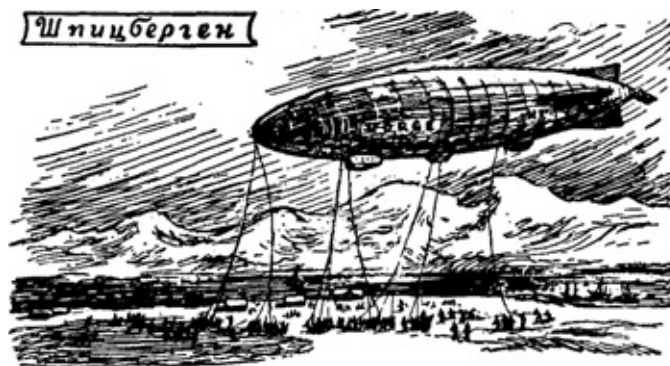
17 июня «Морская жизнь» вошла в порт Кингсбея. Здесь стояли два судна, а на берегу возле двух самолётов сустились люди. Амундсен и его спутники удивились: что это за суда? Что за самолёты? Откуда они?

Едва «Морская жизнь» подошла к берегу, во всём порту началась суматоха. Люди смеялись, плакали, ошупывали Амундсена: не верили своим глазам.

— Неужели это вы? — спрашивали они и наперебой рассказывали о том, как ждали и как готовились искать их. Для этого-то сюда и пришли два судна с самолётами.

— Мы уже думали, что вы не вернётесь...

На дирижабле через Северный полюс

Казалось бы, этот опасный полёт к полюсу должен был охладить пыл Амундсена к дальнейшим путешествиям.

И всё-таки уже на Шпицбергене он задумал новую экспедицию.

На пароходе, который вез экспедицию из Кингсбея на родину, в Норвегию, между Амундсеном и корреспондентом норвежской газеты произошёл следующий разговор:

— Ну как, капитан, теперь вы сложите свои вёсла навсегда?

— О нет! — спокойно ответил Амундсен. — В будущем году мы снова отправимся в арктическое путешествие. Но уже не на самолёте, а на дирижабле.

— Так, так, — сказал журналист. — Вы будете участвовать в экспедиции доктора Эккенера? Я слышал, что он собирается в арктический полёт.

— Нет. Всю жизнь моим величайшим желанием было повсюду пронести норвежский флаг. Я не летал под флагами других стран.

Неугомонный путешественник начал разрабатывать идею полёта на дирижабле ещё на палубе шхуны «Морская жизнь».

Вернувшись на родину, Амундсен вместе с Эльсвортом написал книгу «По воздуху до 88° северной широты». Книга имела огромный успех. Затем он прочитал в Америке и в Европе свыше ста докладов. Доход от книги, докладов и демонстрации кинофильмов дал ему пятьсот тысяч крон. Такая значительная сумма могла обеспечить быстрое и богатое снаряжение экспедиции.

Эльсворт с огромным увлечением принял участие в подготовке новой экспедиции. На этот раз Амундсен решил лететь через Северный полюс от

Шпицбергена до мыса Барроу и дальше до города Ном.

Амундсен был убеждён, что именно дирижабль будет самым подходящим воздушным кораблём для такого далёкого и опасного путешествия.

Ещё перед своим первым полётом Амундсен слышал, что итальянское правительство продаёт военный дирижабль. Посоветовавшись с Эльсвортом, он решил купить его. Вдвоём они поехали в Рим, осмотрели и испробовали дирижабль. Он оказался вполне пригодным для далекого полёта. Они уплатили за него семьдесят пять тысяч долларов и пригласили конструктора дирижабля инженера Нобиле участвовать в перелёте в качестве капитана.

В торжественной обстановке с дирижабля был снят итальянский флаг и поднят норвежский. Воздушному кораблю было дано имя «Норге», что значит Норвегия.

Кроме Нобиле, они пригласили ещё пятерых итальянцев механиков, много раз летавших на этом дирижабле. Все остальные участники экспедиции, за исключением американца Эльсворта, были норвежцы. Пилотом был Рисер-Ларсен, а главным механиком Омдаль.

«Норге» пролетел над всей Европой, сделав только две остановки — в Германии и в СССР, под Ленинградом. Отсюда дирижабль уже прямым путём полетел на Шпицберген. Эльсворт и Амундсен ждали его здесь. Они прибыли сюда на корабле и следили за постройкой ангара — всё в том же Кингсбее.

Дирижабль прибыл на Шпицберген 7 мая. Всю дорогу он держал радиосвязь со Шпицбергенем, Амундсен и Эльсворт по несколько раз в день получали вести с борта дирижабля. Полёт протекал спокойно.

И за время недолгого ожидания Амундсен не раз думал о том, какой гигантский скачок сделала в последнее время наука и как быстро совершенствуется техника. Ещё совсем недавно к полярным экспедициям готовились годами. Долгие месяцы надо было проводить на зимовках, выжидая благоприятного дня, чтобы начать изучение района полюса; много времени требовалось на то, чтобы добраться до полюса на собаках. И как только судно покидало родной порт, оно тут же отрывалось от мира, и никто не знал о путешественниках до того часа, как они или их корабль возвращались. А теперь вот радиограмма предупредила: «Приближаемся к Шпицбергену». И навстречу дирижаблю вышли все: рабочие угольных копей, матросы и рыбаки с немногих судов, стоявших в заливе.

Вот дирижабль показался на горизонте серебристой точкой.

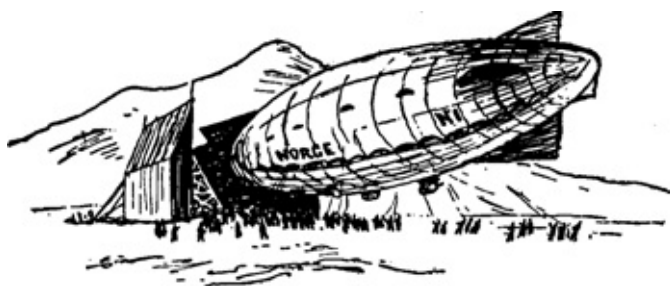
Он шёл на большой высоте со скоростью ста двадцати километров в

час. Достигнув Кингсбея, он покружил над гаванью и пошёл на снижение. Все увидели, как громаден этот воздушный корабль, похожий на сказочное чудовище.

Длинные тросы были сброшены с дирижабля, и на тросах он был введён в ангар.

Для снаряжения к полёту на полюс и дальше через полюс к мысу Барроу понадобилось только три дня. Вдруг на Шпицберген в ту же самую гавань прибыл корабль с двумя самолётами. Американский лётчик Ричард Бэрд также хотел лететь к полюсу. В течение суток он привёл в готовность свой самолёт и, не взяв с собой ни продовольствия, ни тёплой одежды, лишь с одним лётчиком — норвежцем Беннетом — полетел на полюс. Шестнадцать часов спустя они возвратились в Кингсбей. Самолёт достиг полюса!

Но полёт Бэрда был спортивным, а не научным. Стоило ли ради этого рисковать жизнью? Если бы с его самолётом случилась какая-нибудь авария и он вынужден был спуститься на лёд, как пришлось спуститься самолётам Амундсена, Бэрд и его спутник непременно погибли бы от голода и холода. Но сейчас Бэрд и Беннет сияли от счастья. Они были первыми людьми, которые достигли полюса воздушным путём. И об этом говорили в тот же день газеты всего мира.

Амундсен не любил путешествовать налегке, он не любил рисковать безрассудно. Из каждого путешествия он привозил множество научных данных, и спортивный полёт Бэрда несколько не охладил его желания лететь на полюс и дальше через Ледовитый океан к Аляске.

В 8 часов 50 минут 11 мая 1926 года «Норге» отправился в своё историческое путешествие. Через полчаса горы Шпицбергена скрылись из глаз путешественников. Дирижабль понёсся над ледяными просторами, прорезанными кое-где тёмными полосками воды.

Погода была превосходная: яркое солнце, небольшой ветер, хорошая видимость до горизонта. И всюду путешественники видели только

бескрайную ледяную пустыню.

Дирижабль под командою Нобиле вёл пилот Рисер-Ларсен. Амундсен занимался географическими наблюдениями. Группа научных работников следила за многочисленными приборами, определяла каждые полчаса местонахождение дирижабля. Кинооператор снимал на пленку все события этого перелёта.

12 мая в 1 час 25 минут «Норге» достиг полюса. Ледяная пустыня простиралась и здесь. Повсюду был виден только лёд, изборозждённый трещинами. Дирижабль стал медленно спускаться, кружась над полюсом.

Амундсен, Эльсворт и Нобиле открыли окно кабины и сбросили флаги. Амундсен первый сбросил норвежский флаг, за ним Эльсворт — флаг американский и Нобиле — итальянский. На лёд был спущен также пакет с грамотой на пергаменте.

Сделав несколько кругов, дирижабль полетел к берегам Америки. Погода испортилась. Подул ветер. Полосами пошёл туман. Временами дирижабль летел вслепую. Но приборы показывали точное направление — на юг.

Через семьдесят пять часов после вылета со Шпицбергена вдали показались тёмные горы. Это был мыс Барроу на северном берегу Америки.

Амундсен жадными глазами впивался в картину, развёртывавшуюся перед ним. Вот мыс Барроу, мимо которого когда-то прошла «Йоа». Вот Уэнрайт, где Амундсен провёл столько месяцев с Омдалем...

Амундсен мысленно пробежал свою жизнь. Как много сделано! Он первый совершил сквозное плавание северо-западным морским путём. Он первый обогнул всё побережье Северного Ледовитого океана вдоль берегов Америки, Европы и Азии, совершив, так сказать, кругосветное плавание в Арктике. Он первый достиг Южного полюса. Он первый совершил длительный полёт в Арктику на аэроплане. И вот теперь он пролетел на воздушном корабле над Северным полюсом и пересёк всю область полярного бассейна от берегов Европы до берегов Америки.

А между тем одного только из этих многочисленных подвигов было бы достаточно, чтобы прославить его имя в веках.

Рядом с ним во время этого полета находился его друг Вистинг. Они вместе побывали на Южном полюсе и вот теперь пролетали над Северным.

Дирижабль, дойдя до мыса Барроу, вдоль берега направился к югу и дальше над берегом Берингова пролива. Море было свободно от льда. Вдруг с Охотского моря повалил густой туман, закрыл землю. Экипаж потерял ориентировку, и дирижабль ветром начало относить в сторону.

В разрывах тумана время от времени показывалась земля. Дирижабль повернул на восток, стараясь как можно скорее выбраться из тумана. Однако туман будто преследовал воздушный корабль. Рисер-Ларсен никак не мог отделаться от этого спутника. Так бродили они в продолжение целых суток.

Потом ветер унёс туман, и вдали, на берегу Аляски, путешественники увидели незнакомое селение. Оно лежало в глубокой бухте.

Тотчас был отдан приказ к спуску. Замедляя полёт, дирижабль постепенно подходил к селению. Ветра совсем не было, и спуск прошёл блестяще.

Жители со всего селения сбежались к дирижаблю. Они ухватились за канаты, выброшенные с дирижабля, и подтянули его к земле.

Первым из гондолы вышел Амундсен. Его узнали и радостно закричали: «Здравствуйте, капитан Амундсен!» Даже здесь, в этом далёком селении, он был популярен.

Все поздравляли лётчиков с прибытием в Теллер, так называлось это селение, лежавшее в ста пятидесяти километрах к северо-западу от самого северного города Америки — Нома.

Амундсен на корабле поехал в Ном. Отсюда и была отправлена первая телеграмма о благополучном окончании смелой экспедиции.

Славная смерть

Полётом на Северный полюс Амундсен решил закончить свои полярные исследования. Он сделал всё, о чём мечтал!

Остаток своей жизни он хотел посвятить науке. Он поселился в окрестностях Христиании, переименованной теперь в Осло⁴, и здесь, в тишине, начал работать над теми материалами, которые собрал во время путешествий.

Жил он очень скромно, будто отшельник: сам убирал дом, варил себе обед, стирал бельё. Дорожа временем, он почти нигде не бывал, и только близкие друзья изредка навещали его. А работать ему приходилось чрезвычайно много. Старые долги, которыми опутал его мошенник Хаммер, тяготили Амундсена, и он прилагал все усилия, чтобы от них освободиться.

Однако эта тихая, замкнутая жизнь продолжалась недолго.

Весной 1928 года в газетах появилось сообщение о том, что инженер Нобиле решил повторить полёт к Северному полюсу на вновь сконструированном дирижабле «Италия». На этот раз весь экипаж состоял из итальянцев. Только два иностранца были приглашены участвовать в итальянской экспедиции: швед Мальмгрен — учёный-метеоролог, уже летавший с Амундсеном на дирижабле «Норге», и чешский профессор Бегунек.

Дирижабль «Италия» отправлялся в полёт из того же селения Кингсбей на острове Шпицберген.

Вначале Нобиле пытался пробраться до острова Северная Земля, но заблудился в тумане и вернулся на Шпицберген.

Через два дня он снова пустился в путь. На этот раз дирижабль

благополучно достиг Северного полюса и кружился над ним в продолжение двух часов. Всё это время на дирижабле играли итальянский гимн. На полюс было сброшено множество итальянских флагов.

Конечно, эта экспедиция почти не имела научного значения. Это была своего рода авантюра, устроенная с благословения тогдашнего итальянского диктатора Муссолини, затея опасная и бессмысленная.

После всех «торжественных церемоний», совершённых над полюсом, дирижабль повернул назад, к Шпицбергену.

Нобиле всё время сообщал по радио о ходе перелёта. Полёт протекал благополучно. Воздушный корабль уже находился в ста десяти километрах от Шпицбергена, как вдруг подул страшный ветер. Густой туман окутал океан, и дирижабль начал покрываться льдом. С каждой минутой он тяжелел и терял высоту. Чтобы облегчить его, итальянцы сбросили на лёд продовольствие, оружие, одежду. Ничего не помогало. Дирижабль продолжал снижаться, он нёсся совсем низко над океаном.

Никто не видел поверхности воды. Густой и плотный туман затянул всё вокруг. «Италия» летела вслепую и внезапно наткнулась на айсберг. Раздался страшный треск. Одна из гондол, в которой находились конструктор Нобиле и с ним девять человек экипажа, оторвалась и упала, а облегчённый дирижабль с другой гондолой взмыл вверх, и ветер понёс его на юго-восток. В этой гондоле было шесть человек.

Когда потерпевшие крушение пришли в себя, оказалось, что при падении гондолы разбился насмерть только один человек — моторист дирижабля. У Нобиле была сломана рука. Механик Чичиони сильно повредил себе ногу, а Мальмгрен вывихнул руку. Остальные же остались невредимы.

Оказав первую помощь раненым, они стали собирать вещи, выпавшие из гондолы при катастрофе, а также выброшенные раньше. К счастью, найдено было и продовольствие, и оружие, и даже радиоаппарат.

С большим трудом радисту Биаджи удалось починить радиоаппарат и наладить приём. Было слышно, как ищут «Италию», как запрашивают её, почему она молчит. Что случилось? Биаджи мог только слушать. Передаточное устройство сломалось, и никаких ответных сигналов он послать не мог.

Итальянцы с трудом переносили холод и быстро пришли в отчаяние. Они понимали, что добраться пешком до Шпицбергена им не удастся. У них не было ни саней, ни даже хорошей обуви. Кроме того, раненые двигались с трудом, а Чичиони и вовсе не мог ходить. Не растерялся только Мальмгрен. Он помнил постоянную поговорку Амундсена: «Бодрость

потерять — всё потерять». И хотя у него болела вывихнутая рука, он предложил идти пешком трём или четырём людям, а остальным ждать помощи на льдине. С Мальмгреном пошли два итальянца — Цаппи и Мариано.

Они ушли, а через неделю после их ухода Биаджи исправил радиоаппарат и стал посылать в эфир сигналы бедствия.

Сигналы о помощи услышал советский радиолюбитель Шмидт, потом их приняли и на итальянском корабле «Читта ди Милано», стоявшем у Шпицбергена.

Радиосвязь с погибающим экипажем была налажена. На спасение двинулись суда разных стран: итальянское, норвежское, три советских ледокола — «Красин», «Малыгин», «Седов», и шведский и французский крейсера, норвежский броненосец и другие суда, поменьше.

Амундсен внимательно следил за спасательными работами.

Однажды вечером он сидел в кафе, просматривая последние известия в газетах. Вдруг к нему подошёл официант и сказал, что его просит подойти к телефону норвежский военный министр. Без всяких предисловий министр спросил Амундсена, не согласился бы он полететь на французском самолёте «Латам» на помощь погибающим.

— Ваша помощь будет самой скорой и самой нужной.

Амундсен ответил не задумываясь:

— Я согласен.

На этот раз приготовления Амундсена были стремительны. Уже через день он выехал из Осло в Берген, куда прилетел на самолёте «Латам» известный французский лётчик Гильбо с тремя механиками-французами. Амундсен пригласил испытанных своих друзей — Дитрихсона и Вистинга — принять участие в спасательной экспедиции.

Из Бергена самолет «Латам» перелетел в северный порт Тромсе для окончательной подготовки к экспедиции. Подготовка длилась недолго. Но в последние часы перед отлетом выяснилось, что машина сильно перегружена и сможет взять только шесть человек. Один из семерых должен был остаться. Выбор пал на старого товарища Амундсена — Вистинга. Он в тот же день сел на корабль и направился к Шпицбергену, чтобы там встретиться с Амундсеном.

«Латам» вылетел 18 июня вечером. Через пять-шесть часов он должен был быть на Шпицбергене.

Погода в этот день была очень бурная: дул резкий восточный ветер, по океану ходили огромные волны. С самолёта по радио в течение двух часов сообщали, что всё идёт благополучно. И вдруг радиосвязь оборвалась.

Что случилось? Никто не мог ответить на этот вопрос. Прошли сутки, другие, третьи... О самолёте ничего не было слышно ни на Шпицбергене, ни на Медвежьих островах, над которыми он должен был пролететь.

Прошло ещё две недели, а о «Латаме» не было никаких известий. Вначале мало кто беспокоился об Амундсене: все знали, что Амундсен умел выбираться из самых опасных положений. Возможно, конечно, что с «Латамом» случилась авария, возможно, Амундсен сидит где-нибудь на льдине...

Гораздо больше беспокойств вызывали итальянцы, на помощь которым полетел Амундсен. Весь мир с напряжением следил за движением кораблей и самолётов, спешивших к месту катастрофы.

Советский ледокол «Красин», быстро обойдя Шпицберген с западной стороны, стал подвигаться навстречу итальянцам, терпящим бедствие.

1928 год был годом «тяжёлых льдов». «Красин» с трудом пробирался на север, пока не вошёл в такие льды, что вынужден был остановиться. С борта ледокола был спущен большой самолёт лётчика Чухновского. Он полетел на поиски итальянцев и вскоре обнаружил на льду два чёрных пятнышка. Спустившись ниже, Чухновский увидел двух человек, которые размахивали руками и звали на помощь, но нигде поблизости не было видно удобной посадочной площадки: лёд повсюду был взломан. Самолёт полетел отыскивать остальных.

А видимость ухудшалась. Туманная пелена скрыла горизонт, и вскоре всё заволокло таким густым туманом, что едва можно было различить концы крыльев самолёта. Пришлось прекратить поиски и спешить назад, к ледоколу.

Чухновский долго кружил в тумане, разыскивая «Красина» и, не обнаружив его, решил лететь к ближайшему острову. Самолёт много раз спускался, выбирая место для посадки. В конце концов ему удалось приземлиться, но при посадке сломалось шасси, и подняться в воздух он уже не мог.

Радист самолёта немедленно сообщил капитану ледокола о том, что в таком-то месте обнаружены на льду два человека. Уже все знали, что одна группа терпевших бедствие состояла из девяти человек, другая из шести. Знали, что трое — Цаппи, Мариано и Мальмгрен — ушли за помощью. А тут было два человека. Кто это мог быть?

Получив радиограмму Чухновского, «Красин» тотчас двинулся на розыски и вскоре нашёл людей. Это были итальянцы Цаппи и Мариано. Полтора месяца тому назад они ушли пешком от группы Нобиле на Шпицберген. Во время переходов по движущимся льдам они обессилели,

им грозила гибель... Третий их спутник, швед Мальмгрен, умер в пути.

«Красин» принял их на борт, двинулся дальше и вскоре снял со льдины спутников Нобиле (сам Нобиле был снят за несколько дней перед этим шведским лётчиком).

Как раз в то время, когда «Красин» шёл к группе Нобиле с западной стороны Шпицбергена, другой советский ледокол, «Малыгин», шёл к той же группе с востока. На пути «Малыгин» был затёрт льдами и начал дрейфовать. Всё время он поддерживал связь с северными радиостанциями.

Весть о том, что Амундсен вылетел на самолёте «Латам» на помощь Нобиле, «Малыгин» получил в тот же день. Через несколько дней было принято сообщение, что Амундсен и его спутники исчезли.

Когда «Красин» спас итальянцев, «Малыгин» получил по радио приказ Москвы:

«Ледоколу «Малыгину» идти к Шпицбергену искать пропавшего Амундсена и его спутников».

С большим трудом «Малыгин» выбрался из льдов и открытой водой двинулся на запад.

По пути к Шпицбергену начальник экспедиции на «Малыгине» профессор В.Ю.Визе запросил губернатора острова подробности: в каком направлении Амундсен полетел, какого вида аппарат, кто лётчики, когда прервалась связь. Связь, как оказалось, прервалась через два с половиной часа после отлёта Амундсена из Норвегии. Искать его надо было где-то у южной части Шпицбергена.

19 июля в утренние часы экипаж и члены экспедиции «Малыгина» увидели на горизонте высокие горы, сверкающие снегами и льдами. Это и был Шпицберген. «Малыгин» снова вошёл в плавучие льды. Они были совсем особые, очень толстые, с массой песка и ила. Течение вдоль берега было быстрое, льдины ежеминутно перемещались. Решено было поставить самолёт на поплавки и начать разведку с воздуха. Однако с самого начала лётчики убедились, что спустить самолёт невозможно: полыньи в движущихся льдах быстро изменяются. Искать можно было лишь ледоколом. «Малыгин» начал приближаться к берегам, к Сторфиорду. Если самолёт Амундсена спустился где-нибудь здесь поблизости, то люди могли по льдам пройти в этот залив, где сохранилось старинное убежище — русская изба, построенная ещё в XVII веке русскими поморами-промышленниками. Но губернатор Шпицбергена сообщил «Малыгину», что норвежское судно лишь на днях побывало в Сторфиорде и обследовало каждую пядь, — Амундсена там не было. Тогда «Малыгин» прошёл

насколько мог дальше во льды к северу и нигде не обнаружил никаких следов отважных путешественников. Пять дней искал «Малыгин» пропавший экипаж самолёта «Латам». Пора было уходить — на ледоколе кончался уголь и на исходе была пресная вода. «Малыгин» повернул на юг — к Архангельску.

Прошёл месяц, другой. Давно уже люди, на помощь которым полетел Амундсен, находились у себя на родине, а о самом Амундсене не было никаких слухов.

И только 31 августа норвежский пароход «Брод» нашёл в море поплавков от гидроплана. Поплавков принадлежал самолёту «Латам».

Это известие сразу встревожило весь мир. Что же случилось с Амундсеном и его спутниками?

Ещё через несколько дней была получена новая весть: в море найден пустой бак из-под бензина, на баке сохранилась металлическая пластинка с надписью «Латам». Этот бак находился внутри самолёта. Значит, самолёт разбился вдребезги, если бак выплыл на поверхность. На баке были видны следы от огня.

И о гибели самолёта теперь думают по-разному.

Может быть, это было так...

Два часа аэроплан летел благополучно. Сильный восточный ветер дул ему в бок, самолёт покачивало из стороны в сторону. Океан был взбудоражен высокими волнами. Вдруг мотор закапризничал, перестал работать. Лётчик Гильбо долго планировал, механики метались у машины, радист пытался дать сигналы «SOS» — «Спасите наши души», — так морские и воздушные корабли зовут на помощь в те минуты, когда им грозит гибель. Эти сигналы могли быть услышаны кораблями, плававшими близ Шпицбергена.

Но ничего сделать уже было нельзя. Мотор не заработал вновь, и самолёт сел на воду. Он оказался малой щепкой в бурном море. Волны горами обрушились на него. Они били его с сокрушительной силой. Аэроплан затрещал, повалился набок, оторвались крылья, кабина

наполнилась водой — тяжёлый мотор потащил разбитый самолёт в глубину, на дно океана. Люди несколько минут барахтались в ледяной воде. У Амундсена была с собой складная лодка. Быть может, он пытался разложить её, но не успел, и один за другим люди утонули в пучине. На поверхности остались поплавки самолёта и пустой бак из-под бензина. Гонимые ветром и волнами, они отплыли на запад, чтобы принести весть о смерти великого полярного исследователя.

А может быть, самолёт сначала загорелся. Пылающий, он несколько минут летел над океаном, затем с размаху врезался в воду. Огонь мгновенно погас, но волны быстро разбили обгорелые остатки машины.

Пять лет спустя норвежские рыбаки сетями выловили металлические части самолёта «Латам».

И это было всё, что осталось от спасательной экспедиции Руала Амундсена.

Геройской смертью закончилась трудная и плодотворная жизнь этого человека.

Послесловие

История полярных исследований — одна из наиболее ярких страниц в летописи познания нашей планеты, её природных условий. В борьбе за освоение Севера проявлялись лучшие качества людей: настойчивость в достижении поставленной цели, сила, ловкость, выносливость, находчивость, благородство человеческой души.

Немало замечательных одиночек-смельчаков отдали лучшие годы своей жизни, а иногда и самую жизнь делу изучения полярных стран.

Но они лишь приподняли завесу над тайнами полярного мира. Для того чтобы познать природу Арктики и Антарктики, необходимы длительные и кропотливые наблюдения с участием большого количества людей, вооружённых современной техникой.

Изучая деятельность крупных полярных путешественников, мы видим, как на протяжении многих веков русские и иностранные мореплаватели создавали историю великих географических открытий.

Так, скандинавские мореплаватели — викинги, предприняв плавание в арктические области, открыли Исландию и Гренландию. Зарубежными полярными мореплавателями открыты многие острова Канадского Арктического архипелага и другие.

Трудами русских землепроходцев, моряков, учёных были открыты и изучены острова и берега Северного Ледовитого океана.

Опыт русских исследователей Сибири помогал и Руалу Амундсену в его трудных путешествиях, так же как опыт Амундсена и других исследователей полярных стран помогал нам в дальнейшем проникновении к центру Арктики.

Многое изменилось на Крайнем Севере с тех пор, когда Амундсен совершал свои походы, плавания и полёты в Арктике. В Советской стране полярные исследования стали государственным делом. Уже в первые годы советской власти в Арктику были направлены крупные научные экспедиции. На побережье и островах Северного Ледовитого океана выросли полярные станции. Для изучения Арктики созданы специальные организации и научно-исследовательские институты. В результате этой гигантской работы, руководимой Коммунистической партией и Советским правительством, вдоль берегов Сибири проложен Северный морской путь.

Однако плавание по трассе Северного морского пути сопряжено с большими трудностями. Продвижению кораблей мешают тяжёлые

плавучие льды. Распределение этих льдов зависит от погоды и морских течений. Те сведения, которые давали наземные полярные станции, оказались недостаточными для определения режима арктических морей. Возникла необходимость изучить режим всего Северного Ледовитого океана — Центральной Арктики, чтобы установить основные закономерности формирования ледовых условий в арктических морях.

С этой целью в мае 1937 года в районе Северного полюса создана первая научно-исследовательская дрейфующая станция, получившая впоследствии название «Северный полюс-1».

В течение девяти месяцев станция продрейфовала от Северного полюса до $70^{\circ} 54'$ северной широты и $19^{\circ} 48'$ западной долготы в Гренландское море. На всём пути дрейфа отважные полярники — И. Д. Папанин, П. П. Ширшов, Е. К. Федоров и Э. Т. Кренкель — производили измерение глубин, изучали движение и состав водных масс на различных глубинах, вели систематические наблюдения за погодой, магнитными явлениями. В результате этих исследований были получены важные научные материалы о природе Центрального арктического бассейна.

Метеорологические сводки, передававшиеся по радио со станции, показали, насколько важны сведения о состоянии атмосферы Центральной Арктики при составлении прогнозов погоды не только для Арктики, но и для всей территории страны.

Через год от Новосибирских островов начал свой дрейф ледокольный пароход «Георгий Седов». Наблюдения седовцев также дали чрезвычайно интересный и важный материал о дрейфе льдов, погоде и магнитных явлениях в Центральной Арктике.

В 1941 году была организована воздушная экспедиция в район так называемого «полюса относительной недоступности», удаленного от ближайших к нему земель — острова Врангеля и побережья Аляски — более чем на тысячу километров. Самолёт, пилотируемый полярным лётчиком И. И. Черевичным, совершил посадки на лёд в трёх точках, где и были проведены научные наблюдения.

Исследования Центральной Арктики особенно расширились после Великой Отечественной войны.

Соединённые Штаты Америки, Англия, Канада и другие государства всё чаще направляют свои научные экспедиции в арктические районы.

Английская воздушная экспедиция провела в районе Северного полюса серию магнитных наблюдений, представляющих большой научный интерес.

Американские метеоразведывательные группы дали ценные

наблюдения по структуре и циркуляции высоких слоев атмосферы над Центральной Арктикой.

Снаряжаются подводные и ледокольные экспедиции, пополняющие важные материалы об условиях плавания среди арктических льдов.

На протяжении нескольких лет в весеннее время года на льдах Центрального арктического бассейна работали советские воздушные высокоширотные экспедиции. Советские учёные провели исследования на значительной территории. В результате этих исследований был получен большой научный материал, который позволил во многом расширить наши знания о природе Арктики.

С целью более детального обследования некоторых районов и проведения систематических круглогодичных наблюдений в 1950 году была создана научно-исследовательская дрейфующая станция «Северный полюс-2». За год работы коллектив станции выполнил обширный комплекс научных наблюдений (океанографических, аэрометеорологических, геофизических) в районе, прилегающем к «полюсу относительной недоступности».

Через три года, в 1954 году, в Центральной Арктике приступили к работе две новые научные станции: «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4», положившие начало существованию постоянных научно-исследовательских баз на дрейфующих льдах. По мере необходимости эти базы переносятся теперь в новые районы, представляющие наибольший интерес для изучения.

В 1956 году в различных частях Центральной Арктики на дрейфующих льдах одновременно работали три научно-исследовательские станции.

Такой размах исследований и достижений в Центральной Арктике — лучший памятник героям-исследователям Арктики, штурмовавшим многие годы высокие широты и отдавшим этому делу свою жизнь.

В последние годы развернулись большие работы и на противоположном краю земли — в Антарктике, где более 130 лет тому назад русские моряки под руководством Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева открыли новую часть света — Антарктиду, а Руал Амундсен в конце 1911 года первым, преодолев этот огромный континент, дошёл до Южного полюса. Советские учёные ведут успешную научно-исследовательскую работу по изучению природных явлений этого сурового края.

Уже десять лет бороздит антарктические воды советская китобойная флотилия «Слава». Наряду с добычей китов на ней ведётся регулярная

научно-исследовательская работа.

Осенью 1955 года к берегам Антарктиды отправилась первая комплексная советская антарктическая экспедиция под руководством М. М. Сомова. Здесь, на берегу моря Дейвиса, основана южнополярная советская обсерватория Мирный, а в глубине материка, в 385 километрах от берега, создана первая внутриматериковая полярная станция Пионерская. В недалёком будущем откроются ещё две внутриматериковые станции: одна — Восток, в районе Южного геомагнитного полюса, в полутора тысячах километрах от Мирного, другая — Советская, в районе «полюса относительной недоступности», на расстоянии двух с лишком тысяч километров от Мирного.

Научные исследования в Антарктике — составная часть работ третьего Международного геофизического года, который намечено провести с июля 1957 года до конца 1958 года. Рука об руку с советскими экспедициями будут работать в Антарктике научные экспедиции Англии, США, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Норвегии, Бельгии, Аргентины, Чили, Японии и, возможно, других стран.

Обширный комплекс исследований, который предполагается выполнить во всех частях Антарктиды во время Международного геофизического года, даст возможность познать этот ещё мало изученный континент и решить крупнейшие научные проблемы, которые важны для человечества, для прогресса науки.

Проводя эти работы, мы всегда вспоминаем с благодарностью имена замечательных предшественников, чьи неутомимые труды и подвиги являются для нас примером. Среди этих имен стоит славное имя Руала Амундсена.

А.Трешников

Основные даты жизни и деятельности Руала Амундсена

1872, 16 июля — В семье капитана, владельца судовой верфи Вервен в Норвегии, родился Руал Амундсен.

1880 — Начало учения в школе.

1890 — Амундсен поступает в университет города Христиании.

1894 — Для изучения морской службы Амундсен нанимается матросом на шхуну «Магдалена» и совершает плавание к Шпицбергену.

1894-1896 — Амундсен плавает на разных судах: «Вальборг», «Оскар», «Хюльдра», «Рона», «Язон»; проходит путь от матроса до шкипера, затем сдаёт экзамен на штурмана.

1897-1899 — На судне «Бельгика» штурман Амундсен участвует в научно-исследовательской экспедиции лейтенанта де Герлаха в Антарктику, к магнитному полюсу.

1900 — Амундсен сдаёт экзамен на капитана. Поступает на работу в Гамбургскую обсерваторию для изучения вопросов, связанных с земным магнетизмом.

1903-1906 — Амундсен на судне «Йоа» впервые в истории совершил непрерывное плавание из Атлантического океана в Тихий, открыв Северо-Западный проход.

1910-1912 — Экспедиция Амундсена на «Фраме» к Южному полюсу. Высадившись в Китовой бухте, экспедиция 20 октября 1911 года отправляется к полюсу. 15 декабря достигает полюса.

1914 — Амундсен сдаёт экзамен на гражданского лётчика.

1918-1921 — Экспедиция Амундсена на корабле «Мод». Цель её, вмерзнув в лёд, дрейфовать вместе со льдами через Северный полюс. Экспедиция не достигла конечной цели, но в течение трёхлетнего дрейфа собрала большие ценные научные материалы.

1925, 21 мая — На самолёте N25 Амундсен летит к Северному полюсу и терпит неудачу из-за поломки самолёта.

1926, 11 мая — Амундсен вылетел со Шпицбергена на дирижабле «Норге» с целью пролететь по прямой линии через Северный полюс. Полёт длился 75 часов. Дирижабль пролетел через Северный полюс и опустился на Аляске.

1928, 18 июня — на самолёте «Латам» Амундсен вылетел спасать

экспедицию Нобиле и героически погиб.

Краткая библиография

Амундсен Руал, Собрание сочинений в пяти томах. Изд-во Главсевморпути, Л., 1936-1939.

Его же, Завоевание Южного полюса. Изд-во «Новая Москва», М., 1924.

Его же, Моя жизнь. Изд-во «Прибой», Л., 1930.

Его же, На корабле «Мод». Гиз, М.-Л., 1929.

Его же, На крыльях в страну безмолвия. Изд-во «Земля и фабрика», М.-Л., 1926.

Его же, Перелёт через Ледовитый океан. Гиз, М.-Л., 1927.

Его же, Плавание Северо-Западным проходом на судне «Йоа». Изд-во Главсевморпути, Л., 1935.

Его же, По воздуху до 88° северной широты. Гиз, М.-Л., 1926.

Его же, Южный полюс. Изд-во «Молодая гвардия», Л., 1937.

Вязов Е. И., Руал Амундсен. Географгиз, М., 1955.

Дейч А. И., Амундсен. Учпедгиз, М., 1936.

Дмитриев С. Н., Первый полёт через Северный Ледовитый океан из Европы в Америку. Издатель Мириманов, М., 1929.

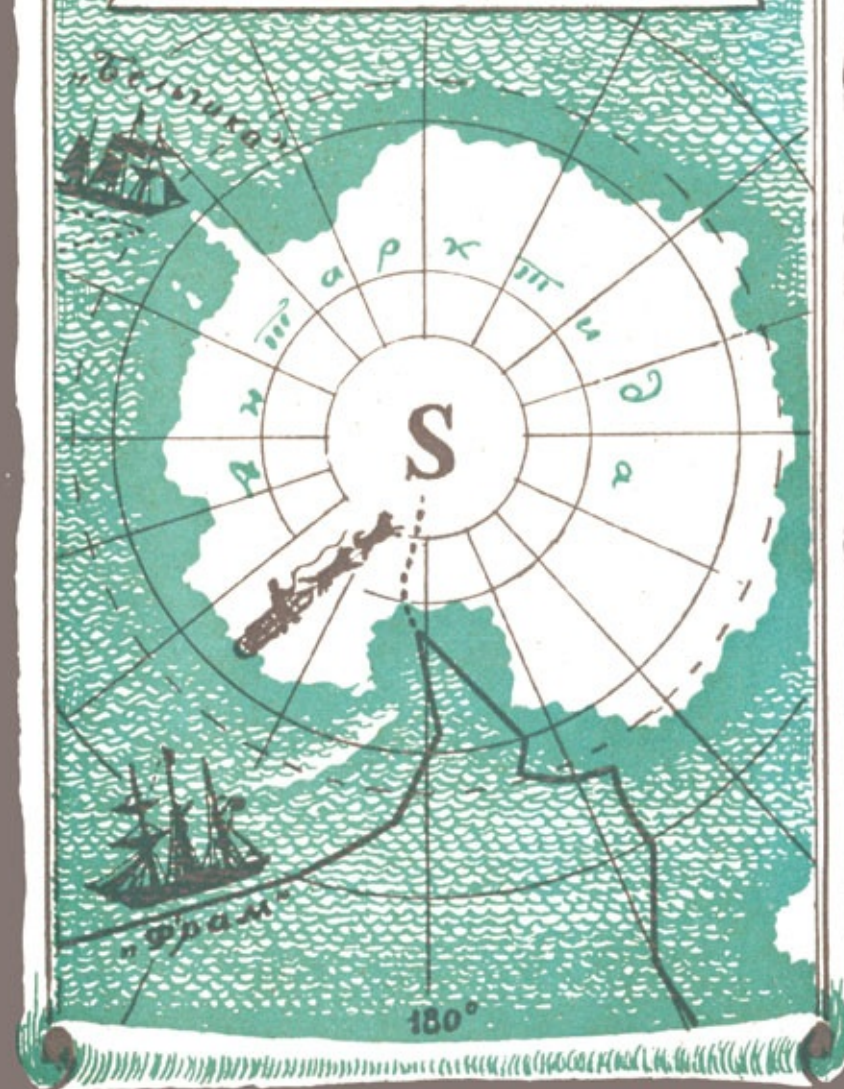
Дьяконов М., Амундсен. Изд-во Жургазобъединение, серия «Жизнь замечательных людей», М., 1937.

Лактионов А. Ф., Северный полюс. Изд-во «Морской транспорт», М., 1955.

Яковлев А., Жизнь и приключения Руала Амундсена. Детгиз, М.-Л., 1936, 1938.

Его же, Руал Амундсен. Изд-во «Молодая гвардия», М., 1948.

Путешествия
Руала Амундсена

notes

Примечания

В своих книгах Амундсен употреблял термины «северный магнитный полюс» и «южный магнитный полюс», условно помещая их соответственно в северном и южном полушариях Земли. Но северный конец магнитной стрелки притягивается, как известно, южным магнитным полюсом Земли. Следовательно, в северном полушарии, в Арктике, находится истинный южный магнитный полюс, а в южном полушарии, в Антарктике, — северный.

Советские учёные доказали, что магнитного полюса, как точки, где пересекаются все магнитные меридианы, в северном полушарии нет. Магнитные меридианы сходятся не в одной точке, а вдоль «линии схождения», определённой советскими магнитологами. Длина этой линии — более 2 тысяч километров. Одним концом её является «старый» магнитный полюс, открытый Россом, а другим концом «новый» магнитный полюс, названный «полюсом Седова». Перемещения магнитного полюса Росса в пространстве незначительны, магнитный же полюс Седова не сохраняет определённого положения, а движется вокруг полюса Росса, описывая эллипс. (*Прим. автора.*)

Стортинг — норвежский законодательный орган, состоящий из 150 человек, избираемых на четыре года.

Лишь три года спустя русские охотники нашли в сибирской тундре трупы обоих матросов, погибших от голода и морозов.

Осло — один из древнейших городов Норвегии — основан в начале XI века. В 1624 году он был почти полностью уничтожен пожаром. По приказу короля Христиана IV столицу начали строить на новом месте и назвали Христианией. В 1924 году, во время празднования 300-летнего юбилея города, стортинг постановил вернуть столице её древнее наименование — Осло.